

ПРИ
ЗНАНИЕ

ТЁМНЫЙ
РОМАН С
ПРЕСЛЕДОВАНИЕМ

КЭНДИС РАЙТ

[HTTPS://T.ME/ECSTASYBOOKS](https://t.me/ecstasybooks)

Айви

Мне известно, что такое любовь. Но после того, как я стала свидетелем ее разрушительной силы, я избегала ее.

До тех пор, пока не появился Атлас.

Никогда не думала, что буду игнорировать все "красные флаги" махать "белыми", отдавшись Атласу самым восхитительным способом.

Я не осознавала, что он играл со мной все это время, пока не оказалась в его власти.

Говорят, любовь способна залечить все раны, но что делать со шрамами, оставшимися после нее?

Атлас

Мне неведомо, что такое любовь. Я не испытывал на себе ее свет и не погружался в ее глубины.

До тех пор, пока не появилась Айви.

Когда я вижу, то что мне нужно, я беру это.

И сейчас я хочу только ее.

Каждый мой поступок расчетливый и методичный, пока Айви не окажется там, где я хочу.

К тому времени, как она поймет, что это ловушка, будет слишком поздно.

Айви никогда не простит меня, и я никогда не отпущу ее.

Но я не чувствую ни вины, ни угрызений совести.

Не сейчас, когда я буду владеть каждым дюймом ее тела, сердца и души.

И даже сама Айви меня не остановит.

Кэндис Райт Принуждение

ПЕРЕВОД ГРУППЫ: t.me/ecstasybooks

Просим НЕ использовать русифици-рованные обложки книг в таких социальных сетях, как: Тик Ток, Инстаграм, Твиттер, Фейсбук.

Для тех, кто находил утешение во тьме, которой боялись другие.

— Ты можешь любить монстра, он даже может ответить тебе взаимностью, но это не меняет его природы.

Элиза Крю

Тысячи звезд озаряют ночное небо, неземным образом освещая зверства внизу.

Резня и хаос, осквернившие день, который должен был быть, наполнен любовью и празднованием, утихли теперь, когда пало последнее тело. Случайная рука или нога произвольно дергается то тут, то там, словно души людей отчаянно пытаются удержаться за свои тела призрачными пальцами. Какофония отчаянных последних вздохов эхом отдается в ночи, словно заключительные ноты скорбной баллады. Только когда их легкие наполняются кровью и наступает благословенная тишина, я испытываю чувство удовлетворения.

Не гордость. Нет никакой чести в том, чтобы устроить засаду на семейной свадьбе и расстрелять безоружных мужчин и женщин, независимо от того, насколько они этого заслуживают.

Впрочем, так оно и есть в моем мире. Око за око.

Жених, Дилан Уолш, двадцатичетырехлетний наследник трона Шона Уолша, изнасиловал мою пятнадцатилетнюю сводную сестру Эбигейл и сделал ее беременной.

Будь он умным человеком, Дилан убил бы Эбигейл после того, как покончил с ней. Оставить ее в живых, чтобы она его раскрыла, было сродни подписанию свидетельства о смерти как себе, так и любому другому человеку, в жилах которого течет кровь Уолшей.

Кровные преступления всегда возмещаются кровью десятикратно. За то, что он заставил истекать кровью мою сестру, я пролил кровь его матери, сестры, тети и невесты. Дилан должен быть благодарен, что я не животное, каким он оказался. Пуля действует быстро и эффективно. Я проявил к этим людям доброту, в которой он отказал моей сестре. Их страдания закончились в считанные минуты. У Эбигейл это продлится всю жизнь.

— Готово. Давай выбираться отсюда. Селин готовит тушеное мясо сегодня вечером, и у меня разыгрался аппетит, — мой отец маниакально ухмыляется, когда остаточный адреналин, бурлящий в нем, пытается найти выход.

Я могу лишь надеяться, что моя мачеха подготовилась. Не то чтобы меня это волновало. Селин... ну, это Селин. Американка, какой была и моя мать, но на этом сходство заканчивалось. Селин прокладывала себе путь вверх по социальной лестнице на спине с широко расставленными ногами, пока не привязала свою звезду к моему отцу. Движимая деньгами и властью, она во многом похожа на него, только ее мало волнует что-либо другое и по какой бы причине это ни соответствовало потребностям моего отца.

Обычно я бы вызвал нашу бригаду по уборке прямо сейчас, но не в этот раз. Это способ моего отца заявить о себе. С таким количеством полицейских, политиков и судей в наших карманах, мы могли бы попасть на камеру и все равно в конечном итоге уйти.

Деньги и власть. Это то, на чем построен мир, и никто не застрахован вне коррупции.

Следуя за своим отцом, я смотрю на звезды, омывающие небо своим мерцающим

сиянием, освещая огромный белый шатер, который скрывает кровопролитие внутри. На секунду я задаюсь вопросом, почему я не могу вспомнить точный момент, когда смерть стала для меня такой обыденной.

Я не нахожу ответов. Я никогда не нахожу. Возможно, никогда не было определяющего момента. Наверное, это все, что я когда-либо знал. В конце концов, сколько людей могут сказать, что они убили человека за несколько секунд до его рождения?

Миф, окружающий это событие, всегда заставляет людей бояться меня. Я родился в реке крови после того, как выкарабкался из тела моей мертвой матери. Якобы, я не плакал, не суетился. Просто уставился на своего отца холодным взглядом.

Я бы назвал это чушью, если бы меня действительно заботило, что люди думают обо мне, чтобы поправить их, но если страх удерживает их на расстоянии, то кто я такой, чтобы врезать по зубам дареному коню?

Забравшись на заднее сиденье, наш водитель Клинт ждет, пока две другие машины подадут сигнал. Клинт выезжает, когда первая машина отъезжает, а третья машина проскальзывает за нами. Это стратегический конвой, которым мы пользуемся с тех пор, как я был ребенком.

Пуленепробиваемое стекло не так уж плохо, но мой отец — параноидальный сукин сын. — Адриан приготовил для нас самолет, — говорю я Клинту, когда мой телефон звонит от входящего сообщения, извещающее меня о том, что мы готовы к вылету.

— Ты идешь со мной домой ужинать? Селин спрашивала о тебе. — Мой отец поворачивается ко мне, его вопрос вовсе не вопрос, а приказ.

— У меня найдется время, — хладнокровно отвечаю я. Легче уступить, чем ссориться из-за мелкой ерунды. Мне нравится мудро выбирать свои битвы, а с моим отцом все превращается в битву.

И на этом наша беседа заканчивается. Остаток пути до дома моего отца на окраине Лондона каждый из нас проводит за работой.

Я потягиваюсь, когда вылезая из машины, мое тело затекло от того, что слишком долго сидел в одном и том же положении.

Ожидая, пока мой отец обойдет машину, я наслаждаюсь теплым светом фонаря на крыльце, создающим атмосферу гостеприимства. Это просто показывает, что внешность может быть обманчивой.

Мы поднимаемся по ступенькам и входим в дом, направляясь на запахи, доносящиеся с кухни. Может, я и не питаю любви к Селин, но это не значит, что я не могу оценить ее стряпню.

Бормотание голосов становится громче, чем ближе мы подходим, и я не обращаю на это внимание, пока отец не останавливается и не смотрит на меня.

Вот тогда я прислушиваюсь к тому, что говорят.

Моя первая мысль, что у Селин роман, но потом я понимаю, что оба голоса женские и знакомые. Я хмурюсь в замешательстве, задаваясь вопросом, почему мой отец остановился, пока не раздастся взволнованный голос Эбигейл.

— Но что, если они захотят сделать тест ДНК?

— Не беспокойся об этом. Я знаю кое-кого, кто может подправить его для нас. Тебе просто нужно держать рот на замке и держаться подальше от этого парня, — шипит Селин, заставляя меня нахмуриться еще сильнее.

— Но я люблю Льюиса. У него есть право знать, что он станет отцом... — звучит

пощечина, и мое тело напрягается. Я не двигаюсь, и мой отец тоже не шевелится, ему нужно все это услышать.

— Ты начала это, раздвинув ноги для того парня. Если бы твой отец узнал, он бы убил его в мгновение ока, и ты это знаешь. Как думаешь, что он сделает, когда узнает, что ты солгала о Дилане Уолше?

— Но ты велела мне сказать это, — Эбигейл громко плачет.

— Твой отец скоро будет дома. Тебе просто нужно держать рот и ноги на замке, если это на этот раз действительно не принесет нам пользы. Может быть, вместо того, чтобы трахаться с наемной прислугой, ты могла бы вместо этого заняться своим сводным братом. Таким образом, когда твой отец умрет, нас не выгонят.

— О, я бы не беспокоился об этом, дорогая, — мой отец заходит на кухню, достает пистолет и выпускает пулю в лоб своей жены. На мгновение ее глаза расширяются от шока, прежде чем они стекленеют, и ее тело камнем падает на пол.

Эбигейл кричит, падает со стула и отползает в угол комнаты. Она обхватывает себя руками и рыдает.

— Кто он? — рычит мой отец, заставляя ее хныкать.

— Единственный Льюис, который приходит мне в голову, — это чистильщик бассейна. Довольно банально, если хочешь знать мое мнение. — Я апатично пожимаю плечами, но внутри у меня все кипит.

— Нет! Пожалуйста, папочка, не делай ему больно, — она тянется, чтобы схватить его за ногу, но он отталкивает ее руку.

— О, я не причиню ему вреда. Я убью его, — рычит он, берет свой мобильный и звонит Джиму, который приведет Льюиса сюда, брыкающимся и кричащим, примерно через пять минут.

— Пожалуйста, пожалуйста, ты должен что-то сделать. Ты должен остановить его, — умоляет меня Эбигейл.

Я сажусь на корточки перед ней и смотрю на ее заплаканное лицо: — Итак, зачем мне это делать?

— Он не причинил мне вреда, — всхлипывает она, по ее лицу текут сопли и слезы вместе с каплями крови ее матери.

— Я сказала ему, что мне девятнадцать. Он не знал, — шепчет она.

— Похоже, из-за твоей лжи продолжают убивать людей, не так ли, Эбигейл? Ты знаешь, сколько людей я слышал сегодня вечером, умоляющих сохранить им жизнь или жизни их близких, чтобы их пощадили? Слишком многих, и все это было сделано во имя твоей чести. Чести, которой у тебя нет.

Ей нечего на это сказать. Я встаю и позволяю ей сидеть, плача у моих ног, пока она обдумывает мои слова. Через несколько минут появляется Джим, волоча за собой растерянного Льюиса.

В ту же секунду, как мой отец видит его, он хватается парня за горло и прижимает к стене.

— Ты посмел трахнуть мою дочь! — рычит он, когда глаза Льюиса расширяются, и на его лице появляется понимание.

У него нет шанса, чтобы оправдаться. Мой отец отпускает его, прежде чем схватить пистолет со стола, где он его оставил, и выпускает в него оставшиеся пули. Его тело дергается и извивается, как у куклы-марионетки, прежде чем упасть на пол. Крики Эбигейл

— единственное, что я слышу после оглушительных звуков стрельбы.

— Заткнись, или, да поможет мне Бог, следующая пуля будет твоей. — Мой отец насмехается над Эбигейл, которая достаточно умна, чтобы понимать, что он имеет в виду каждое слово.

Он разворачивается и выбегает из комнаты, Джим следует за ним по пятам и ждет инструкций о том, что делать дальше.

Я снова сажусь на корточки перед Эбигейл и мягко беру ее за подбородок, запрокидывая ее голову, чтобы заглянуть в глаза. Я вижу момент, когда она осознает, что ее самый страшный кошмар превращается в реальность.

— Действия имеют последствия, Эбби. Ты достаточно взрослая, чтобы знать это. Ты не его дочь и не моя сестра по крови, так что тот факт, что ты сейчас жива, свидетельствует о том, как сильно старик любил тебя. Но теперь все будет иначе. Вот что происходит, когда ты играешь со взрослыми. Приведи себя в порядок и доешь ужин ради своего отца.

Я встаю и разглаживаю лацканы своего пиджака, прежде чем выйти из кухни и подняться по лестнице в кабинет отца.

— Ты, должно быть, издеваешься надо мной! — я слышу его сердитый голос, когда Джим пытается успокоить его.

Ускорив шаг, я стучу в его дверь один раз, прежде чем открыть ее, чтобы увидеть, как он стоит у окна, запустив руки в волосы, его обычное самообладание пропало.

— Покажи ему, — приказывает он Джиму, который кивает, берет со стола свой мобильный телефон и протягивает его мне, показывая фотографию.

Это место кровавой бойни, с которого мы ушли сегодня утром. Кровь, тела, смерть всех тех людей, которые, в конце концов, были напрасны. Разница между прошлым и настоящим заключается в фигуре, стоящей посреди обломков и выглядящей как ангел посреди ада.

Маленькая девочка, которой не больше пяти или шести лет, стоит посреди братской могилы как привидение. Одета в белое платье подружки невесты, пропитанное кровью, она смотрит на меня через экран, словно может увидеть, отчего волосы у меня на руках встают дыбом.

— Кто она? — я спрашиваю спокойно, но мои глаза не отрываются от образа маленькой девочки, ее испуганное выражение лица врезается мне в память.

— Эмма Уолш, младшая дочь Шона, — отвечает Джим, когда я отправляю фотографию на свой телефон и возвращаю ему.

— Я думал, что его младший был мальчиком.

— Джейми восемнадцать лет, и он младший, но шестилетняя Эмма — незаконнорожденный отпрыск его любовницы Луизы, которая умерла четыре месяца назад. С тех пор она живет у Уолшей, — со вздохом признается Джим.

— Это гребаный беспорядок, — стонет мой отец, отворачиваясь от окна, чтобы посмотреть на Джима. — Отправь Эбигейл к моей сестре в Шотландию. Она может оставаться там до рождения ребенка, тогда его можно будет отдать на усыновление. Я хочу, чтобы к этому времени был подыскан муж.

— Три года — это долгий срок для мужчины, чтобы ждать. Ты планируешь держать ее в Шотландии, пока ей не исполнится восемнадцать и она не вступит в законный брак?

— Ее мать умерла, что делает меня ее законным опекуном. С моего разрешения она может выйти замуж в шестнадцать. Ее муж может делать с ней все, что захочет. Если я еще раз увижу ее, то убью.

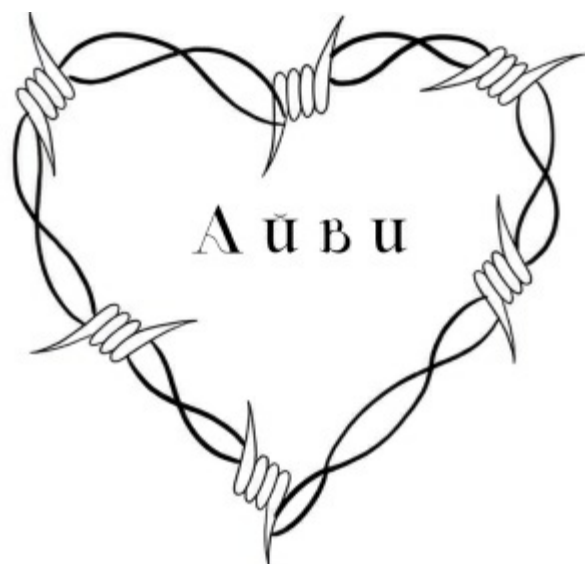
Переведя на меня усталый взгляд, он стискивает зубы: — Найди девочку и закончи работу. Последнее, что мы можем себе сейчас позволить, это гребаный свидетель.

— Она не просто свидетель, она единственная наследница трона Уолша, — отмечает Джим.

— И единственный человек, способный нас уничтожить. Либо она, либо мы, — мой отец вздыхает.

Видите ли, у каждого действия есть последствия. С таким количеством крови на моих руках это действительно не должно иметь значения, но когда я достаю свой телефон из кармана и смотрю на экран, я знаю, что это ложь.

Я убью ее, но это может означать и мою смерть тоже.

— Убирайся с дороги, блядь! — лысеющий мудака с печальной прической в машине позади меня кричит из окна, нажимая на клаксон.

— Конечно, почему я об этом не подумала? — я бормочу себе под нос, пытаясь завести двигатель, но ничего не получается. Даже жалобного писка, чтобы сообщить мне, что она все еще жива.

Когда этот мудака нажимает на клаксон, я хлопаю по рулю и ругаюсь, как моя ирландская бабушка. Дерзкая и бесстрашная до самой смерти, я была названа в честь моего любимого члена семьи, но я не унаследовала ни капли ее уверенности. Помимо моих буйных волос цвета меда и способности обгореть на солнце в середине ноября, единственное, что я унаследовала от своей бабушки, — это способность пить виски как воду, не пьянея, и это не то, что я могу добавить к своему резюме.

Я опускаю окно. Оно протестующе визжит, и я машу ему рукой, не обращая внимания на то, как он называет меня разными именами и предлагает, что мне с собой делать. Некоторые из которых, я не думаю, что анатомически возможны.

Я перебираюсь через центральную консоль на пассажирское сиденье и вылезая из двери. Люди, которые теперь едут вокруг меня, смотрят на меня с разным выражением гнева и жалости. Они, вероятно, думают, что я делаю это из соображений безопасности, чтобы меня не сбила проносющаяся мимо машина, но правда в том, что дверь со стороны водителя больше не открывается.

Вздыхнув, я напоминаю себе, что всегда могло быть хуже. Я хватаю свою сумку и направляюсь к травянистой насыпи рядом с дорогой.

Я роюсь в своей сумке, пока не нахожу свой мобильник и вытаскиваю его с победной улыбкой, которая быстро исчезает, когда я понимаю, что он разрядился.

— Ну, конечно. Если я скажу, что могло быть еще хуже, ты собираешься поразить меня молнией? — спрашиваю я, вглядываясь в небо. Я уверена, что у человека наверху есть более серьезные причины для беспокойства, такие как голод и война, но было бы неплохо иногда сделать перерыв.

Звук замедляющегося двигателя заставляет меня оглянуться через плечо на блестящую черную машину, подъезжающую прямо за моей.

Я быстро натягиваю улыбку на лицо, прикидывая план побега, если понадобится. Я не

из тех людей, которых легко заманить в ложное чувство безопасности с помощью дорогой машины и броской одежды.

Я слишком много повидала, чтобы поверить, что чей-то почтовый индекс определяет исключительно вероятность того, что он станет преступником. Зло с такой же вероятностью может носить костюм и часы "Ролекс", как и грязные джинсы и избивание жены. Черная слизь злонамеренности присутствует во всех сферах жизни. От сутенеров, пробующих девушек, которых они накачивают наркотиками, а в итоге накачивают спермой, до людей с раздутым эго и толстыми кошельками, покупающих свою невиновность у каждого из присяжных.

Конечно, обездоленные люди впадают в отчаяние. Многие принимают неверные решения в попытке выжить, но деньги и власть не смывают грехи человека и не делают его чистым. Это просто покупает ему шкаф побольше, в котором он может спрятать свои скелеты.

Я смотрю, как открывается задняя дверь и выходит мужчина в темном костюме, который, вероятно, стоит больше, чем весь многоквартирный дом, в котором я живу. Черт возьми, он, вероятно, тратит на нижнее белье больше, чем я на еду.

Он высокий и худощавый, но подтянутый, как парни из команды по плаванию, на которых я иногда глазею на работе. В этой работе должны быть какие-то преимущества, потому что мой новый босс Генри — придурок.

Ветер развевает его беспорядочные светлые волосы, заставляя их развеваться, когда он приближается ко мне с дружелюбной улыбкой с ямочками на щеках. В нем есть что-то от классического парня-серфера, несмотря на костюм и галстук, говорящие мне об обратном.

— Нужна помощь? — спрашивает он с широкой улыбкой, которая делает его красивое лицо еще более привлекательным, но по какой-то причине на меня это не действует. У этого парня на лице написано *player* (прим. парень, который встречается со многими девушками одновременно).

— У меня сдохли и телефон и машина, — признаю я, кивая головой.

Он оглядывает меня с ног до головы: — Хочешь, мы тебя подвезем?

Почему это прозвучало как намек?

Пинг. Привет, красный флаг.

— Мы?

— Мой... друг и наш водитель, — он указывает на машину, где я едва могу разглядеть парня спереди.

Пинг. Красный флаг номер два. Одна девушка и трое мужчин? Я почти уверена, что это хорошо заканчивается только в порно. В реальной жизни мне совсем не нравятся такие шансы.

— Извини, я не соглашаюсь на поездки с незнакомцами, — я осторожно улыбаюсь, делая шаг назад. Особенно, когда эта поездка означает оказаться запертой в машине с тремя незнакомыми мужчинами. Возможно, просмотр криминального канала сделал меня немного параноиком, но это не значит, что я зря беспокоюсь.

— Я не причиню тебе вреда, но слишком опасно оставаться здесь, на обочине дороги, — он пытается развеять мои страхи, но этого не происходит.

— Думаю, что в руководстве для серийных убийц написано заверять своих жертв, что ты не причинишь им вреда, так что я все равно откажусь. Хотя спасибо. Надеюсь, тебе больше повезет с принуждением следующей жертвы.

Он разочарованно проводит рукой по волосам.

— Я не лгу тебе, — обиженно ворчит он, заставляя меня усмехнуться.

— Уверена, что это правда, но я не доверяю незнакомым мужчинам только потому, что они так сказали. Ну, если только их не зовут Саймон (прим. отсылка к фильму «Саймон говорит», про убийцу-психопата, который заставляет своих жертв делать то, что он говорит), — шучу я, заставляя его нахмуриться.

— Меня зовут Кензо, а не Саймон.

— Ты знаешь историю с Саймоном? — я отмахиваюсь от этого. — Неважно. Послушай у тебя есть дети, Кензо?

Я оглядываю его с ног до головы. Ему должно быть под тридцать, так что это возможно.

— Допустим, да, ради аргументации. Если бы у твоей дочери-подростка сломалась машина на обочине дороги, а трое мужчин остановились и предложили ее подвезти, ты бы хотел, чтобы она согласилась?

— Блядь, — ругается он, что само по себе является ответом. — Я бы хотел, чтобы она была в безопасности, но я понимаю твою точку зрения. Что, если ты воспользуешься моим телефоном, чтобы вызвать помощь? У тебя есть кто-нибудь, кто может приехать и забрать тебя?

Ладно, его забота кажется искренней, и это немного смягчает мое отношение к нему.

— На самом деле, это было бы здорово, спасибо.

Я подхожу ближе и протягиваю руку, чтобы он передал его мне, что он и делает, как только снимает блокировку отпечатком большого пальца.

Я набираю единственный номер, который сохранился в моем мозгу, и надеюсь, что кто-нибудь возьмет трубку.

Гудки звучат непрерывно, но никто не отвечает, потому что карма, по-видимому, ненавидит меня.

— Черт.

— Не повезло? — он догадывается, как раз в тот момент, когда начинают падать большие капли дождя.

— О, да ладно! — я раздраженно ругаюсь. *Серьезно, Вселенная?*

Кензо протягивает руку за своим мобильником, который он засовывает в карман костюма, чтобы он не намок.

— Я не знаю номера остальных моих друзей наизусть. Я имею в виду, кто-нибудь действительно знает номера чьих-либо мобильных? — я бормочу что-то невнятное, прикусывая нижнюю губу.

— Позволь мне подвезти тебя домой. Я обещаю, что мне не нужно ничего другого, кроме этого. Другой вариант включает в себя то, что я сижу в своей машине и наблюдаю за тобой столько времени, сколько тебе потребуется, чтобы придумать другой план.

— Серьезно? Ты бы просто сидел там и ждал?

— Если бы с тобой что-то случилось, я бы никогда себе этого не простил.

— Небольшая крайность, учитывая, что мы только что познакомились, — я хихикаю, но в этом есть нотка нервозности. Дело не столько в нем, сколько в том факте, что я собираюсь принять рискованное решение. Для меня это важно. Я не из тех девушек, которые совершают безрассудные поступки. Я предпочитаю перестраховаться и оставаться на своей полосе, но мысль о том, чтобы остаться здесь, на оживленной дороге, когда на меня льет дождь, а на мне нет ничего, кроме белого летнего платья, звучит так же привлекательно, как удаление

корневого канала.

Я колеблюсь и поднимаю на него взгляд, с его ресниц капает дождь: — Пожалуйста, я не хочу, чтобы ты заболела, — говорит он мне, заставляя меня кивнуть. У меня действительно нет выбора.

Я позволяю ему проводить меня к своей машине, и как только мы приближаемся, задняя дверь открывается.

Я замираю на мгновение, затем вспоминаю, что я не единственная, кто здесь промокает, и скольжу по мягким, маслянистым кожаным сиденьям.

Каким-то образом мне удается остановить себя от того, чтобы не открыть рот, когда я смотрю на мужчину, которому должно быть лет тридцать с небольшим, сидящего напротив меня и смотрящего на меня с отсутствующим выражением лица.

Моя первая мысль — он красив, но в нем есть что-то почти смертельно опасное. Как ядовитый цветок, великолепный, но смертельно опасный. Он подтянутый и мускулистый, черный дизайнерский костюм не скрывает его телосложения. Его руки выглядят большими и сильными, когда он поправляет одну из своих запонок. *Не думаю, что я когда-либо раньше видела запонки в реальной жизни*, размышляю я, когда мужчина поднимает руку, чтобы снять свои зеркальные авиаторы.

Он совершенно завораживает, настолько, что я едва замечаю, когда Кензо садится рядом со мной и закрывает дверь.

Его темные волосы немного длинноваты на макушке и уложены в неряшливом стиле "Я-только-что-проснулся-но-разве-я-не-великолепен". У него сильная челюсть, губы приподнимаются в легкой полуулыбке, когда я сосредотачиваюсь на нем, но я не позволяю этому отпугнуть меня. Его глаза — это то, что держит меня в плену. Его длинные ресницы обрамляют глаза цвета самого темного океана, и они пристально смотрят на меня. Его взгляд опускается на мое платье, которое прилипло к моей коже, пока я мысленно возношу благодарственную молитву тому, кто изобрел бюстгальтеры с подкладкой.

С неохотным вздохом он снимает пиджак и, наклонившись вперед, набрасывает его мне на плечи.

— Лучше? — его голос — *святое гуакамоле* — это порно для ушей. Это что? Я не знаю, но так и должно быть. Этот мужчина мог бы прочитать мне мой список покупок, и я, скорее всего, кончила бы до того, как он дошел бы до конца.

— Я... — я задыхаюсь, потому что я такая чертовски покладистая.

Я кашляю, чтобы прочистить горло: — Спасибо. — мне удается выдавить из себя, на этот раз больше, как нормальному, функционирующему человеку, а не малышу, заучивающему буквы.

— Конечно, — слово слетает с его языка. Всего одно слово, но холодной отчужденности, которую я слышу в нем, когда он оглядывает меня, достаточно, чтобы вывести меня из ступора горячего парня.

Я качаю головой, испытывая легкое отвращение к себе. Мои друзья рассказывали мне о состоянии, которое они называли «*мозгом пениса*». Я предполагала, что это означает «мудак», пока они в шутку не объяснили мне это за дешевыми шотами и пиццей. «Мозг пениса» возникает, когда ты видишь такого чертовски горячего парня, твое тело отключается, и ты попадаешь в коматозное состояние. Это приводит к неспособности формировать связные предложения и активизирует первобытное желание встать на четвереньки и совокупиться.

В то время я назвала это чушью, но теперь мне интересно, может ли он что-то

заподозрить.

Его глаза вспыхивают, когда нога Кензо прижимается вплотную к моей.

— В твоей машине есть что-нибудь, что тебе нужно? — спрашивает Кензо, не обращая внимания на брошенный в его сторону взгляд.

Я качаю головой и чуть крепче прижимаю к себе сумочку, отодвигаясь в сторону: — Все, что мне нужно, прямо здесь.

Он кивает, прежде чем горячий парень нажимает кнопку, после чего стеклянная перегородка между водителем и нами опускается.

— Куда? — грубо спрашивает меня горячий парень.

Я потираю руки, прежде чем назвать ему название моей улицы, но не сам жилой комплекс. Я исчерпала все свои риски за день.

— Альпийская роща.

— Пит, отвези нас в Альпийскую рощу, пожалуйста.

— Да, сэр, — отвечает водитель, прежде чем перегородка снова поднимается.

— Спасибо... — я снова шепчу, запинаясь, когда понимаю, что не знаю его имени.

Слегка дрожа теперь, когда холод просочился под мою кожу, я жду, когда он заполнит пробел.

— Ты можешь называть меня Атлас. И пожалуйста. Хотя, если бы ты не была такой упрямой и села в машину до того, как начался дождь, ты бы сейчас не дрожала.

— Ты говоришь «упрямая». Я говорю «умная», — пожимаю я плечами.

— Однако конечный результат был тем же самым. Ты могла бы сидеть здесь в хорошей сухой одежде, — продолжает он, но я раздраженно прерываю его.

— Или в луже крови. Тебе никто никогда не говорил об опасных незнакомцах?

— Я не думаю, что это то, о чем мне нужно беспокоиться, — он отмахивается от меня, заставляя Кензо сухо усмехнуться.

— Ах, это так круто. Всегда хотела встретить кого-нибудь пуленепробиваемого, — невозмутимо говорю я. — Я имею в виду, может, я и не выгляжу как угроза, но у меня в сумке может быть пистолет.

Когда двое мужчин напрягаются, особенно тот, что передо мной, я понимаю, что моя шутка, возможно, не удалась.

— Я должен беспокоиться об этом? — спрашивает Атлас, в его голосе появляются темные соблазнительные нотки, которые заставляют меня странно бороться с желанием потереть ноги друг о друга.

— Что? Нет. Конечно, нет. Я просто говорю о том, что глупо предполагать, что я не смогла бы причинить тебе вред, если бы это было моим намерением, — тихо отвечаю я, отодвигаясь. Или, по крайней мере, это было моей целью, пока Атлас не наклоняется вперед и не кладет большие руки на каждое из моих бедер, неожиданный жар его ладоней обжигает мою кожу при соприкосновении. Он не причиняет мне боли, но его хватка ясно дает понять, что я никуда не денусь.

— Я... я думаю, что могу пойти отсюда пешком, — говорю я им обоим, внезапно чувствуя, что совершила колоссальную ошибку.

Есть что-то в этом темном и хищном мужчине, заставляющим меня чувствовать себя добычей, с которой поиграют, прежде чем сожрать.

Я знала, что должна была доверять своим инстинктам.

— Расслабься. Мы отвезем тебя домой. Сначала скажи мне, у тебя есть пистолет?

Мои глаза чуть расширяются: — Никакого оружия. Клянусь. Это была шутка. Ну, не шутка, а предупреждение. Черт возьми, не предупреждение, но... — я пораженно вздыхаю. Пожалуйста, Боже, сделай так, чтобы слова перестали приходить.

Я вздрагиваю: — Мне жаль.

— Да, ты это уже говорила. Если тебе нечего скрывать, ты не будешь возражать, если Кензо заглянет в твою сумку? Мой охранник сейчас близок к сердечному приступу, несмотря на его внешнее спокойствие.

— Охранник? — я смотрю в сторону Кензо и вижу, что атмосфера крутого серфера исчезла, а на ее месте появился мужчина, который чертовски бдителен и напряжен.

— Я зарабатываю приличную сумму денег, что, к сожалению, делает из меня мишень.

— Вау. Это, должно быть, полный отстой, — бормочу я, заставляя его разразиться удивленным смехом.

— Ну, это один из способов выразить это. Но, да, это действительно отстой. Кензо все равно нужно проверить твою сумку.

Я пожимаю плечами. Это чертовски странно, но я вижу, к чему он клонит. С таким же успехом я могла заорать *бомба*, когда я говорила об угрозах. Но я думаю, что такой человек, как он не может позволить себе рисковать.

— Эм... хорошо... конечно, — неохотно я передаю свою сумку Кензо, который с кивком принимает ее у меня.

— Успокой себя.

Я снова смотрю в окно. Чем скорее я вернусь домой, тем лучше.

— Что с тобой? Ты за миллион миль отсюда.

Я поднимаю взгляд от стопки полотенец, которые складывала, и вижу, что Люси, нахмурившись, смотрит на меня. Она одета так же, как и я, в стандартную униформу — темно-синие шорт и нежно-голубую рубашку-поло с надписью «Флекс», вышитой на левой стороне груди. Но там, где ее длинные темные волосы собраны в аккуратный конский хвост, мои светлые локоны скручены в беспорядочный пучок на макушке, удерживаемый на месте парой ручек.

— Ничего, — я вздыхаю. — Это просто была одна из тех недель.

— Айви, сегодня только вторник, — замечает она.

— О, поверь мне, я знаю.

Она садится на скамейку рядом со мной, ожидая, когда я ей все расскажу.

— Моя машина сломалась в воскресенье, — признаюсь я, опуская часть о поездке домой. Мне нравится притворяться, что все это было странным сном. Кензо и Атлас высадили меня, как и обещали, и это было все. Однако, просто вспоминая, что я чувствовала, или лучше сказать, что Атлас заставил меня чувствовать, я все еще вздрагиваю.

— Это дерьмово, Айви. Мне жаль.

— О нет, это не самое худшее. Вернувшись домой, я поняла, что потеряла свой телефон, а затем, после того, как вчера вечером села на автобус до работы и воспользовавшись их телефоном, позвонив в "Трипл А", чтобы забрать мою машину, обнаружила, что машина тоже пропала.

— Серьезно? Кто, черт возьми, мог украсть эту кучу дерьма? Без обид.

Я отмахнулась от нее: — Без обид. Хотя машина была мертва, Люси, вот чего я не понимаю. Не зачем кому-то ее угонять, и как? — я качаю головой. Иногда я думаю, что если бы мне не везло, у меня вообще не было бы удачи.

— Хочешь, я одолжу тебе немного наличных?

Я игриво подталкиваю ее локтем: — Я в порядке, Люси, но спасибо, что спросила, — я совсем не в порядке, но я все равно не возьму ее денег. Я сама вляпалась в эту историю, я сама из нее выберусь. Как-нибудь.

— Дамы. Если у вас есть время на разговоры, то у вас есть время и на уборку. Парную на восьмом этаже нужно почистить, а полотенца в мужских раздевалках заменить.

Боже, я ненавижу этого парня. Предыдущий владелец, Боб, был милым человеком, но в прошлом месяце он ни с того ни с сего ушел на пенсию и продал заведение. Не уверена, почему Генри решил купить его, поскольку он, кажется, ненавидит работу, сам спортзал и, в общем, людей.

— Это то, чем я сейчас занимаюсь, Генри. Я как раз готовила полотенца, чтобы убедиться, что взяла с собой достаточно, — говорю я ему с фальшивой улыбкой на лице.

Он издает звук хм, который я воспринимаю как знак увольнения, прежде чем повернуться к Люси: — В парилку, Люси?

— Да, сэр, — она кивает и уходит, бросив на меня взгляд через плечо.

— Ты знаешь, что есть много других людей, стоящих в очереди, чтобы занять эту работу у тебя, Айви. Либо тебе нужно проявить лучшую трудовую этику, либо я буду вынужден принять некоторые решения относительно должности.

— Да, сэр, — я повторяю слова Люси, потому что это все, что он хочет услышать. Я узнала это в первую неделю, когда он начал. Я думаю, что единственная причина, по которой я пережила месяц здесь с ним, — это моя потребность в еде.

Такое досадное неудобство.

— Не думай, что я не заметил, что ты сегодня опоздала. Я ожидаю, что ты задержишься вечером, чтобы компенсировать это.

— Моя машина... — он обрывает меня, поднимая руки.

— Это не моя проблема. Я твой босс, а не друг, и если такое твоё отношение продолжится, я даже им не буду. Считаю это своим последним предупреждением.

Съешь мешок с членами, ты, гигантский мудака.

— Да, сэр, — я стискиваю зубы, хватаю ближайшую стопку аккуратно сложенных полотенец и встаю, ожидая, когда он отступит, чтобы я могла пройти мимо него.

Когда он этого не делает, я прикусываю губу и протискиваюсь мимо него, прижимаясь к нему всем телом.

Нужно есть. Нужно есть. Нужно есть.

Я напоминаю себе причину, по которой увольняться не вариант, но, оставаясь здесь, я преждевременно поседею.

Я направляюсь в раздевалки и пополняю вешалки для полотенец, собирая грязные мокрые полотенца, которые люди, похоже, не в состоянии выбросить в предоставленные корзины для белья.

Опустив голову и держа рот на замке, я игнорирую двух парней, выходящих из душевой, одетых только в плавки.

Я быстро поворачиваюсь и ухожу. Возможно, я примерно того же возраста, что и эти мужчины, но это единственное, что у нас есть общего. Команда, которая тренируется здесь, готовится к олимпийским отборам, пытаюсь быть лучшими из лучших. Что касается меня, ну, я просто пытаюсь пережить этот день. Последнее, чего я хочу или в чем нуждаюсь, это привлечь нежелательное внимание и оказаться в центре дебатов "он сказал-она-сказала". В таких вещах всегда побеждает человек с большими деньгами и влиянием, а у меня нет ни того, ни другого.

Отнеся полотенца в прачечную, я передаю сверток Полли, которая устало улыбается мне, прежде чем подняться наверх к стойке регистрации, чтобы сменить Карлу.

— Эй, цыпочка, извини, что опоздала. Генри снова вышел на тропу войны.

— Я в «шоке», — она смеется, качая головой, когда выходит из-за стойки.

— Я знаю, но сегодня он вел себя как последний придурок. Я должна остаться на ночь, так что, если ты хочешь, чтобы я осталась здесь, а ты отправилась в фито-бар, то я не против.

— Да? Ты уверена? — спрашивает она с легкой насмешкой. Карла по уши влюблена в Карлоса, который работает преимущественно в этой области.

— Конечно. Веселись, — я отмахиваюсь от нее. По крайней мере, одна из нас счастлива. Думаю, я должна быть благодарна, что, я тоже не работаю в баре сегодня вечером. Я бы никогда не добралась домой, а затем снова пришла вовремя, особенно не на автобусе. Достаточно того, что я ухожу поздно вечером, значит, мне придется успевать на последний автобус, что я ненавижу, но, думаю, нищим выбирать не приходится.

По крайней мере, день проходит относительно быстро. Большую часть дня я отвечаю на телефонные звонки, что отвлекает меня от мыслей о пропавшей машине и телефоне.

Мой желудок урчит, когда, наконец, приходит время отправляться домой, напоминая мне, что я ничего не ела с утра. В свою защиту скажу, что я не должна была работать так поздно.

— Ладно, Дэйв, я ухожу, — кричу я инструктору, который закрывается сегодня вечером. Он оборачивается на звук моего голоса и хмурится.

— Думал, ты была на дежурстве сегодня?

— Я была, но мне пришлось сесть на автобус, поэтому я опоздала на час.

— Это не объясняет, почему ты проработала на пять часов больше.

— Генри продолжал находить, чем мне заняться, прежде чем я смогу уйти, — признаю я. Этот человек ужасен, но по какой-то причине он ведет себя со мной как придурок.

Он вздыхает: — Этот мужик, я клянусь. Подожди, это значит, что тебе нужно успеть на автобус домой? — он смотрит в темное небо.

— Боюсь, что так. И мне действительно нужно уйти сейчас, иначе я вообще опоздаю на последний автобус.

— Если ты удержишься здесь еще на час, я могу тебя подвезти, — предлагает он, но я качаю головой.

— Я измучена и умираю с голоду. Я просто хочу пойти домой, поесть и забраться в постель.

Он вздыхает: — Мне это не нравится, но ладно. Все же, пожалуйста, будь чертовски осторожна. Вокруг слишком много чудаков.

— Я буду держаться подальше от всех без исключения чудаков, с которыми столкнусь, — поддразниваю я, заставляя его раздражаться.

— Умничаешь. Убирайся отсюда. Когда ты будешь в следующий раз?

— Пятница, — отвечаю я, перекидывая сумку через плечо и направляясь к выходу.

— Тогда увидимся в пятницу. Спокойной ночи, Айви.

— Спокойной ночи.

Я открываю тяжелые двери и выскальзываю наружу, плотнее запахивая свою тонкую куртку, чтобы защититься от холода.

Парковка ярко освещена, так что я вижу, что она почти пуста, за исключением нескольких машин. Я спешу вниз по ступенькам и бегу трусцой через парковку на улицу, которая не так ярко освещена, но кажется немного безопаснее благодаря проезжающим машинам.

Заметив пустую скамейку на автобусной остановке, я сажусь и даю отдых своим ноющим ногам, надеясь, что мне не придется слишком долго ждать прибытия автобуса.

Я сижу около двадцати минут, но нигде нет никаких признаков этого чертова автобуса.

Я уже готова сдаться и отправиться в часовую прогулку домой, когда рядом со мной останавливается знакомая черная машина.

Замерев, я подумываю о том, чтобы вообще проигнорировать это и уйти, но мои манеры

в конце концов побеждают.

Когда задняя дверь открывается и Атлас подзывает меня, я неохотно подхожу к нему.

— Что ты здесь делаешь? — с опаской спрашиваю я.

— Я направляюсь домой из офиса и увидел, что ты сидишь здесь. О чем, черт возьми, ты думала? Здесь небезопасно в ночное время.

— Я думала, что у меня больше нет чертовой машины. Я думала о еде и постели после очень долгого рабочего дня, но теперь я думаю о том, какой ты мудака, — шиплю я, прежде чем развернуться и потопать прочь.

С проклятием за спиной я слышу звук шагов, прежде чем меня разворачивают, и я сталкиваюсь с твердой грудью Атласа.

— Садись в машину, и я отвезу тебя домой.

— Пошел ты! — огрызаюсь я, до смерти устав от того, что мне говорят, что делать.

С рычанием я обнаруживаю, что меня поднимают и несут обратно к машине, где он бесцеремонно швыряет меня на заднее сиденье: — Какого хрена? — я кричу, когда он забирается следом за мной и захлопывает дверь.

— Следи за своим языком! — рычит он, прежде чем нажать кнопку на крыше машины. — Сначала Альпийская роща, — он отключает интерком и поворачивается ко мне, когда машина отъезжает от тротуара.

— Ты не в своем уме.

Он притягивает меня к себе, его рука обхватывает меня сзади за шею и сжимает, удерживая в дюйме от своего лица.

— Ты испытываешь мое терпение, малышка, — его дыхание овеивает мои губы, когда мое дыхание учащается от такой близости к нему.

— Отпусти меня! — приказываю я, но мой голос срывается, из-за чего это звучит скорее как мольба.

— Хммм... такая дерзкая. Скажи мне, этот огонь только для меня, или ты так горячишься для каждого мужчины?

Я моргаю, затем моргаю снова, неуверенная, правильно ли я его расслышала.

Прежде чем я успеваю произнести хоть слово, его губы оказываются на моих, твердые и непреклонные, его язык требует входа. И поскольку я все еще в состоянии шока, я позволяю ему.

Как? Что? Почему? — спрашиваю я, но затем его язык скользит по моему, и вкус мяты в его дыхании, когда его мягкие губы скользят по моим, заставляет меня неосознанно таять в его объятиях.

Чувствуя мою капитуляцию, он притягивает меня к себе на колени, так что мои ноги оказываются у него на коленях. Неопровержимое доказательство, зажатое между нами, показывает, что он так же тронут этим поцелуем, как и я.

Когда он, наконец, отстраняется, мои губы кажутся опухшими, а кожа горит, когда он смотрит на меня сквозь полуприкрытые веки.

— Ты на вкус как солнечный свет. Чистый, блядь, солнечный свет, — он бормочет, все еще держа меня за шею. — Так чертовски сладко.

— Я не знаю, что происходит, — шепчу я, мое сердце пытается переварить события последних нескольких минут. Но единственное сообщение, которое продолжает получать мой мозг, — это сообщение об ошибке.

Этот парень невероятно богат, великолепен, как кинозвезда, и он смотрит на меня так,

будто ему крупно повезло. Я только что шагнула в альтернативную реальность? Черт возьми, если так, то я надеюсь, что мороженое здесь без калорий, потому что я собираюсь съесть галлон, когда вернусь домой.

— Пойдем со мной домой.

Это похоже на скрежет иглы по пластинке, шум в моей голове вырывает меня из этого состояния.

Тупой мозг пениса.

— Я не могу, — говорю я ему, немного сдвигаясь, чтобы попытаться снять напряжение, проходящее через меня.

— Не можешь или не хочешь?

— И то, и другое, — признаю я, заставляя его сделать паузу.

— Я не такая девушка. Я не хожу домой с мужчинами, которых не знаю. Это не я. Ты сводишь меня с ума.

— Сделай исключение, — приказывает он.

Я закрываю глаза и качаю головой.

— Отвези меня домой, — шепчу я.

— Черт! — ругается он, осторожно снимая меня с себя, прежде чем устроиться поудобнее.

— Ты заставляешь меня терять голову, — бормочет он себе под нос, прежде чем наклониться вперед и достать что-то из черной спортивной сумки, лежащей на сиденье перед ним.

— Вот. Должно быть, это выпало из твоей сумки в воскресенье, когда Кензо проверял ее, — он протягивает мне мой мобильный.

— О, господи. Спасибо, — я улыбаюсь ему, заставляя его хмыкнуть.

Машина начинает замедляться, когда я смотрю в окно, и до меня доходит, что я уже дома.

Господи, как долго мы целовались?

— Ты работаешь завтра?

— Да, но не во "Флекс". В "Дрифт". Ты знаешь его? — я спрашиваю. Скорее всего, он знает. "Дрифт" — один из самых популярных клубов в городе.

Он кивает: — Мой номер есть в твоём телефоне, как и номера Кензо и Пита. Позвони, когда будешь уходить, и за тобой приедет машина.

Я качаю головой: — В этом нет необходимости.

— Это была не просьба. Я хочу увидеть тебя снова, и для того, чтобы это произошло, ты должна быть в состоянии добраться на работу и с работы в целости и сохранности.

— Атлас, — возражаю я, но он поднимает руку и обхватывает мой подбородок, потирая большим пальцем ямочку на моей щеки.

— Просто скажи спасибо.

Я вздыхаю и сдаюсь. В жизни есть вещи похуже, чем когда кто-то беспокоится о тебе.

— Ладно, хорошо. Спасибо тебе, Атлас.

Он ухмыляется моему тону, прежде чем открыть свою дверь и выйти. Протянув руку, он помогает мне выйти, а затем прижимает меня к машине, когда его губы снова захватывают мои в страстном поцелуе.

Мне и в голову не приходит сопротивляться. Этот мужчина прожигает мою защиту, как лесной пожар, и я не уверена, что, черт возьми, с этим делать.

Оторвавшись от моих губ, он шепчет мне на ухо, заставляя меня дрожать: — Спокойной ночи, Айви.

Только оказавшись в своей квартире и наблюдая из окна, как отъезжает машина, я вспоминаю, что так и не назвала ему своего имени. Так откуда, черт возьми, он это знает?

Я вношу последние штрихи в свой наряд, который состоит из обтягивающих черных шорт с высокой талией и черной майки в рубчик с тиснением на груди серебряным курсивом "Дрифт".

Я ношу бюстгальтер с эффектом пуш-ап, чтобы приподнимать своих «девочек», и оставляю волосы распущенными, одеваюсь ради чаевых, а не комфорта. Почему-то я не думаю, что свитера и неряшливый пучок сработают также.

Я надеваю свои черные балетки, зная, что каблуки и я просто не вписываются в одно предложение. Я знаю, что они могут привлечь дополнительное внимание, но у меня не хватает равновесия, чтобы справиться с ними, или жгучего желания заканчивать каждую ночь с дюжиной волдырей.

Вдеваю пару колец в уши и несколько браслетов на руку, я подкрашиваю губы и считаю, что это хорошо.

Взяв свой мобильник, я раздумываю о том, чтобы направиться к автобусной остановке. У меня есть смутное подозрение, что Атлас будет ожидать этого, и я не уверена, что мне нравится идея быть настолько предсказуемой.

Сдаваясь, я отправляю сообщение Питу. Таким образом, я все еще соглашаюсь на «подвезти меня», но могу еще немного избегать Атласа. Мне нужно больше времени, чтобы все обдумать. Неделя, может быть, месяц, черт возьми, год, может быть, даже лучше. Атлас — это настоящий мужчина, а я — это просто я. Я не унижаю себя и не пытаюсь быть самоуничижительной. Я знаю, что я симпатичная, но есть тысячи девушек красивее меня, которые приносят больше пользы, чем сиськи и работа на неполный рабочий день. Мы с Атласом не в одной лиге.

Мой телефон звонит с новым сообщением от Пита, в котором говорится, что он на улице.

Думаю, я была права насчет подготовки «Атласа». Если бы я попыталась воспользоваться автобусом, я бы ни за что не смогла пройти мимо Пита так, чтобы он меня не заметил. Очень хитро. Не желая заикливаться на этом, я хватаю свои вещи и запираю дверь, прежде чем поспешить вниз, чтобы не заставлять его ждать.

На улице погода довольно мягкая, а это значит, что люди решили воспользоваться ею по максимуму, пока погода не испортилась. Дети гоняются друг за другом, смеясь и крича, когда кто-то кричит им, чтобы они не шумели.

Две женщины за семьдесят сидят на расшатанных шезлонгах на лужайке в одинаковых розовых и голубых халатах и ворчат, пытаясь исправить мир.

Увидев пару дилеров, слоняющихся возле дверей, я быстро отвожу глаза. Это не мешает

им высказывать красочные предложения о том, что бы они хотели со мной сделать и как сильно им нравится мой наряд.

Я полностью игнорирую их, осматривая местность в поисках Пита, и вижу его стоящим рядом с задней дверцей машины, чуть дальше по дороге. Когда я подхожу, он поднимает голову и улыбается, прежде чем открыть мне дверь.

— Приятно видеть вас снова, мисс, — приветствует он с легким акцентом.

— Пожалуйста, зовите меня Айви. И спасибо, что делаете это. Я действительно ненавижу отсутствие машины.

— Это совсем не проблема, — он ждет, пока я устроюсь на заднем сиденье, прежде чем закрыть дверь, обойти машину со стороны водителя и забраться внутрь.

— Куда едем? — он спрашивает меня вежливо.

— «Дрифт», пожалуйста.

Он кивает, прежде чем влиться в поток машин.

Я тихо сижу, наблюдая, как мир проносится за моим окном. У меня никогда не получалось вести светскую беседу, поэтому я благодарна, когда Пит не начинает задавать мне кучу вопросов. Это дает мне время немного расслабиться перед тем, что несомненно будет сумасшедшей ночью.

«Дрифт» — одно из самых популярных ночных заведений в городе. Даже в среду здесь будет многолюдно. Так всегда бывает. Это достаточно шикарно, чтобы считаться высококлассным, привлекая людей с большим количеством денег, чем здравого смысла, и кучу второстепенных игроков, поднимающихся по карьерной лестнице или падающих с нее обратно. Это не так дорого, чтобы вам нужно было перезакладывать дом, чтобы попасть внутрь, а это значит, что обычные люди вроде меня или те, у кого меньше счетов для оплаты, тоже могут провести ночь или две вне дома. С точки зрения маркетинга, они, кажется, обслуживают всех, что выделяет их среди других местных клубов, которые либо настолько эксклюзивны, что вам нужно продать почку, чтобы попасть в них, либо такое заведение, что вы можете потерять почку до того, как выберетесь оттуда.

Нам не требуется много времени, чтобы добраться. Когда мы подъезжаем, Пит просит меня подождать, пока он откроет для меня дверь, затем помогает мне выйти.

Мне это кажется глупым. Я более чем способна, но этот мужчина просто делает свою работу, и кто я такая, чтобы спорить?

— Спасибо, — говорю я ему ласково, игнорируя взгляды, которые бросает на меня Джанет, одна из моих коллег по работе, когда она важно проходит мимо на своих заоблачных красных каблуках с такой грацией, словно родилась в них. Каким-то образом я сопротивляюсь желанию выставить ногу и подставить ей подножку.

— Не за что. Просто напишите мне, когда закончите, и я отвезу вас домой.

— Будет поздно, — предупреждаю я его, но не говорю "нет". Прогулка домой ранним утром совершенно не привлекает.

— Это не будет проблемой, мисс Айви. Спокойной ночи, — я киваю и смотрю, как он садится обратно в машину и уезжает.

Я спешу внутрь, желая убраться с холода, и бросаю свои вещи в шкафчик, прежде чем спуститься в главный бар, чтобы посмотреть, где я буду работать сегодня вечером.

— Эй, Айви, ты сегодня на VIP-вечеринке с Джессикой и Марвином, — говорит мне Кевин, улыбаясь пышногрудой рыжеволосой девушке с кокетливым выражением лица.

— Мило. Спасибо, Кевин, — я поворачиваюсь, чтобы направиться обратно по коридору,

когда сталкиваюсь с Джанет.

— Осторожно, — шипит она, как ядовитая гадюка, которой она и является. По большей части, все, кто здесь работает, классные, но Джанет — исключение из правил. Она стерва для всех, кроме клиентов — тогда у нее как будто пересадка личности или что-то в этом роде. Снаружи красивая, но мелкая, как лужа.

— Виновата, извини, — я поднимаю руки, чтобы обойти ее, но она останавливает меня.

— Я видела, как ты выходила из той шикарной машины, и теперь ты работаешь в VIP-баре? Ты теперь трахаешься с боссом? — она оглядывает меня с ног до головы, явно находя, что мне чего-то недостает.

— Я никогда даже не встречалась с боссом, Джанет, и у меня нет никакой власти над тем, на каком этаже я работаю. Но, эй, если у тебя проблемы с тем, как здесь всё устроено, то почему бы тебе не обратиться к руководству?

Я срываюсь с места, злясь, что позволил ей добраться до меня. У нее есть эта сверхъестественная способность портить мне настроение всего несколькими словами. Она напоминает мне одну из тех дрянных девчонок из старшей школы, но вместо того, чтобы вырасти из этой роли, она выросла в нее.

— Игнорируй ее. Сегодня она раздражена, потому что парень, на которого она смотрела как на своего следующего папика, нашел другую девушку. Ту, которая не выдвигает ультиматумов, требующих, чтобы он отказался от своего брака. — Джессика закатывает глаза.

Я фыркаю: — Фу. Это целая куча информации, без которой я могла бы обойтись.

Она смеется, когда я следую за ней наверх, где Марвин уже стоит за стойкой бара.

— Добрый вечер, дамы. Я вижу, что сегодня вечером меня балуют лучшими блюдами.

Мы с Джессикой смеемся, направляясь к нему. Марвин — бесстыдный флиртун. Не имеет значения, мужчина ты или женщина, сотрудник или клиент. Наличие пульса, по-видимому, его единственное требование.

— Лестью ты все равно ничего не добьешься, красавчик, — поддразниваю я, целуя его в щеку, прежде чем Джессика следует моему примеру.

— Фу, почему все хорошенькие невосприимчивы к моим сверхспособностям? — он жалуется.

— Карма, здоровяк. Кто-то должен держать тебя в тонусе.

— И я не сру там, где ем, — бросает Джессика, заставляя меня кивнуть в знак согласия. Я не могла придумать ничего хуже, чем появляться на работе и каждый день иметь дело с бывшим, особенно если расставание было не совсем дружеским.

— Хорошо. Я как-нибудь преодолею это разбитое сердце и...

— Зароешься в киску? — мы с Джессикой говорим одновременно, заставляя нас всех рассмеяться.

— Умники, — он жалуется с ухмылкой: — Хорошо, сегодня вечером у нас будет смесь больших париков и подражателей. Приказ, исходящий сверху, заключается в том, чтобы напитки текли рекой, а беседы были легкими. Все должно быть оплачено по двум счетам, которые хозяева оплатят в конце вечера, прежде чем я получу наличные. Есть вопросы? Нет, тогда давайте встряхнем свои перышки, дамы.

Наверху, в VIP-зоне, гораздо тише, чем внизу, но здесь не обошлось без стрессов. Богатые люди часто, если не всегда, проявляют высокомерие по отношению к себе, чувство собственного достоинства, которое заставляет их верить, что щелчок пальцами или приказ

без использования манер являются приемлемыми. Это, конечно, чушь собачья, но эти ребята платят достаточно, чтобы мы все улыбались и держали рты на замке.

Я напоминаю себе об этом по меньшей мере три раза в течение ночи, когда предположительно новый перспективный рэпер, о котором я никогда раньше не слышала, и стареющая кинозвезда приезжают со своей свитой. Я не могу сказать, являются ли люди с ними друзьями или фанатами, судя по тому, как они заискивают перед ними. По большей части, я игнорирую их присутствие, если только не выполняю их приказы.

Кинозвезда ведет себя резко, как будто заказывать выпивку — это ниже ее достоинства, а рэпер развязен. Охрана наблюдает, но не вмешивается, пытаюсь найти баланс между комфортом персонала и важностью клиентов, но меня немного бесит, когда никто не подходит, чтобы отрубить мистеру Хэндси голову.

К счастью, вмешивается Марвин, меняясь со мной местами, так что блуждающие руки больше не проблема.

К тому времени, как вечер подходит к концу, все, о чем я могу думать, это принять приятный горячий душ, прежде чем надеть удобную пижаму.

— Девочка, ты выглядишь измотанной. Ты принимала участие в Олимпийских играх в спальне с новым мужчиной? — Джессика поднимает брови, глядя на меня.

Я громко смеюсь и качаю головой: — Даже близко нет. С моим рабочим графиком единственное мероприятие, в котором я бы участвовала, — это бесплатный сон для всех, за который я, вероятно, взяла бы золото.

— Ты самый молодой пожилой человек, которого я знаю, — поддразнивает она. Могу сказать, она не ошибается, но мой выбор прямо сейчас ограничен.

Я пожимаю плечами. Это то, что есть.

— Ладно, дамы, это последний заказ. Мне нужен полный набор напитков для стола Макдуша. Джесс, можешь узнать, не хочет ли кто-нибудь еще чего-нибудь по-быстрому?

— Конечно, сейчас вернусь.

Я начинаю готовить напитки для Марвина, когда зазвонил телефон за стойкой.

Марвин подскакивает, чтобы ответить, поскольку я занята, и в этот момент Макдуш делает свой ход, проскальзывая к стойке с похотливой ухмылкой на лице.

Дело не в том, что он плохо выглядит, потому что это далеко не так, но нет ничего более отталкивающего женщину, чем запах дерьма, и дыхание этого парня пропитано им.

Он слегка покачивается: — Эй, секси, что такая девушка, как ты, делает в таком месте, как это?

Видите? Чушь собачья с гарниром из сыра.

— Работаю, — я продолжаю готовить напитки.

— Как насчет того, чтобы присоединиться к нескольким моим друзьям и ко мне на небольшой афтепати?

Это код для как насчет того, чтобы присоединиться ко мне и моим друзьям для групповухи?

— Нет, спасибо.

Это код для *отъебись*.

Он тянется, чтобы провести пальцем по выпуклости моей груди, но я хватаю его и сильно выворачиваю, прежде чем оттолкнуть его.

— Послушай, блондиночка, это должно быть честью для тебя, — он фыркает.

— И все же, я не такая. Представляешь?

— Блядь...

— Не заканчивай это предложение, — рычит Марвин закончив разговор. — Я думаю, тебе пора уходить.

— Я хочу свою выпивку, — кричит он, ведя себя как малыш-переросток.

— У нас есть право отказать в обслуживании. Считайте, что вы отрезаны, — Марвин жестом подзывает охрану. Они подошли, с лицами, подобными грому.

— С ним покончено. Уведите его отсюда.

Мы все игнорируем его ругательства, поскольку охрана с радостью убирает мудака. Когда он ушел, его окружение полностью забывает о нем и присоединяется к группе кинозвезды, какими непостоянными последователями они и являются.

— Всегда есть один, да? — я качаю головой.

Марвин смотрит на меня с серьезным выражением лица.

— Ты никогда не будешь мириться с подобным дерьмом. Службе безопасности не следовало оставлять это так надолго. Я думаю, мне нужно поговорить с руководством. Я имею в виду, что бы случилось, если бы я не был с вами обеими сегодня вечером? — он жалуется, когда Джессс подходит к нему и обнимает его за талию.

— Ты наш герой, — она улыбается ему.

Его глаза расширяются, прежде чем он одаривает ее кривой улыбкой. Он открывает рот, но она опережает его.

— Тем не менее, я все еще не сплю с тобой.

— Черт возьми. Снова сорвано.

Смеясь, я поворачиваюсь, чтобы выбросить напитки, которые приготовила, зная, что мы все равно сняли бы деньги с кредитной карты Макдуша в любом случае. Так ему и надо.

— Ладно, дамы, вы можете идти. Убедитесь, что кто-нибудь проводит вас обеих до ваших машин, — приказывает Марвин.

— Да, босс, — я не утруждаю себя тем, чтобы сказать ему, что у меня сейчас даже нет машины, потому что тогда мне пришлось бы объяснять, как я добираться домой, а это целая проблема, в которую я не хочу погружаться с ним прямо сейчас.

— Спокойной ночи, — кричу я, когда Джесссика говорит мне идти дальше, пока она пользуется туалетом.

Я спускаюсь вниз и беру свои вещи, посылая быстрое сообщение Питу, чтобы сказать, что я готова. Именно тогда я замечаю сообщение от Атласа. От одного вида его имени на моем экране у меня потеют ладони.

Атлас: *Как продвигается работа?*

Айви: *Прекрасно. Вообще-то, я только что закончила. Я жду, когда приедет Пит.*

Атлас: *Хорошая девочка. Мне нравится знать, что ты доберешься домой в целостности и сохранности.*

Айви: *Спасибо, что подумал обо мне.*

Я нажимаю отправить, затем убираю телефон обратно в карман, когда приходит сообщение от Пита, о том, что он снаружи.

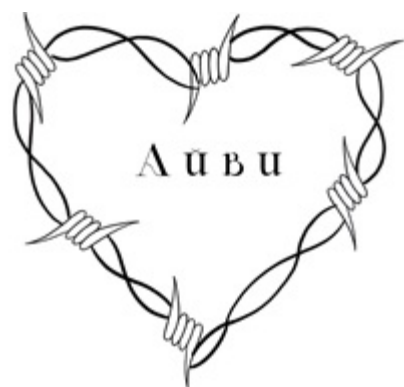
Бедняга, должно быть, ждал меня.

Схватив свою сумку, я спешу на улицу, думая об Атласе и не заставляя Пита больше ждать. Что я должна была делать, так это думать о словах Марвина. Конечно, я вспоминаю их только тогда, когда чья-то рука хватается меня за горло и прижимает к стене здания, мой затылок ударяется о кирпичи с такой силой, что у меня кружится голова.

— Похоже, мне просто придется пригласить тебя на афтепати.

Я узнаю голос Макдуша. Несмотря на то, что было слишком темно, чтобы разглядеть его лицо, особенно из-за того, что он накинул капюшон, я знаю, что это он. И я знаю, что у меня проблемы.

Я бью ногой, попадая ему в голень, заставляя его выругаться. Он крепче сжимает мою шею. Отводя колено назад, на этот раз я целюсь ему в яйца. Очевидно, с него хватит, поскольку он с размаху бьет меня кулаком по голове, отчего все вокруг темнеет.

Марширующий оркестр, поселившийся в моей голове, — вот что меня будит.

Со стоном я переворачиваюсь на бок и, прищурившись, смотрю на свой будильник, обнаруживая, что его нет на обычном месте.

Может быть, это из-за головной боли, или, возможно, из-за того, что я пью кофе перед сном, но мне требуется на минуту больше, чем следовало бы, чтобы понять, что часы отсутствуют, потому что меня нет в моей комнате.

Перебирая свои воспоминания о прошлой ночи, я замираю, когда они возвращаются. Именно тогда я чувствую тяжесть руки на своей талии.

Прикусив губу, чтобы сдержать слезы паники, я осматриваю комнату в поисках выхода. Видеть дверь на другом конце комнаты — это одновременно и благословение, и проклятие. Несмотря на то, что это означало свободу, я должна добраться туда первой, не потревожив моего похитителя.

Мне требуется секунда, чтобы оценить свое тело, с облегчением, кажется, ничего не болит, кроме головы.

Я пытаюсь отодвинуться от мужчины рядом со мной, но он сжимает меня крепче, и у меня вырывается всхлип, прежде чем я успеваю проглотить его.

— Айви? — его голос грохочет.

Подождите, это...

Я переворачиваюсь и вижу Атласа, лежащего рядом со мной.

— Что за... — шепчу я в шоке, позволяя слезам облегчения и замешательства пролиться, не в силах найти в себе силы сдержать их теперь, когда мой наихудший сценарий был отменен.

— Шшш, все в порядке, — он тянет меня, пока я не прижимаюсь к его груди, а его руки не обхватывают меня. Я вдыхаю его запах и использую его, чтобы успокоить свое бешено колотящееся сердце. На мгновение я подумала о худшем. Как бы я не была рада узнать, что меня не похитили и не изнасиловали, это не лает ответы на то, как я сюда попала, где бы это ни находилось.

— Что случилось?

— Кто-то ударил тебя возле места, где ты работаешь. Пит услышал шум, и когда он нашел тебя, нападавший уже скрылся.

— Господи, — я отстраняюсь и морщусь, когда прикасаюсь к виску.

— Тебе здорово досталось, — говорит он тихо, но я слышу гнев в его голосе.

Я сажусь, простыня сползает до талии, обнажая белую рубашку.

Я вопросительно смотрю на него и вижу, что он наблюдает за мной. Что-то в

выражении его лица заставляет волоски на моих руках встать дыбом.

— Но почему я здесь, и кто меня раздел?

— Пит привез тебя сюда, потому что он не знает номера твоей квартиры, и он знал, что у меня есть личный врач, который мог бы осмотреть тебя. Плюс, он не был уверен, есть ли у тебя страховка... — он позволяет своему голосу затихнуть, когда мое лицо краснеет.

Нет ничего лучше, чем когда тебе напоминают о пропасти между нашим социальным положением.

— Я обязательно поблагодарю его, — говорю я ему, когда молчание между нами становится неловким. — Он, эм... кто?

— Раздел тебя? Это сделал я. Ты думаешь, я позволил бы кому-нибудь еще увидеть твое тело, кроме себя? — он выразительно качает головой. — Шел дождь, и когда ты упала, твоя одежда промокла. Я не мог оставить тебя в таком виде.

Я потираю руки вверх и вниз по предплечьям.

— Конечно, — я киваю, понимая, к чему он клонит, но мне бы хотелось вспомнить, как я впервые оказалась обнаженной перед мужчиной.

— Пойдем. Позволь мне накормить тебя.

Я не уверена, что смогу переварить еду прямо сейчас, но оставаться в постели — не вариант, особенно учитывая, как он продолжает на меня смотреть.

Соскальзывая с кровати, я обнаруживаю, что рубашка доходит мне чуть выше колен, скрывая все, что мне нужно, отчего я чувствую себя немного комфортнее. Или так происходит до тех пор, пока я не поднимаю глаза и не вижу Атласа, стоящего там в одних черных облегающих боксерах, которые никак не скрывают его очень большой член или тот факт, что он твердый.

Я громко сглатываю, и это было бы комично, если бы прямо сейчас я не чувствовала себя маленькой рыбкой, плавающей в водах, кишаших акулами.

К счастью, он не злорадствует по поводу моей реакцией на него. Вместо этого он просто берет меня за руку и тянет к двери.

Я рада, что мне не пришлось пытаться выбраться отсюда раньше, так как это место огромно. Слишком большое для одного человека.

— Ты живешь один?

— За исключением некоторых сотрудников, да, — отвечает он, не оборачиваясь.

— Сколько здесь спален?

— Шесть. Почему спрашиваешь?

— Просто. Я... ну, мне просто интересно, почему ты не поселил меня в одной из своих свободных комнат?

Это заставляет его остановиться. Он оборачивается на нижней ступеньке, чуть крепче сжимая мою руку и притягивая меня ближе к себе.

— Когда ты здесь, ты никогда не будешь спать нигде, кроме как в моей постели.

— Атлас, — шепчу я, чувствуя себя ошеломленной магнетической силой этого парня. Я знаю его меньше недели, а он уже имеет на меня странное влияние. Я могу только представить, во что это переросло бы со временем, и, если честно, я не уверена, что это было бы хорошо.

Я видел легкость, которая приходит с любовью. Невесомость и стремительность заставляют людей верить, что они могут ходить по воде. Но под поверхностью всегда скрывается нечто большее, темная грань любви, которая не поднимает тебя, а вместо этого

затягивает на дно. Она крадет твоё дыхание и наполняет легкие, пока ты не задыхаешься.

Это такая любовь, которая затягивает тебя в своё течение, прежде чем утопить в своих неумолимых чернильных глубинах.

— Поешь, а потом поговорим.

Он поворачивается прежде, чем я успеваю сказать что-либо ещё, и продолжает вести меня на кухню.

Комната, в которую мы входим, светлая и просторная, с тёплой атмосферой. Кухня, хотя и необычная, выглядит уютно, что позволяет легко представить её заполненной друзьями и семьей, которые едят и смеются вместе. И всё же, это вызывает у меня приступ грусти.

Мои мама и папа были любящими родителями, которые любили меня почти так же сильно, как друг друга. Будучи единственным ребенком в семье, я была избалована временем и любовью, из-за чего сейчас мне гораздо труднее переносить их отсутствие.

В детстве я умоляла их о брате или сестре, чтобы поиграть с ними, слишком маленькая, чтобы понять печаль в их глазах, пока не стала старше. Они всегда планировали создать большую семью, но осложнение за осложнением делали это невозможным, пока мне не исполнилось двенадцать, и моя мать неожиданно не обнаружила, что беременна.

Несмотря на все предупреждения врача, моя мать отказалась прерывать беременность, заявив, что чудо рождения ребенка перевешивает риски.

Конечно, она ошибалась. Она не думала о том, что будет со мной, если я потеряю её, или о том, что это сделает с её мужем. Всё, что она могла видеть в своём узком видении будущего, была её фотография с ребенком на руках — ребенком, которого она предпочла мне.

За неделю до моего тринадцатого дня рождения я пришла домой из школы и обнаружила свою мать на пятом месяце беременности мертвой на полу в спальне, круг крови подчеркивал белизну её кожи и синеву губ. Мой нерожденный брат умер вместе с ней.

Воспоминания после этого немного туманны. По словам врачей, это был шок, но всё, что я чувствовала — это оцепенение. Месяц спустя умер и мой отец. Однажды ночью он заснул, и его тело отказало ему, но я знала правду. Он умер от разбитого сердца. Он пытался, я знаю, что пытался, но он просто не смог выжить без неё.

И в тринадцать лет я стал сиротой.

— Куда ты ушла?

Я вырываюсь из своих мыслей: — Извини, я на минуту отключилась. Мне действительно нравится твоя кухня, — говорю я ему, чувствуя себя идиоткой. *Мне действительно нравится твоя кухня? Тьфу.*

— Я не часто ей пользуюсь, но мне нравится. Впрочем, это скорее владения моей экономки, чем мои, — отвечает он, роясь в холодильнике. — Садись. Я присоединюсь к тебе через минуту.

Я ловлю его на слове и подхожу к столу, выбирая стул, с которого открывается великолепный вид на сад. Похоже, кто-то вкладывает в него много любви и заботы. Может, я и не увлекаюсь садоводством, но я уважаю результат, тем более что я уничтожила все растения, которые у меня когда-либо были.

— Вот. Хочешь кофе? — спрашивает Атлас, ставя передо мной тарелку с выпечкой и миску с ягодами.

— Да, пожалуйста.

— Сливки, сахар?

— И то, и другое.

Он корчит гримасу, заставляя меня смеяться.

— Дай угадаю. Ты любишь черный кофе.

— Я пью его так, как оно было предназначено для употребления.

— Что ж, развлекайся со своим бобовым соком. Я буду придерживаться своей вкусной версии.

Он качает головой, его губы слегка подергиваются, когда он поворачивается и направляется к кофеварке.

— У тебя есть какое-нибудь обезболивающее? — окликаю я, прежде чем закинуть ягоду в рот. Сладкий сок брызгает мне на язык, заставляя меня застонать.

— У тебя все еще болит голова? — он хмурится, лезет в один из ящичков и достает коробку таблеток от головной боли, отпускаемых без рецепта.

— Немного. Не так плохо, как когда я впервые проснулся.

— Хорошо. Доктор заверил меня, что у тебя не было сотрясения мозга, но ты проспала дольше, чем я предполагал.

— Ты беспокоишься обо мне, Атлас? — я поддразниваю. Улыбка сползает с моего лица, когда он подходит ко мне и склоняется надо мной.

— Ты появилась здесь прошлой ночью без сознания, с кровью на коже.

— Прости. Я просто дразнилась. Я в порядке, клянусь. Моя мама всегда говорила, что я стойкая.

— Это больше не повторится, Айви. В следующий раз Пит заберет тебя у входа.

Я открываю рот, чтобы сказать ему, что в этом нет необходимости, но передумываю. Почему я всегда отступаю перед этим мужчиной?

Он возвращается к островку и берет два кофе, протягивая мне мой, прежде чем сесть на стул рядом.

— Ты упомянула свою мать. Хочешь позвонить ей?

Я качаю головой и делаю глоток своего напитка, прежде чем ответить.

— Мои родители умерли пять лет назад. Хотя, наверное, мне следует позвонить в полицию.

— Я уже говорил с ними. Я знаю кое-кого в полиции. Он собирается разобраться с этим для тебя. Он сказал, что позвонит, если ему понадобится что-нибудь еще. Ты знаешь, кто это с тобой сделал?

Я без особого энтузиазма пожимаю плечами: — Я не была с ним знакома, но он был в баре и вел себя как мудака. Марвин вывел его под охраной. Должно быть, он ждал меня.

— Что значит, вел себя как мудака? Помимо очевидного? — он рычит, указывая на мою голову.

— Он распускал руки, но Марвин поменялся со мной местами. Тогда все было в порядке до последнего заказа. Именно тогда он пригласил меня на афтепати. Он здорово обиделся, когда я ему отказала, — признаю я.

— Как его зовут? — Атлас скрипит зубами, заставляя меня резко взглянуть на него.

— Маленький коротышка или что-то столь же глупое, что, вероятно, является кодом для маленького члена, — я вздыхаю. — Я не знаю. Мы провели вечер, называя его Макдуш, но у «Дрифта» есть его кредитная карта в файле, так что я могла бы легко достать ее для полиции.

— Не беспокойся об этом. Я напишу своему другу, и он сможет ее получить. С значком

у него будет больше влияния.

— Это правда. Фу, какой беспорядок. Спасибо, что заботишься обо мне, Атлас. Мне повезло, что ты решил, что хочешь быть моим другом. — я улыбаюсь.

— Я не хочу быть твоим другом, Айви. Я хочу трахнуть тебя.

Я давлюсь кофе и поворачиваюсь к нему с широко раскрытыми глазами.

— Господи. Послушай, я польщена, но я...

Он наклоняется ко мне, берет мою чашку и ставит ее на стол.

— Не говори мне, что тебе это неинтересно, потому что мы оба знаем, что это ложь. Я вижу, как трепещет твой пульс, и держу пари, что если я просуну пальцы тебе в трусики, то обнаружу, что с тебя капает.

Я делаю резкий вдох, за которым немедленно следует еще один. Господи, почему такое чувство, что из комнаты выкачали весь кислород?

— Я думаю, мне пора домой, — мне удастся выбраться, резко вставая, мой стул со скрежетом катится по полу от моих движений.

— Я позволю тебе сбежать сейчас, Айви, но знай, что я всегда получаю то, что хочу.

— Ну, тогда тебе полезно испытать дозу смирения, не так ли? — я выпаливаю в ответ, смущенная реакцией моего тела на него.

Он смеется, и этот глубокий звук заставляет мое и без того быстро бьющееся сердце угрожает выскочить прямо из груди.

— Мы посмотрим, что такое смирение, малышка, когда ты будешь привязана к моей кровати и будешь умолять меня трахнуть тебя. И ты это сделаешь, Айви, помни мои слова.

Даже сейчас, несколько часов спустя, стоя под прохладными струями душа, от слов Атласа у меня сжимается желудок. Я сопротивляюсь желанию просунуть пальцы между ног и потрогать себя, даже если это просто для того, чтобы успокоить потребность моего внутреннего бунтарства, доказать, что Атлас неправ.

Он может быть старше и мудрее, но этот мужчина будет иметь власть надо мной, только если я позволю ему. Каждое невинное прикосновение, каждое грязное слово действует как еще как одна кувалда, пробивающая защитное стекло вокруг моего сердца. Я не знаю, кто он, и я избегаю гуглить его, зная, что лишь малая часть того, что напечатано в Интернете, соответствует действительности. Несмотря на это, я инстинктивно знаю, что этот мужчина опасен, по крайней мере, для моего рассудка и, безусловно, для моего нижнего белья.

Я достаточно умна, чтобы понимать, что мне следует держаться от него подальше, но мое сердце пока отказывается сдаваться без боя. Со вздохом я выхожу из душа и вытираюсь полотенцем, прежде чем вернуться в свою спальню, чтобы найти что-нибудь из одежды.

Сегодня один из немногих дней, когда мне не нужно работать ни на одной работе, поэтому я планирую провести его, бездельничая, поедая нездоровую пищу и смотря криминальный канал.

Я натягиваю мягкие серые штаны для йоги, которые так поношены, что у меня дырка чуть ниже левой ягодицы. Я надеваю его со светло-фиолетовой майкой без бюстгалтера, прежде чем порыться в поисках пары ворсистых носков. У меня всегда мерзнут ноги. Не имеет значения, зима сейчас или лето, мои ноги всегда как ледышки.

Я заплетаю волосы в две косы викингов вместо того, чтобы высушить их, и направляюсь на кухню посмотреть, что у меня есть, из быстрого и легкого в приготовлении.

— Хм... не из чего выбирать, — размышляю я про себя, прежде чем в конечном итоге выбираю сэндвич с сыром на гриле и томатный суп.

Я как раз все убираю, когда раздается легкий стук в дверь.

Нахмурившись, я смотрю на дверь, словно теперь каким-то образом обладаю способностью видеть сквозь дерево, но когда я вспоминаю, что у меня нет такого дара, я неохотно направляюсь к ней. Никто не стучится в мою дверь. Я не разговариваю со своими соседями, больше из чувства самосохранения, чем из-за чего-либо еще, и я никогда не приглашала своих друзей по работе домой, по большому счету, потому что меня смущает то, где я живу, хотя я знаю, что мне не следует так думать.

Выглядывая в глазок, я никого не вижу, что заставляет меня на минуту задуматься, не почудилось ли мне это. Схватив свой зонтик с крючка для одежды рядом со мной, я откидываю цепочку и распахиваю дверь, готовая избить кого-нибудь своим менее чем

смертоносным оружием, если они выскочат на меня. Но, кажется, путь свободен.

Пожимая плечами, я собираюсь закрыть дверь, когда мой взгляд падает на прекрасный букет фиолетовых цветов, стоящий на моем пороге.

Отбрасывая зонт, я наклоняюсь и хватаю цветы, удивляясь их весу, и несу их в свою квартиру.

Я кладу их на стол рядом со своим супом и ищу карточку.

Просовывая палец под клапан конверта с напечатанным на нем моим именем, я вытаскиваю маленькую матовую карточку и читаю надпись.

Прекрасные цветы для красивой женщины, но ты пахнешь гораздо слаще.

Бабочки порхают у меня в животе, когда улыбка расплзается по моему лицу, моя решимость быть сильной растворяется в одно мгновение. Никто никогда раньше не присылал мне цветов. Черт возьми, никто и раньше не называл меня красивой. Сексуальный, горячий, даже симпатичный, но никогда не красивой. Я должна быть зла, что ему все-таки удалось узнать мой адрес, но я также не могу сказать, что я так уж удивлена. Большинству людей в этом жилом комплексе было бы наплевать на мою личную жизнь.

Решив поесть перед отправкой сообщения Атласу, я ловлю себя на том, что постоянно поглядывая на яркие фиолетовые цветы.

Тьфу, это всего лишь цветочки, Айви. Возьми себя в руки. Наверное, я придаю этому слишком большое значение. Черт возьми, он мог бы посылать цветы всем женщинам, с которыми хочет переспать.

Ладно, мне совсем не нравится эта мысль.

Заканчивая обед, я ставлю миску и тарелку в раковину, прежде чем взять свой телефон с кровати. Я возвращаюсь в гостиную, где падаю на диван со всей грацией кита.

Найдя номер Атласа, я отправляю ему сообщение, просто написав "Спасибо". Я все еще не уверена, должна ли я быть польщена, что он подумал обо мне, или злиться, что он нашел меня.

Бросив телефон на кофейный столик, я включаю телевизор и переключаюсь на криминальный канал, по которому показывают документальный фильм о женщинах-серийных убийцах. Я настолько поглощена этим, что выпрыгиваю из своей чертовой кожи, когда звонит мой телефон.

Я изображаю бьющегося осьминога, когда тянусь к нему, пытаюсь ответить на звонок, а не упасть с дивана, и напоминаю себе, что я слишком молода, чтобы у меня был сердечный приступ.

Когда я, наконец, нажимаю кнопку ответа, я стараюсь говорить ровным голосом, чтобы никто не догадался, что моя душа только что пыталась покинуть мое тело.

— Алло?

Ответа нет. Я отнимаю телефон от уха, чтобы посмотреть, не прервался ли вызов, но этого не произошло.

— Алло? — Я говорю снова, прежде чем голос, который я узнаю, рычит на меня по телефону.

— Что ты делаешь?

— Смотрю телевизор. А что? — спрашиваю я, сбитая с толку тем, почему он звучит раздраженным.

— Похоже, у тебя действительно охуенно перехватывает дыхание от просмотра телевизора.

Я сажусь, нахмурившись, не уверенная, что мне нравится то, на что он намекает.

— Ну, да, но как еще я могу успокоиться после горячего потного секса? Я же не курю, так что о сигарете не может быть и речи.

— Я собираюсь убить его, — рычит он, прежде чем телефон отключается.

Неужели это только что произошло? Я имею в виду, ладно, мне не следовало тыкать медведя палкой, но меня бесит, что он думает, что у него есть право голоса по поводу того, с кем я и что я делаю. Мы не вместе. И ладно, я также немного зла, что он думает, что я буду целоваться с ним, а потом прыгну в постель с кем-то другим несколько часов спустя. Я не осуждаю тех, кто это делает, у них больше власти, но предположение, что он что-то знает обо мне или моем характере, вызывает у меня желание написать ему и сказать, что я закончила то, что мы еще даже не начинали. Было бы лучше пресечь это в зародыше прямо сейчас, особенно если он собирается стать собственником так рано. Это больше, чем красный флаг. Это море из них, машущих мне своим предупреждением.

Выбросив его на время из головы, не желая ничего предпринимать, пока у меня не прояснится голова, я возвращаюсь к своему шоу.

Мне не требуется много времени, чтобы снова погрузиться в жизнь Сьюзен. Сорокасемилетняя женщина превратилась из жертвы в убийцу. Пережив годы жестокого обращения, она, наконец, срывается и убивает своего мужа, что я понимаю. Я аплодирую ей. Проблема в том, что то, что сломалось, осталось сломанным, и Сьюзен вышла замуж и убила еще пятерых мужчин после этого. Я не знаю, как ей это сходило с рук так долго. Думаю, это еще один классический случай, когда люди игнорируют эти надоедливые красные флажки.

Стук в мою дверь отвлекает мое внимание от Сьюзен, закованной в наручники и одетой в оранжевое. Я нажимаю на паузу и поднимаюсь на ноги, направляясь к двери.

Глядя в глазок, я замираю, когда вижу явно разъяренного Атласа, стоящего там.

— Я знаю, что ты там, Айви. Открой эту чертову дверь, пока я ее не выломал.

— Да, этого не произойдет. Ты зол, и я недостаточно хорошо тебя знаю, чтобы предположить, что буду в безопасности, когда ты в таком состоянии, — говорю я ему, направляясь к кофейному столику, чтобы схватить свой телефон, готовая набрать копов, если понадобится.

— Айви, я не шучу. Открой эту дверь прямо сейчас, или я открою ее сам, черт возьми! — кричит он.

Блядь.

Я оглядываюсь в поисках оружия и снова хватаюсь за зонтик. Хуже всего то, что он может убить меня прямо сейчас, и никто из моих соседей не вызовет полицию. Крики, выстрелы и звуки шлепков кожи о кожу — здесь норма.

— Блядь, — ругается он, пока я вожусь со своим телефоном, отступая от двери, надеясь, что его проклятие означает, что он покончил со мной.

После нескольких минут тишины я облегченно вздыхаю, поклявшись на некоторое время отложить криминальные сериалы.

Чувствуя себя глупо, я кладу зонт на кухонную стойку, но держу телефон в руке, когда делаю шаг к двери. Дверь, которая распаивается с такой силой, что ударяется о стену, заставляя меня нащупать телефон, и он с грохотом падает на пол у моих ног.

Я даже не успеваю схватить его, как Атлас оказывается на мне, отрывая меня от пола и швыряя на диван.

— Обыщи это место, — рывкает он кому-то, но его разъяренный взгляд не отрывается от

моего.

— Убирайся! — я кричу на него, или, по крайней мере, таково было мое намерение. Это больше похоже на хныканье, когда я пытаюсь встать с дивана.

— Либо ты остаешься там по собственному желанию, либо я тебя прижму. Выбор за тобой, Айви.

— Все чисто, босс, — кричит Кензо из моей спальни.

— Уходи. Я позвоню Питу, когда меня нужно будет забрать. И купи новую дверь для этого места, что-нибудь, что не разлетится в щепки от одного гребаного пинка.

— Понял, босс, — больше он ничего не говорит. Он просто оставляет меня с сумасшедшим мудаком.

— Ты должен уйти. Что бы это ни было, с этим покончено. Это не нормально, Атлас, — выпаливаю я, сердито вытирая слезы.

Он подходит ко мне и хватается за лодыжку, дергая за нее, пока я не оказываюсь на спине. Он наваливается на меня, позволяя своему весу удерживать меня на месте, но удерживая достаточно, чтобы я не была раздавлена.

— Кто он? — его голос похож на шепот, но совсем не спокойный. С его вспыльчивостью его слова с тем же успехом могут быть выпущенными пулями.

— Никого «он» нет. Никого нет. И если это то, что все имеют в виду, когда бредят альфа-самцами, я думаю, что мне такой не нужен. Вместо этого я собираюсь стать старой девой-кошатницей, — лепечу я, ощущая его твердую длину, зажатую между нами.

— Ты сказала...

— Я солгала, хорошо! — кричу я. — Ты вел себя как придурок! У меня перехватило дыхание, потому что я смотрела дурацкий криминальный канал, когда зазвонил телефон. Это заставило меня подпрыгнуть и упасть с дивана.

Моя грудь вздымается. Моя кожа горит, частично от смущения, частично от гнева, а частично от чего-то еще, что я отказываюсь признавать.

Его руки обхватывают мою голову, когда он смотрит на меня сверху вниз, ища мою ложь, но, конечно же, он ее не находит.

— Какая опасная игра, — бормочет он, наклоня голову и проводя носом по моей челюсти, вдыхая мой запах.

— Я не играю ни в какие игры. Ты сделал предположение, и мне это не понравилось. Повесив трубку, ворвавшись сюда и выбив мою дверь, ты не получишь никаких «очков». Я знаю, что некоторым девушкам нравится вся эта атмосфера плохого парня, которая царит в тебе, но я не одна из них. Я не хочу проснуться в ванне со льдом без почек или на коленях в мексиканском борделе, обслуживающая членов картеля, которым ты меня продаешь.

Он замирает на секунду, прежде чем запрокинуть голову и рассмеяться, удивив нас обоих до чертиков.

— О, Айви, у тебя такое богатое воображение. Я думаю, возможно, тебе стоит завязать с криминальным каналом, не так ли? — он усмехается, прежде чем снова наклонить голову и посасать точку моего пульса.

Я издаю хриплый стон и чувствую, как мои глаза закрываются, когда его язык прокладывает дорожку вверх по моему горлу, прежде чем его губы оказываются в сантиметре от моих.

— Кроме того, никто не прикоснется к тебе, кроме меня. Единственный раз, когда ты становишься наколени перед мужчиной, это когда я просовываю свой член тебе в горло,

понимаешь? — Приказывает он спокойным тоном, как я могла бы заказать курицу с лимоном и рисом в "Истерн Гарденс" на углу.

— Я... уже сказала тебе, что ты меня больше не интересуешь. Вместо этого я заведу кошку, — я хнычу, когда он трется о меня своим членом.

— Хм... ну, мне действительно нравятся киски, — он ухмыляется, моему мозгу требуется больше времени, чем следовало, чтобы понять его намек. Прежде чем я успеваю что-либо сказать, его рот накрывает мой.

В его поцелуе нет мягкости или утонченности — это дикое притязание. Жестокий урок, показывающий мне, что любая сила, которой, как я думала, я обладаю, была плодом моего воображения.

Один вкус, и я разрушена. *Опустошена*. Враждующая часть моего разума, говорящая мне прекратить, исчезает, заменяясь ничем, кроме низменных инстинктов желания.

Когда он отстраняется, часть меня испытывает удовольствие от того, что его дыхание такое же неровное, как и мое.

— Господи, что ты со мной делаешь, — бормочет он.

— Атлас, — умоляю я, нуждаясь в том, чтобы он был сильным прямо сейчас, потому что его чары надо мной не позволяют мне уйти.

— Ты моя. Возможно, ты не понимаешь этого прямо сейчас, Айви, но поймешь. Я нехороший человек, но я могу быть добр к тебе.

— Мы как огонь и бензин, Атлас. Это взорвется нам в лицо.

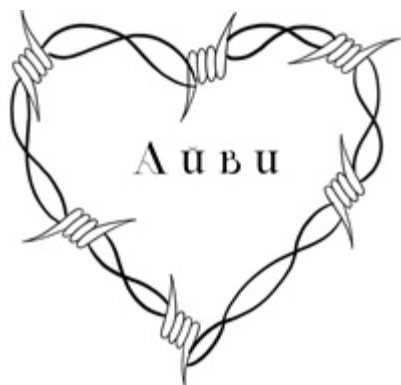
— Несомненно, но теперь слишком поздно поворачивать назад.

— Мы будем гореть и сгорим дотла, Атлас. Никто из нас не уйдет без шрамов, — предупреждаю я его в последний раз, чувствуя, что капитулирую.

— Глупышка. Выхода нет, не сейчас.

Хуже всего то, что я знаю, что он прав.

И я спускаюсь в кроличью нору.

На этот раз, когда он целует меня, это мягче, почти извиняюще. На минуту между нами возникает момент ясности, предчувствие того, что должно произойти. Ничего хорошего из этого не выйдет. Мы из двух разных миров. Но даже несмотря на то, что на всем этом написано опустошение, как на метеорите, несущемся к земле, я беспомощна остановить это.

С неохотным вздохом он отстраняется, прежде чем слезть с меня и поднять на ноги.

Его глаза блуждают по моему телу, заставляя меня запоздало вспомнить, что на мне нет лифчика. Я поднимаю руки, чтобы скрестить их на груди, но он делает шаг вперед и проводит подушечкой большого пальца по одному из моих сосков, жадно наблюдая, как он твердеет под его прикосновением.

— Красиво, — произносит он, в основном для себя, прежде чем взять меня за руку и потянуть в сторону кухни, где останавливается при виде цветов на столешнице.

— Кстати, спасибо тебе за них. Именно поэтому я написала тебе. Они прекрасны.

— Хм... так и есть. К сожалению, я их не отправлял. — он хмурится, отпускает мою руку и тянется за открыткой.

— Что значит, ты их не отправлял? Ты уверен? — он смотрит на меня как на сумасшедшую.

— Да, конечно, ты уверен. Ты бы знал, купил ты цветы или нет, — лепечу я, пока он читает открытку, его челюсть сжимается.

— Кажется, у тебя появился поклонник, — его голос напряжен, когда я обхватываю себя руками.

— Но как они узнали, где я живу, Атлас? — спрашиваю я его, мне не нравится мысль о том, что у кого-то есть мой адрес. Судя по выражению его лица, он тоже не знает.

Достав свой телефон, он кому-то звонит, но я не слушаю. Я смотрю на цветы, которые всего час назад согревали меня, а теперь оставляют ощущение холода. Встав, я хватаю вазу и топаю к мусорному ведру, выбрасывая ее.

— Эй, все в порядке. Кензо уже на обратном пути. У него есть пара парней, которые придут, чтобы разобрать с твоей дверью. Они установят дополнительные замки и прочее на твои окна. Я могу получить гарантию... — я протягиваю руку и прижимаю пальцы к его губам.

— Я ценю замки на окнах, по крайней мере там, где есть пожарная лестница, но я не могу позволить себе систему безопасности. И нет, ты за нее не заплатишь. Это слишком, и мы только познакомились.

Он нежно сжимает мое запястье и отводит мою руку.

— Деньги — это не проблема.

— Этого не будет, если ты не сделаешь это единым целым. Прямо сейчас я говорю, что в этом нет необходимости. Если в дальнейшем произойдет что-то, что заставит нас переосмыслить это, тогда прекрасно. Но прямо сейчас это всего лишь букет цветов и записка.

Он качает головой, но сдается.

— Иди переоденься, и я отведу тебя куда-нибудь пообедать.

— Я уже поела.

— Отлично, тогда я приглашаю тебя куда-нибудь выпить кофе.

— А как насчет Кензо? Ты сказал, что он возвращается.

— Ты не понадобишься ему здесь, чтобы починить дверь. На самом деле, мы просто будем ему мешать.

Я прикусываю губу, обдумывая это.

Освобождая мою губу большим пальцем, он заправляет выбившуюся прядь волос мне за ухо.

— Кензо ничего не возьмет, если это то, о чем ты беспокоишься. Я доверяю ему свою жизнь.

— О, я не беспокоюсь об этом. В любом случае, у меня здесь нет ничего, что стоило бы взять. Просто странно позволять кому-то другому решать мои проблемы.

— Технически, я создал проблему, так что мне решать ее. Послушай, я уступил насчет системы безопасности, но не в этом. Я ее сломал. Я это исправлю. Учись выбирать свои битвы, Айви. — он качает головой, но я вижу, что его это забавляет.

Я закатываю глаза, глядя на этого властного ублюдка.

— Закати на меня глаза еще раз, Айви. Попробуй. Это даст мне идеальный предлог перекинуть тебя через колено.

Я замираю на минуту, удивленная, но, как ни странно, испуганная. Я начинаю задаваться вопросом, насколько сильно Макдуш ударил меня по голове прошлой ночью.

— Эта идея тебя заинтересовала, Айви? — спрашивает Атлас — наблюдательный ублюдок, прижимаясь своим телом ко мне и прижимая меня к столешнице.

— Ты становишься влажной при мысли о том, что моя рука сделает твою задницу красной? Я бы не стал с тобой так легко обращаться. Если ты заслужишь наказание, ты получишь по заслугам. Но если ты отнесешься к этому как хорошая девочка, я мог бы вознаградить тебя. — Его глубокий мелодичный голос обволакивает меня, соблазнительный тон в сочетании с эротическими образами, которые его слова вызывают в моей голове, заставляет мое сердце учащенно биться, а руки так сильно сжимают столешницу, что я удивляюсь, как плитка не трескается.

— Твой пульс сходит с ума. Да, ты хочешь этого. К тому времени, как я закончу, ты будешь насквозь мокрой, твоя киска станет такой скользкой, что я смогу без сопротивления ввести в тебя два пальца, — он стонет, его слова тоже заводят его, когда его руки скользят по моим бедрам, прежде чем обхватить мою задницу. Его пальцы находят маленькую дырочку в моих штанах. Принимая это за приглашение, он просовывает палец под ткань, не ощущая ничего, кроме обнаженной кожи.

— На тебе что-нибудь надето под этим? — спрашивает он, когда я чувствую, что дырочка немного расширяется.

— Стринги, — выдыхаю я, когда он резко высвобождает руку и разворачивает меня, прижимая к стойке.

— Ты бы не стала лгать мне, не так ли, Айви?

— Нет, конечно, нет, — я тяжело дышу, когда его пальцы снова находят дырочку.

— Хм... это так? По моему опыту, Айви, все лгут.

Я вскрикиваю, когда он разрывает материал, обнажая мои красные стринги под ним.

— Я же говорила тебе. — Я тяжело дышу, когда его пальцы проводят по ним. — А как насчет тебя? Ты сказал, что все лгут. Ты лжец, Атлас? — его пальцы замирают, прежде чем он делает шаг назад.

— Я, пожалуй, самый большой лжец из всех. Иди переоденься. — Приказывает он, из его голоса пропадает вся теплота.

Я поворачиваюсь и смотрю на него, готовая... Ну, я не знаю. Когда я слышу приближающийся голос Кензо и звук шагов, я отступаю в спальню, прежде чем он увидит больше, чем ему нужно.

Я сажусь на кровать и беру минутку, чтобы собраться с мыслями. Если последний час чего-то стоит, то хаос, который Атлас привнесет в мою жизнь, станет моим падением. Но нельзя отрицать, что я чувствую себя живой впервые с тех пор, как умерли мои родители.

Мое тело натянуто туже, чем лук. Если бы я была одна, я бы легла на спину, сняла свои теперь уже мокрые стринги и провела следующие тридцать минут, прокручивая все в голове, пока не кончила себе на пальцы. Но прямо сейчас это невозможно.

Вместо этого я прихожу в себя, меняю нижнее белье и надеваю лифчик, пока решаю, что надеть. Он сказал кофе, так что мы не пойдём в какое-нибудь слишком шикарное место, и это к лучшему, потому что у меня нет ничего, что можно было бы классифицировать как шикарное.

Стараясь не слишком задумываться об этом, я надеваю темную джинсовую юбку длиной до середины бедра и дополняю ее ярко-синей футболкой с длинными рукавами. Заплетая волосы в косы, я быстро наношу тушь и подкрашиваю губы, прежде чем надеть свои любимые конверсы. Общий эффект заставляет меня выглядеть в точности такой, какая я есть — восемнадцатилетней девушкой.

Я выхожу обратно в гостиную и вижу, как Атлас тихо разговаривает с Кензо, пока двое других парней придерживают новую дверь. Я могу сказать, просто взглянув на нее, что это недешево, что является благословением и проклятием. Мне нравится, что это мешает людям попасть сюда, но я ненавижу, что это будет означать больше смен, чтобы расплатиться.

— Даже не думай об этом, — голос Атласа привлекает мое внимание, заставляя меня посмотреть на него.

— Что?

— Ты думаешь о том, как собираешься отплатить мне за дверь, но я уже сказал тебе, что это была моя вина, что тебе вообще понадобилась новая. Я не возьму за это твоих денег, Айви, так что выброси это из головы.

Я раздражаюсь: — Как ты узнал, о чем я думала?

— У тебя очень выразительное лицо. Все, о чем ты думаешь, прямо здесь, на виду у всего мира.

— Напомни мне никогда не играть с тобой в покер, — ворчу я.

— Может быть, покер на раздевание, — он ухмыляется, заставляя Кензо фыркнуть.

— Мудак.

— Да, это я. Пошли, давай уйдем с дороги, — он берет меня за руку и ведет к двери,

ожидая, пока парни расступятся, Атлас кивает, когда мы проходим мимо, полностью игнорируя меня. Ну, тогда ладно.

— Дружелюбные ребята. Нет.

— Им виднее, — отвечает он, таща меня вниз по ступенькам после того, как я говорю ему, насколько ненадежен лифт.

— Знаешь, что лучше быть вежливыми?

— Чем смотреть на тебя. Мне бы не хотелось сейчас выкалывать им глаза, — шутит он.

Или, по крайней мере, я думаю, что он шутит, верно?

Машина уже снаружи, и, не дожидаясь, пока Пит выйдет, Атлас открывает заднюю дверь и приглашает меня внутрь.

— Привет, Пит.

— Мэм, — приветствует он, заставляя меня нахмуриться.

— Мне восемнадцать. Я не уверена, как я отношусь к тому, что меня называют "мэм".

— Перестань огорчать этого человека. Он просто вежлив, как ты это называешь.

Я вздыхаю, прежде чем ловлю выражение лица Пита в зеркале заднего вида.

— Кстати, я хотела сказать вам спасибо, за то, что вы сделали прошлой ночью. Я не знаю, что бы я делала без вас.

— Ничего особенного, мэм. — Он наклоняет голову в мою сторону, его глаза чем-то темнеют. Вероятно, вспоминая события прошлой ночи.

— Мы хотим выпить кофе, Пит. В обычное место, — говорит ему Атлас, прежде чем нажать на кнопку, чтобы перегородки поднялась.

— Ну, это было грубо.

— Правда? Я не думал, что ты захочешь, чтобы он увидел, как я пожираю твою прелестную киску. Но если ты предпочитаешь, чтобы я опустил перегородку обратно, тогда, конечно.

— Подожди, что?

— Задери юбку на бедрах и откинься на спинку сиденья для меня, Айви.

Я смотрю на него, изображая из себя рыбу, вытащенную из воды.

— Айви, — его голос низкий, почти мурлыкающий, и имеет прямую связь с моим клитором.

— Я... Атлас... мы только что встретились. У нас даже не было свидания.

— Я не хожу на свидания, Айви. Я трахаюсь. И я намерен трахнуть тебя всеми мыслимыми способами, но прямо сейчас я хочу съесть тебя до того, как мы выпьем кофе. И кое-что, что ты должна знать — я ненавижу ждать.

— Я... ты... но... а, нахуй всё. Мы живем только один раз, верно?

— У тебя грязный рот, Айви. Может быть, мне следует засунуть свой член между твоих губ, чтобы ты замолчала.

— Ты не имеешь права указывать мне, что я могу и чего не могу говорить, — огрызаюсь я, сердито задирая юбку и откидываясь на спинку кожаного сиденья. Я зла на его своеволие, но я не настолько глупа, чтобы позволить своей гордости помешать почувствовать рот этого мужчины там, где я хочу его больше всего.

— Айви, Айви, Айви. Такая дерзкая. Признаюсь, твой рот делает мой член таким чертовски твердым, — он наклоняется надо мной и скользит руками вверх по моим бедрам, хватаясь за край моего нижнего белья и срывая его с моего тела, как будто оно было сделано из бумаги.

— Блядь. Если ты продолжишь рвать на мне одежду, мне больше нечего будет надеть.

— Я куплю тебе еще. Открой рот.

Я делаю, как он просит, мои глаза расширяются, когда он просовывает мои стринги между моих губ.

— Я говорил тебе следить за своим языком. Оставалось либо это, либо обхватить тебя рукой за горло, но я не хотел оставлять тебе синяки перед кофе.

Ладно, я не знаю, что со всем этим делать. Его слова не должны меня заводить, но они заводят, и он сам это поймет, как только его пальцы коснутся меня. Просто невозможно скрыть, насколько я мокрая.

— Итак, на чем я остановился? — он наклоняет голову и прижимается поцелуем к моему холмику, прежде чем провести носом по моему клитору, заставляя меня хныкать.

— Ты чувствуешь свой вкус на этом кусочке ткани? — он на мгновение погружает язык в меня, прежде чем отступить.

Он стонет: — Так намного лучше из первоисточника.

Его горячее дыхание прямо на мне заставляет меня что-то бессвязно бормотать, но он, кажется, не замечает, он полностью сосредоточен на моей киске.

Ни один мужчина никогда раньше не был так близко. Черт возьми, ближе всех была медсестра, которая брала у меня мазок папаниколау, и даже это не так нервировало, как это.

— Черт, — ругается он, прежде чем обводит языком мой клитор, который пульсирует от желания.

Схватив меня за бедра, он приподнимает мою задницу с сиденья и подносит к своему рту. Он наслаждается мной, как какой-нибудь дикий варвар, и я наслаждаюсь каждой секундой этого. Он лижет, сосет и покусывает свой путь к финишной черте. Как раз в тот момент, когда я вот-вот сойду с ума, он скользит языком внутри меня, заставляя меня вскрикнуть, звук приглушен, к счастью, моим нижним бельем.

Звуки моих всхлипываний подстегивают его, заставляя стонать, посылая крошечные вибрации через меня. Все обостряется до точки невозврата, и когда он сильно засасывает мой клитор в рот, игра окончена. Я хватаю его за волосы, когда кончаю, прижимая его к себе, ожидая последнего наслаждения, и он ласкает меня, пока я не могу больше терпеть.

Отстраняясь, он ухмыляется, как кот, которому достались сливки. Сливки, могу я добавить, все еще блестят на его губах.

— Как я справился? — он наклоняется, чтобы поцеловать меня, и я ощущаю свой вкус на его губах.

— Это было звездное выступление, почти на все сто баллов.

— Почти? — он хмурится, заставляя меня рассмеяться.

— Боюсь, я пропустила некоторые ключевые элементы. Возможно, тебе следует повторить представление, чтобы я смогла справедливо оценить тебя.

Теперь очередь Атласа смеяться: — Кофе, потом куннилингус. По-моему, звучит как план.

Странная тишина, охватившая нас с тех пор, как Атлас разорвал меня на части, рассеивается, когда машина останавливается, и я вижу, куда он ведет нас пить кофе.

Я не могу сдержатъ ухмылки, которую бросаю в его сторону.

— Слишком претенциозно? — я хихикаю.

Он переводит взгляд с меня на ресторан за окном и пожимает плечами: — Мне нравится их кофе.

— Держу пари, что так и есть. Но, Атлас, я не совсем одета для такого места, как это, — замечаю я, тем более зная, что под юбкой у меня ничего нет.

— Все будет идеально хорошо.

Дверь открывается прежде, чем я успеваю возразить. Атлас выскользывает и протягивает мне руку.

Я хватаюсь за нее и пытаюсь выбраться как можно более грациозно. Я не хочу никому демонстрировать товар.

Злая ухмылка расплзается по его лицу, давая мне понять, что он точно знает, о чем я думаю.

Продолжая держать меня за руку, он кивает Питу, который закрывает за нами дверь и наклоняет голову в ответ. Я неловко улыбаюсь ему, молясь богу, чтобы он ничего не услышал, иначе я могла бы просто умереть.

— Давай. Похоже, собирается дождь, — Атлас тянет меня ко входу и открывает большую стеклянную дверь, придерживая ее открытой для меня.

Оказавшись внутри, мы ждем, пока администратор разберется с пожилой парой перед нами, которая выглядит так, словно направляется на эксклюзивный прием, а не на простой обед.

У Атласа звонит телефон, поэтому он показывает мне палец, прежде чем отойти, чтобы ответить. Я использую это время, чтобы осмотреть место.

Это шикарное место с большой буквы «Ш» и не то, которое я когда-либо смогла бы себе позволить с моим текущим доходом. Несмотря на это, оно привлекательное и теплое, с его чистыми линиями и ярко освещенными открытыми пространствами. Каждый стол накрыт хрустящей белой льняной скатертью с украшениями в виде маленьких цветов по центру.

Я уверена, что кофе здесь импортный и декадентский, но чего-то не хватает, чего вы просто не можете получить в таком месте, как это.

В маленьких кофейнях, особенно в той, которую я часто посещаю, главное — атмосфера. Как только вы заходите внутрь, аромат теплого обжаренного кофе ударяет вам в лицо подобно бодрящему поцелую, который захватывает вас в ловушку задолго до того, как

кофеин попадет в ваш организм. Здесь вы этого не получите, так как слишком много других ароматов нарушают его чистоту.

И дело не только в этом. Я скучаю по маленьким группам стульев, собранных вместе для общения родителей, у которых есть первые минуты свободы после того, как они отвезли своих детей в школу. Уютные диваны, где молодые пары прижимаются друг к другу, шепча обещания за обжигающе горячим кофе. Мечтатели в углу, уткнувшись в книгу, потягивают горячий шоколад. И трудоголики, употребляющие кофеин, яростно печатают на своих ноутбуках.

Кофейни — это по-своему сообщество, объединяющее людей из всех слоев общества, у которых есть общие потребности. Для кого-то вроде меня, у кого нет семьи или дружелюбных соседей, это место, которое помогает мне чувствовать себя менее одинокой в этом мире.

— Мисс? — я оборачиваюсь на звук женского голоса и вижу, что администратор смотрит на меня с гримасой. — Могу ли я вам помочь?

— Ах, извините, я была за много миль отсюда, — я смотрю на Атласа, но он стоит к нам спиной, оживленно разговаривая по телефону. Его голос слишком тих, чтобы я могла расслышать, но по тому, как он напряжен, я могу сказать, что он взбешен.

— Мы просто зашли выпить кофе, — я пожимаю плечами, по какой-то причине чувствуя себя глупо.

— На углу есть кофейня.

— Да, поверьте, я в курсе. Но, по-видимому, мой... Атлас в некотором роде кофейный сноб.

— Да, хорошо. Существует трехмесячный лист ожидания столика, так что, если вы его не забронировали, извините, но я ничем не могу вам помочь.

— Честно говоря, я испытываю некоторое облегчение, — признаюсь я, делая шаг назад, когда она еще раз разглядывает мой наряд и хмурится.

— У нас действует дресс-код.

— Мило, — отвечаю я, мой легкомысленный ответ заставляет ее нахмуриться.

— Хорошего дня, — говорит она, и ее слова звучат так, словно она предпочла бы, чтобы я упала в чан с кислотой.

Я киваю в знак благодарности, но не двигаюсь.

— Мне нужно вызвать охрану? — спрашивает она, положив руку на бедро.

— Я не знаю, а вы как думаете?

— Вам нужно уйти.

— Да, я поняла это, спасибо. Однако, как вы можете видеть, человек, с которым я пришла, похоже, занят важным разговором, а на улице идет дождь. — Так оно и есть. Кажется, в ту секунду, когда мы вошли внутрь, небеса разверзлись.

— Это не моя проблема. Вы загораживаете вход. — я оглядываюсь и обнаруживаю зону ожидания пустой, если не считать нас с Атласом.

— Там никого нет.

— Ты намеренно ведешь себя глупо? — огрызается она.

— Это зависит от обстоятельств. Ты намеренно ведешь себя как стерва? Потому что я ненавижу сообщать тебе об этом, милая... в твой момент славы отвлекает нас от этого «охлажденного-модного-заведения», — издеваюсь я, делая шаг ближе. — Ты, кажется, забыла, что ты не на ужине, одетая в шелк и увешанная бриллиантами, как предполагает твое поведение. Ты

всего лишь скромный администратор, одетый в льняную рубашку и юбку из полиэстера в стиле Джимми Чу. Насколько я понимаю, у тебя больше общего со мной, чем с ними.

— Как ты смеешь? — шипит она, ее лицо становится красным, когда она сжимает воображаемые жемчужины у себя на шее. Я качаю головой и хихикаю, образ того, как я душу ее ниткой жемчуга, заставляет меня улыбнуться.

— Здесь какая-то проблема? — Атлас подходит ко мне сзади, и его большая рука прижимается к моей пояснице.

— Мистер Монро! — красное лицо администратора бледнеет и она покачивается, столкнувшись с напором Атласа.

— Ты всех знаешь? — спрашиваю я его, тыча локтем в ребра, чтобы отвлечь его внимание от женщины, которая выглядит так, будто в двух секундах от обморока.

— Я должен. Я владелец этого места.

Я закрываю глаза. Конечно, он владелец.

Я также понимаю страх администратора. При нынешнем экономическом климате рабочих мест сейчас не хватает. Я была так близка к тому, чтобы оказаться на улице, когда получила работу в «Дрифт».

— Все в порядке. Администратор просто ждала, пока ты закончишь свой звонок, прежде чем проводить нас к нашему столику, верно? — я подсказываю ей. Мне может не нравиться эта женщина или ее отношение "лучше тебя", но я не бессердечная стерва.

— Верно. Конечно, я приготовила для вас ваш обычный столик. Сюда, пожалуйста.

Она разворачивается на каблуках, ее движения резкие, когда Атлас наклоняется и шепчет мне на ухо: — Хочешь ввести меня в курс дела?

— Нет, все хорошо. А теперь пойдем. Я хочу посмотреть, действительно ли здешний кофе так хорош, как ты, кажется, думаешь.

Каким бы вкусным ни был кофе, мужчина, сидящий передо мной, заставляет меня бороться с желанием застонать.

С того момента, как администратор проводила нас к столику и ушла, бросив на меня извиняющийся взгляд, Атлас медленно дразнил меня до такой степени, что я готова была взорваться. Небольшие прикосновения здесь, касания его руки там, поглаживания его ноги по моей — все это кажется безобидным, пока не сложишь их все вместе.

— Во сколько тебе обошлись эти стулья? — я выпаливаю наугад, заставляя его замолчать с чашкой черного кофе у губ.

— Зачем?

— Затем, что если ты продолжишь дразнить меня, как раньше, боюсь, я замочу это и все испорчу, тем более что на мне нет трусиков.

Он рычит и наклоняется, украдкой целуя меня, но его поцелуй прерывается из-за того, что снова звонит его мобильник.

Раздраженно он отстраняется и извиняется, чтобы ответить на звонок.

Как только он уходит, администратор появляется снова, зависая рядом со мной, пока я не сосредотачиваюсь на ней.

— Мне жаль, — выпаливает она, заламывая руки.

— Я не собираюсь ничего говорить, — успокаиваю я ее, прежде чем вернуться к своему кофе.

— Спасибо, но даже если вы этого не сделаете, и у вас есть на это полное право, я все равно сожалею. Люди, которые приходят сюда... не слишком приятны в хороший день и откровенно грубы в плохой. Я стала толстокожей и острой на язык после того, как провела первый год, постоянно бегая в туалет в слезах. Это не оправдание того, как я с вами разговаривала. Я...

Я поднимаю руку и прерываю ее: — Я понимаю. Ты была сукой, а я намеренно вела себя глупо, просто чтобы вывести тебя из себя. Я работаю в спортзале постоянным лакеем и барменом в «Дрифт». Поверь мне, я понимаю всю толстокожесть, но не позволяй их дерьмовому отношению изменить тебя.

— «Дрифт»? Это то, где ты... — снова появляется Атлас, прерывая ее. Она спешит прочь, прежде чем он что-нибудь ей скажет, но, честно говоря, я не думаю, что он даже осознал, что она была здесь. Все его внимание сосредоточено на мне.

— Мне жаль. Я должен уйти.

— Атлас, я понимаю. У тебя есть работа. Нужно ли мне напоминать тебе, что ты вообще не должен был заканчивать?

— Тебе понравится, когда я кончу, — бормочет он достаточно громко, чтобы я услышала намек.

— Я еще не видела, как ты кончаешь, — поддразниваю я в ответ. — В другой раз?

— Блядь, да.

— Язык, — отчитываю я, подмигивая.

— Ты знаешь, что никому другому такое нахальное отношение не сошло бы с рук. — он качает головой, бросая на стол пару стодолларовых банкнот. Черт возьми. Почему здесь этот чертов кофе?

— Наверное, я просто особенная.

Когда он ничего не говорит, я поднимаю взгляд и обнаруживаю, что его глаза сверлят мои.

— Да, в этом нет сомнений, Айви. Я с самого начала знал, что ты особенная.

Сигнал моему таящему сердцу.

— Осторожнее, Атлас. Я могу подумать, что нравлюсь тебе, — я улыбаюсь, когда он ведет меня через ресторан, чтобы дождаться Пита.

— Хм... Мы бы не хотели этого сейчас, не так ли?

Мы стоим прямо за стеклянными дверьми, наблюдая, как дождь превращается из проливного в морозящий.

Когда подъезжает знакомая черная машина, Пит выскакивает с зонтиком и спешит к двери.

— Пит отвезет тебя домой. Я собираюсь поработать из офиса наверху. Держи телефон при себе. Когда я позвоню тебе позже, я ожидаю, что ты ответишь.

— Да, сэр, — я отдаю честь, заставляя его покачать головой, прежде чем он запечатлевает мягкий поцелуй в уголке моего рта.

— Я звоню, ты отвечаешь, или мне придется послать одного из парней проверить тебя, — предупреждает он, и я чертовски хорошо знаю, что он тоже серьезен.

— Атлас, — я вздыхаю.

— Иди. У меня полно дерьмовых дел, а ты проверяешь мою решимость. Я бы предпочел

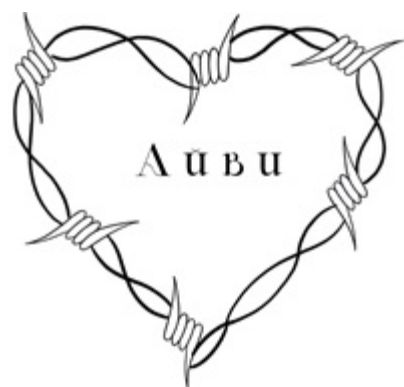
сказать "к черту все" и вместо этого провести день с тобой.

— Я имею в виду, я бы не возражала против этого, но тебе, наверное, стоит пойти заработать еще миллион или два. Никакого давления или чего-то подобного. Я буду любоваться своей модной новой дверью и стирать белье.

Он кивает и открывает дверь, чтобы я могла проскользнуть внутрь. Пит поднимает зонт над моей головой, чтобы я не промокла, пока мы оба спешим к машине.

Устроившись внутри, я благодарю Пита, когда он включает подогрев. Я откалываюсь на спинку и закрываю глаза, сосредотачиваясь на вещах, которые мне нужно сделать до того, как я вернусь завтра на работу, на чем угодно, лишь бы отвлечься от мыслей о том, что произошло на этих сиденьях ранее.

Это штука, что бы ни происходило между мной и Атласом, движется с невероятной скоростью. Для девушки, которая всегда была осторожной, я задаюсь вопросом, что делает его таким непохожим? Что такого есть в Атласе, что заставляет меня из девушки, которая оценивает риск во всем, превратиться в девушку, которая жонглирует гранатами?

Уставившись на свой телефон так, словно само его существование оскорбляет меня, прежде чем запихнуть его в карман шорт, я толкаю тележку к отделу со сладостями, одновременно выкладывая свежие продукты. В моем теперешнем настроении подойдет только шоколад.

Я проснулась этим утром и обнаружила у своей двери еще один букет фиолетовых цветов с запиской, в которой говорилось, что я прекрасна в голубом цвете, так как он подчеркивает цвет моих глаз.

После почти срыва, поскольку на мне действительно была небесно-голубая футболка, я вспомнила, что накануне вечером на работе я тоже была в синей рубашке с воротником-стойкой. Моим первым побуждением было позвонить Атласу, но я решила подождать, так как все равно должна была встретиться с ним через несколько часов. Я не хотела, чтобы он примчался сюда, когда ничего не мог сделать. Я использовала уголок пластикового пакета, чтобы собрать записку, не повредив отпечатки пальцев — да, криминальные сериалы иногда могут быть полезны — и сфотографировала цветы на телефон, прежде чем выбросить их.

Почувствовав себя спокойнее после того, как я избавилась от них и принципиально сменила топ на желтый, я отправилась в супермаркет за покупками, потому что мой холодильник был пуст.

Автобус был переполнен, и в итоге я села перед ребенком, который продолжал дергать меня за волосы, и позади мужчины, который не был в дружеских отношениях с куском мыла.

Моя голова стала раскалываться еще до того, как я проехала половину пути, и это только усугубилось телефонным звонком, который я получила от полиции, сообщившей мне, что они все еще не нашли мою машину.

Когда я проходила через двери супермаркета, я действительно начала терять самообладание. Детектив Майлз, друг Атласа, позвонил и сказал мне, что разговаривал с Кей Ти, ОН же мистер Макдуш. У него было железное алиби. Я знала, что это не было правдой, потому что я была там, на другом конце его долбаного кулака. Если бы я была богата, а он беден, я уверена, что весь этот разговор пошел бы совершенно по-другому.

В общем, мое утро выдалось дерьмовым. Но я отказалась позволить этому угнетать меня, потому что сегодня вечером я встречу с Атласом. Это была неделя горячего и интенсивного секса по телефону, и я была готова спонтанно воспламениться. Это подводит меня к настоящему моменту, и Атлас пишет мне смс, в котором сообщает, что он все-таки не придет сегодня вечером.

— Я знала, что мне следовало просто остаться в постели этим утром, — ворчу я про себя, хватая пакет Skittles и два пакета M & M's с полки и бросая их в тележку.

Я не знаю, что говорит выражение моего лица, но этого достаточно, чтобы женщина передо мной схватила своего ребенка и отошла с моего пути, когда я подхожу к морозилке в поисках мороженого. Мороженое делает все лучше. Мороженое никогда меня не подводит. Мороженое... черт возьми, мне нужно потрахаться.

Покалывание между лопатками заставляет меня на секунду остановиться. Ощущение, что за мной наблюдают, заставляет меня быстро оглядеться вокруг, пытаюсь поймать кого-нибудь, но, конечно же, там никого нет. Пара букетов, и я превратилась в сумасшедшего параноика.

Топая к ближайшей кассе, я жду своей очереди, добавляя в тележку две пачки жевательной резинки и пакетик trail mix, пока стою в очереди.

Я выдавливаю из себя улыбку, вроде как, кассирше, которая выглядит так, будто ее день проходит примерно так же хорошо, как и мой, прежде чем выйти через автоматические двери, как раз в тот момент, когда разверзнутся небеса.

— Серьезно? — я огрызаюсь на небо и чуть не выпрыгиваю из собственной кожи, когда сигналит машина.

Готовая высказать им всё, что я думаю, я открываю рот, чтобы заорать, когда понимаю, что это Пит, и он машет мне рукой.

Не колеблясь, я хватаю сумки с тележки и толкаю ее бедром, чтобы она врезалась в другие тележки, прежде чем подбежать к Питу. Дождь не моросит, а льет как из ведра.

— Быстрее, садись. — Пит придерживает для меня дверь, и я забираюсь внутрь и ставлю сумки на пол у своих ног.

Я жду, пока он устроится на водительском сиденье и закроет дверь, прежде чем заговорить.

— Я никогда не была так рад видеть тебя, Пит, — я хихикаю. — Что ты здесь делаешь? Это немного не твое, не так ли?

— Я отвезил клиента домой к мистеру Монро и остановился поужинать, — он указывает на пакет, из которого торчит замороженный ужин.

— Похоже, твои кулинарные навыки ничуть не хуже моих.

Он смеется, отъезжая от тротуара: — Я умею готовить. Ничего особенного, только самое необходимое. Но я работаю сверхурочно, и я один, так что, признаюсь, мне становится немного лениво из-за всего этого.

— Да, в этом есть смысл. Что ж, я, например, благодарна тебе за любовь к расфасованным блюдам. Если бы они тебе не были нужны, я, возможно, закончила бы тем, что ждала под дождем прибытия автобуса, и мне просто повезло бы, что он опоздал. Ты официально мой герой.

— Рад угодить, — он мягко улыбается. — Ты направляешься домой?

— Да, пожалуйста. Мой день превратился в сущее дерьмо. Я думаю, что для моего настроения безопаснее просто запоем смотреть телевизор и питаться вредной едой.

— Мне жаль это слышать, мисс Брукс.

— Я Айви, Пит, и все в порядке. У всех бывают плохие дни. Надеюсь, это означает, что остаток моей недели будет немного светлее.

— Оптимист, да?

— Маленький лучик солнца — это больше, чем я могу себе позволить, но я определенно из тех девушек, у которых нет худа без добра, или пытаюсь быть такой.

— Хорошо. Миру не помешало бы еще немного такого отношения к стакану, как к

наполовину полному.

— Если стакан наполовину пуст, это просто означает, что в нем осталось больше места для текилы.

Он снова смеется и кивает в окно на радугу, которая раскалывает серое небо, ее яркие цвета отказываются тускнеть только из-за дождя.

— Эта радуга напоминает мне о тебе.

— Что, достаточно сумасшедшая, чтобы выйти под дождь? — я шучу.

— Нет, упрямая и решительная, но ты также милая и забавная. Такое сочетание встречается не часто. Я думаю, ты подходишь мистеру Монро.

Я краснею от его слов и опускаю голову.

— Спасибо, наверное. Мне нравится Атлас, и это ново, и я понятия не имею, куда это движется. Так что, если завтра все развалится и я больше тебя не увижу, я просто должна сказать, что ты классный чувак, Пит. Я не часто сажусь в машины с незнакомыми мужчинами, хотя в последнее время понимаю, что делаю это с пугающей частотой. В любом случае, ты всегда был добр ко мне и от тебя никогда не исходила та жуткая атмосфера.

Он громко смеется над этим. Он бросает мои слова мне в ответ, когда подъезжает к моей квартире: — Спасибо, наверное. Позволь мне проводить тебя.

— О, все в порядке. Правда.

— Чепуха, — он выходит, прежде чем я успеваю возразить дальше, и открывает передо мной дверь.

Я хватаю свои сумки. Он забирает их у меня, ожидая, пока я выйду, прежде чем закрыть дверь ногой.

— Правда, Пит, я справлюсь.

— Знаю, но моя мать перевернулась бы в гробу, если бы подумала, что я не использую манеры, которые она привила мне.

Я ухмыляюсь, представляя, как в детстве его выпороли за дерзость.

— Что ж, она проделала безупречную работу. Но я должна предупредить тебя, нам придется воспользоваться лестницей. Лифт выходит из строя настолько часто, что, когда он все же работает, я все еще избегаю его, зная, что вероятность того, что я застряну внутри него, пятьдесят на пятьдесят.

Он смотрит на лифт и морщится: — Да, я пас, спасибо. Я не большой поклонник закрытых помещений без окон. Такое ощущение, что я в гробу.

— Ты был во многих гробах? — спрашиваю я, изогнув бровь.

Он закатывает глаза, отчего выглядит лет на двадцать моложе.

— Да ладно тебе. Давай не позволим твоему мороженому растаять, иначе оно действительно испортит тебе день.

— Ладно, даже не шути на эту тему, Пит, — мне приходится подниматься по лестнице трусцой, чтобы поспевать за его длинными ногами, перепрыгивающими через две ступеньки за раз. Господи, я запыхалась к тому времени, как добралась до своего этажа, а у Пита даже не сбилось дыхание. Я хмуро смотрю на него, но вспышка цвета бросается мне в глаза, заставляя меня обернуться, и мой рот открывается от шока.

— Что? — Пит поворачивается, чтобы увидеть, что заставляет меня застыть на месте, прежде чем выругаться. Если бы я не была так ошеломлена, я бы рассмеялась, зная, что обычно он со мной неизменно вежлив.

Хотя прямо сейчас я могла бы раздеться и предложить танец на коленях, и я все еще не

уверена, что смогла бы привлечь к нему свое внимание.

Весь мой коридор, ведущий к моей двери, устлан пурпурными лепестками цветов. Это похоже на то, что вы увидели бы на долбаной свадьбе, когда к вам подходит невеста, а не эмоционально усталая женщина, которая хочет разрыдаться в чан с мороженым.

Если этого недостаточно, чтобы заставить мое сердце биться быстрее, надпись на двери большими черными буквами делает это. Это всего лишь одно слово. Пять букв, и все же, не думаю, что я моргнула с тех пор, как мои глаза наткнулись на это.

Скоро

Я чувствую себя так, словно нахожусь на съемках триллера, потому что в реальной жизни ничего подобного не происходит. Это вышло за рамки легкого дискомфорта и полностью вывело меня из себя.

Я смутно слышу, как говорит Пит, но, кажется, не могу вырваться из этого тумана, поскольку каждая мысль вбивает осознание того, что этому человеку не станет скучно и он не остановится, как я надеялась, только не после этой эскалации.

Чья-то рука на моем локте заставляет меня подпрыгнуть. Я смотрю на Пита, который с беспокойством наблюдает за мной, обе сумки теперь в одной руке.

— Давай отведем тебя внутрь.

Я машинально киваю и засовываю руку в карман за ключом. Идя по лепесткам к двери, я сглатываю подступающую к горлу тошноту. Возможно, я ничего не смыслю в цветах, но я знаю, что тот, кто их оставил, потратил большое состояние на то, чтобы было так много лепестков. Это исключает детей, которые валяют дурака, из списка подозреваемых. Черт возьми, это уничтожает всех в этом здании, если быть честным.

Открывая дверь, я собираюсь зайти внутрь, но Пит останавливает меня.

— Позволь мне сначала все проверить, — он не дожидается ответа, прежде чем зайти внутрь, ставя пакеты на прилавок, когда проходит мимо.

Я смотрю, как он направляется в спальню, и жду, когда он вернется и кивнет мне, прежде чем тоже направиться внутрь.

Подойдя к пакетам, я начинаю их распаковывать, сосредоточившись на том, чтобы убрать мороженое.

— Айви, позволь мне сделать это.

— Я в порядке, Пит, честно, просто немного удивлена. Я вроде как списывала все в своей голове на розыгрыш или безобидное увлечение, но это намного больше, чем я была готова.

— Я позвонил Атласу. Он уже в пути.

— Дерьмо. Теперь я чувствую себя плохо, потому что знаю, что он занят.

— Не имеет значения, насколько занят этот мужчина. Если что-то подобное происходит, он захочет немедленно узнать.

Точно зная, что таков Атлас, я даже не пытаюсь его опровергнуть. Я убираю продукты, пока Пит готовит чай, словно он делал это миллион раз в моей квартире, но что-то в его непринужденной прямооте помогает мне сохранять спокойствие.

Громкий стук в дверь заставляет меня подпрыгнуть. Пит поднимает руку, жестом призывая меня остаться. Он смотрит в глазок, прежде чем отпереть дверь и широко распахнуть ее.

Атлас заходит внутрь, его глаза сканируют комнату, пока не останавливаются на мне.

Я не успеваю обдумать свой следующий шаг. Все, что я знаю, это то, что Атлас здесь, и

прямо сейчас нет более безопасного места, чем в его объятиях.

Я бегу и прыгаю, зная, что он поймает меня, и он это делает, одна рука скользит по моей спине, а другая скользит под мою задницу, когда я обнимаю его и кладу голову ему на плечо.

— Ты пришел.

— Я всегда буду приходить за тобой, Айви, — шепчет он, неся меня в спальню. Я предполагаю, что это для уединения, потому что, когда я смотрю через его плечо, я вижу Кензо, разговаривающего с Питом.

Сидя на краю моей кровати со мной у себя на коленях, Атлас убирает волосы с моего лица, изучая меня.

— Кензо собирается все убрать. К тому времени, как он закончит, ты не найдешь ни единого лепестка.

— Раньше, когда я уходила, на пороге был букет цветов и записка. Я выбросила цветы, но оставила записку. Она на стойке. Как ты думаешь, нам следует позвонить детективу Майлзу, пока все не уладилось?

— Кензо звонит ему прямо сейчас. Что тебе нужно? Что я могу сделать, чтобы все стало лучше?

— Ты уже делаешь это, — я сильнее прижимаюсь к нему.

Он крепко обнимает меня, и мы некоторое время сидим в тишине, прежде чем я отстраняюсь и смотрю на него снизу вверх.

— Спасибо, что пришел. Я знаю, что ты занят... — он прикладывает палец к моим губам, заставляя меня замолчать.

— Я зол, что мне пришлось отменить сегодняшней вечер, но, возможно, ты хочешь пойти со мной на работу? Это не будет особенно захватывающе, но мы можем заказать китайскую еду, и ты сможешь посмотреть фильм, пока я заканчиваю. Мне не нравится оставлять тебя здесь, когда я знаю, что ты потрясена.

Я хочу отказаться, одеть свои трусики большой девочки и отмахнуться от этого, но я не могу отрицать, что все это меня пугает.

— На самом деле, это звучит довольно заманчиво. Мне нужно переодеться?

— Нет, ты идеальна такая, какая ты есть.

Оторвав взгляд от задницы Айви в этих чертовски обтягивающих шортах, я замечаю, что она ухмыляется мне через плечо.

— Твой офис больше, чем моя квартира.

Я открываю дверь и придерживаю ее достаточно широко, чтобы она могла пройти, прежде чем закрыть и запереть ее за нами: — Не хочу тебя огорчать, Айви, но моя ванная больше, чем твоя квартира.

Она качает головой и смеется, прежде чем плюхнуться на кожаный диван рядом с моим столом, лицом к телевизору.

— Сколько у тебя офисов?

Я задумываюсь на секунду. В конце концов, не то чтобы я использовал большинство из них.

Она смеется: — Если тебе приходится так долго думать об этом, то ответ — слишком много. Хотя спасибо, что позволил мне присоединиться к тебе сегодня вечером.

Она тербит подол своей футболки, выглядя застенчивой и уязвимой. Самое хреновое в том, что вместо того, чтобы хотеть утешить ее, я хочу повалить ее на свой стол и трахнуть, как большой злой волк. В ее невинности есть что-то такое, что заставляет меня хотеть уничтожить ее.

— Я босс. Если я хочу привести свою девушку на работу, значит, так тому и быть. — я подхожу к столу и выдвигаю верхний ящик, нахожу несколько листов меню с доставкой еды, которые протягиваю ей. — Что бы тебе хотелось?

— Хм... я избалована выбором, — бормочет она, листая их. Она делает паузу, ее глаза загораются, как будто это Рождество, давая мне понять, что прошло слишком много времени с тех пор, как она заказывала доставку. — Как насчет китайской кухни?

— Твой выбор. Заказывай все, что захочешь. У меня будут 56, 34 и 18. Вот моя карта, — я достаю бумажник и протягиваю ей черную карточку Amex. — Вернусь через двадцать минут, чтобы перекусить, обещаю. Мне просто нужно убедиться, что для моего клиента все сделано, когда он придет, — я роюсь на столе, пока не нахожу пульт и вручаю его ей. — На телевизоре есть Netflix, так что устраивайся поудобнее и смотри все, что тебе нравится.

Она кладет карту и пульт дистанционного управления на столик рядом с диваном, прежде чем сбросить туфли. Встав с дивана, она поворачивается ко мне лицом, прежде чем

обвить руками мою шею.

— Ты мне серьезно нравишься, Атлас Монро, — она прижимается своими губами к моим, когда я хватаю ее за волосы и прижимаю к себе.

Господи, эта женщина — нечто иное. Большинство сук в моем мире жесткие и холодные, в основном по необходимости. В конце концов, не стоит показывать слабость, потому что кто-то в мгновение ока перегрызет тебе горло.

Они были бы рады заполучить Айви в свои руки, и к тому времени, когда они закончат с ней, она станет тенью того, кто она есть сейчас. Не то чтобы я когда-нибудь позволил бы этому случиться. Сначала им пришлось бы пройти через меня.

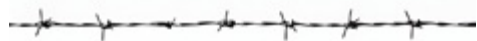
Я понятия не имею, почему Айви так на меня влияет, но я точно знаю, что убью любого, кто думает, что может нацелиться на нее, чтобы добраться до меня.

Мой мобильный звонит, напоминая мне, что мне нужно быть в другом месте.

— Айви, — я неохотно отстраняюсь.

— Иди. Я буду в порядке.

После еще одного поцелуя я отстраняюсь и спускаюсь вниз, чтобы посмотреть, не прибыл ли наш гость.

— Мне совершенно похуй, на твою слезливую историю, Экклз, — я дергаю его за сальные волосы, морщась от отвращения при виде слез и соплей, стекающих по его изможденному лицу. — Ты действительно гребаная киска. Держу пари, ты бы отсосал у меня, если бы я тебе сказал, не так ли? — я толкаю его, и он падает на пол, рыдая.

— Пожалуйста, пожалуйста, я могу достать деньги.

— Срочные новости, Экклз. Меня не волнуют деньги. Зачем мне это, если они не мои? Моя роль здесь заключалась просто в том, чтобы найти тебя и доставить к Маркусу.

— Я удвою то, что Маркус платит тебе! — визжит он, явно больше напуганный Маркусом прямо сейчас, чем мной, но это скоро изменится.

Я кручу биту в руках. Прежде чем он успевает отползти, я с размаху ударяю его по боку, зная, что сломал по меньшей мере несколько ребер. Его вопли вызывают у меня улыбку.

— Я тебе не по карману. Если бы ты мог, ты бы вернул деньги Маркусу.

— Черт возьми, Господи, он убьет меня. Должно же быть что-то, чего ты хочешь. Я знаю... У меня есть ребенок. Ей четыре года, и она прелестная малышка.

На этот раз я замахваюсь и наношу удар по его ключице, заставляя его вскрикнуть, когда она хрустит, как щепка.

— А мне казалось, что это я ебнутый. Ты слышал, Кензо? Этот кусок дерьма хочет продать мне свою дочь.

Кензо прислоняется к стене, наблюдая за ним с отвращением на лице.

— Он кусок дерьма, босс, но мы уже знали это. Он уже подставляет киску своей жены, чтобы расплатиться за свою зависимость. Теперь ребенок тоже должен платить? Это мерзко, чувак.

— К счастью для твоей дочери, я не интересуюсь детьми. Однако я собираюсь сделать ее день немного светлее, убрав монстра из ее жизни.

— Подожди, ты сказал, что должен отвести меня к Маркусу? — он кричит, теперь уже в

панике, отчего его голос становится хриплым, когда он по-крабьи отползает от меня, оставляя кровавый след на бетонном полу.

— Но я ничего не говорил о том, что ты будешь живым, верно? — я ухмыляюсь, зная, что это вселит в него страх Божий, прежде чем шагнуть вперед и замахнуться битой ему в голову.

Из его носа брызжет кровь, прежде чем я бью его снова и снова, используя его тело как средство для снятия стресса. Я бью его до тех пор, пока его лицо не становится гротескным и неузнаваемым. Его распухшие глаза полностью закрыты, нос раздроблен после второго удара вместе с челюстью и скулами. Используя свой последний замах, я уничтожаю его яйца, прежде чем бросить битку поверх его теперь уже мертвого тела.

Я киваю Кензо: — Готово. Упакуй его и отвези к Маркусу.

— Уже. Ты возвращаешься в Айви?

— Да, как только приму душ и переоденусь. Позвони Питу. Скажи ему, чтобы он встретил меня через двадцать минут.

— Понял, босс.

Я снимаю с себя одежду и бросаю ее рядом с телом Экклза, вытирая руки, те самые руки, которые видели больше крови, чем хирург. Я вхожу голый в комнату в задней части подвала, где есть ванная и шкаф с чистой одеждой. В конце концов, это не первое мое родео.

Я быстро принимаю душ и надеваю другую белую рубашку и черный костюм от Армани, точно такой же, как тот, который я снял. Чтобы не вызвать подозрений, я ухожу тем же путем, что и вошел, поднимаясь на личном лифте в свой офис на верхнем этаже.

Я запер дверь, когда уходил ранее, после того, как подсыпал успокоительное в напиток Айви. В любом случае, никто не был бы настолько сумасшедшим, чтобы подняться в мой офис и ворваться без предупреждения, но я не хочу рисковать жизнью Айви из-за этого.

Обнаружив, что она крепко спит на диване именно там, где я ее оставил, подложив обе руки под щеку в ангельской позе, что-то внутри меня успокаивается. Я не знал никого, кто мог бы одновременно успокоить меня и довести мой самоконтроль до предела.

Я выключаю телевизор, по которому показывают какой-то девчачий фильм, и выбрасываю пустые коробки из-под китайской еды в мусорное ведро, прежде чем подхватить Айви на руки и отнести ее вниз, где ждет Пит.

Он открывает дверь, чтобы я мог забраться внутрь, устраивая Айви у себя на коленях.

— Отвези меня к Айви, затем отправляйся домой и немного отдохни. Ты будешь дежурить у Айви до конца недели.

— Без проблем, сэр, — вежливо отвечает Пит, прежде чем я закрываю стеклянную перегородку между нами.

Делая глубокий вдох, я вдыхаю ее и позволяю ей очистить меня так, как может только она.

Сегодня было одно дерьмо, после гребаного другого. Я был взбешен, когда понял, что мне придется отменить встречу с Айви, но в конце концов все обошлось.

Когда мы добираемся до ее дома, я пропускаю Питу первым, который открывает дверь перед нами двери, прежде чем уйти.

Положив ее на кровать, я снимаю с нее туфли, расстегиваю пуговицу на ее шортах и опускаю молнию.

Сняв все это с нее, я бросаю вещи на комод. Немного приподняв ее, мне удастся стянуть с нее футболку, прежде чем расстегнуть лифчик и бросить его к остальной одежде.

Обнаженная, если не считать красных кружевных стрингов, я достаю телефон из кармана пиджака и делаю снимок, прежде чем стянуть стринги с ее ног и сунуть в свой карман.

Я сомневаюсь, что она обрадуется обнаружив себя обнаженной, но она переживет это.

Скинув туфли, я забираюсь на кровать рядом с ней и притягиваю ее к своей груди, закидывая ее ногу поверх моей. Ее горячая киска прижимается к моему твердому члену, заставляя меня не хотеть ничего больше, чем трахнуть ее в грубой форме, но это не входит в планы на сегодняшний вечер.

Это риск — просто держать ее вот так. Я не уверен, когда действие успокоительного закончится, но после того, как я разобрался с дерьмом Экклза, а до этого с моим отцом, мне нужно, чтобы она была рядом, даже если это ненадолго.

Я позволяю себе расслабиться, но держу глаза открытыми, чтобы не заснуть. Айви не хотелось бы застать меня в своей постели без приглашения, когда она голая лежит рядом со мной. Последнее, что мне нужно, это чтобы она сбежала, когда я так близок к тому, чтобы заполучить ее именно там, где я хочу — в моем доме и в моей постели, выкрикивая мое имя.

В ту секунду, когда я увидел ее, я понял, что она изменит мою жизнь. Все мое тело содрогнулось от осознания этого, и тогда я начал планировать.

Через пару часов я неохотно отодвигаюсь от нее и стою, уставившись на женщину, которая понятия не имеет, насколько близка к опасности на самом деле.

Прижимаясь поцелуем к ее животу, я покидаю ее комнату, прежде чем окажусь погребенным внутри нее.

Я сжимаю свой член, укол боли ни черта не делает, чтобы заставить его опуститься, но этого достаточно, чтобы заставить меня сосредоточиться.

Я роюсь в ее кухонных ящиках, пока не нахожу ручку и старую квитанцию, на которой могу написать ей записку.

Ты выглядишь так чертовски красиво, что я не доверяю себе рядом с тобой.

Позвони мне, когда проснешься.

А

Кладу ее на подушку рядом с ее головой, надеваю туфли, прежде чем позвонить Кензо, чтобы он забрал меня, зная, что он не спит.

Пора уходить. У меня все еще есть работа, которую нужно сделать, и планы относительно мисс Брукс.

Удивительно, но последние пару дней между мной и Атласом было затишье. Я не знаю, почему я предположила, что будет по-другому. Да, этот парень придает совершенно новое значение слову "собственнический", но это не отменяет того факта, что ему нужно управлять империей.

Приехал Пит, чтобы отвезти меня на работу, а затем снова отвезти домой, за что я была благодарна, но каждый раз, когда приезжала машина, а Атласа не было на заднем сиденье, я не могла не чувствовать разочарования. Часть меня задается вопросом, не создала ли я в своей голове нечто большее, чем есть на самом деле. Но опять же, Атлас мог заполучить любую женщину, какую захочет, так зачем тратить время, заставляя Пита возить меня повсюду или убеждаясь, что Кензо достал мне дверь, для открытия без ключа которой потребуется диплом инженера?

Грустная и жалкая часть меня готова признать, если бы я была нужна ему только для секса, он, вероятно, мог бы уже получить это от меня. Я теряю рассудок и трусики рядом с этим мужчиной с пугающей частотой.

Я направляюсь в комнату для персонала, чтобы отдохнуть, счастливая, что на сегодня с этим местом покончено. Генри был исключительно раздражительным, и никто не был застрахован от него. К счастью, у меня была утренняя смена, так что я могу сбежать, пока не сошла с ума.

Я сочувственно машу Люси на прощание, прежде чем направиться к служебному входу. Я нахожусь так близко, что могу видеть дверь, но если бы я надеялась незаметно улизнуть, я была бы сильно разочарована. Сам антихрист выходит в коридор передо мной, останавливая.

Бьюсь об заклад, он спланировал это. Он такой подлый.

— Айви, мне нужно с тобой поговорить, — он указывает мне следовать за ним в его кабинет. Как бы сильно я ни хотела послать его нахуй, я не могу. Мне нужна эта работа.

К счастью, Пит отвезет меня домой и в "Дрифт" как раз к моей смене. Если бы я снова полагалась на автобус сегодня вечером, я бы облажалась. Не то чтобы Генри не было на это наплевать.

Я сижу на неудобном деревянном стуле напротив его огромного письменного стола и роскошного красного кожаного кресла, которые заставляют меня чувствовать, что он стоил пытаться компенсировать. Меня так и подмывает заглянуть под стол и посмотреть, достают ли его ноги до пола, но я не хочу делать ничего, что может испортить ему настроение.

— Мне нужно изменить твоё расписание. То, что у тебя есть льготные часы, несправедливо по отношению к другим, и были жалобы.

Он долбаный лжец. Я дружу со всеми здесь, кроме него.

— Сэр, мой график составлен таким образом, потому что у меня есть вторая работа, — напоминаю я ему. Он это знает. Я совершенно ясно дала это понять в прошлый раз, когда он пытался заставить меня работать сверхурочно.

— Похоже, это твоя проблема, Айви. Честно говоря, ты не командный игрок, каким я надеялся тебя видеть. Это я даю тебе второй шанс попробовать и проявить себя.

— При всем моем уважении, сэр, я усердно работаю, я приветлива, я не беру отгулов...

Он прерывает меня, отмахиваясь от моих слов, как будто они ничего не значат.

— Ты не приходишь рано, ты не остаешься допоздна. Это оставляет другим возможность воспользоваться твоей слабостью.

— Моя слабость? Сэр, никакой слабости нет. Я отработываю часы, для которых меня наняли. Я не прихожу рано или не задерживаюсь допоздна. Но это не потому, что я не хочу помогать. Я бы просто превратилась в зомби.

— Это звучит как оправдание, Айви, — он вздыхает, как будто разочарован во мне. — Послушай, я не такой уж неразумный человек. Если ты согласишься взять на себя среду и полдня в воскресенье, это пока отвлечет остальных от тебя.

— Тогда мне придется работать полный рабочий день, а сейчас у меня неполный рабочий день. Это означало бы, что я буду работать семь дней в неделю! — говорю я ему недоверчиво.

— Многие люди ждут возможности поработать здесь.

О, я называю это чушью. Мы могли бы привлечь к работе много людей, но у нас огромная текучка, потому что с Генри ужасно работать.

— Я должна идти. Могу я обдумать все это?

Я могла бы посмотреть, смогу ли я работать меньше часов в «Дрифт», но там я зарабатываю чаевыми гораздо больше, чем здесь.

— Я сказал свое слово, — этот его высокомерный ответ, прежде чем кивнуть на дверь, что я воспринимаю как разрешение уйти.

Я сохраняю спокойствие и никому не показываю, насколько я взволнована, пока не забираюсь на заднее сиденье машины и не изрыгаю столько ругательств, что это шокировало бы моряка.

— Все в порядке? — спрашивает Пит, глядя на меня в зеркало заднего вида.

— Мой босс — мудак, — я вздыхаю. — Прости, если заставила тебя ждать. Ему удалось перехватить меня на выходе.

— Не за что извиняться, мисс. Ты возвращаешься домой перед своей второй работой, да?

— Если это нормально? Мне нужно переодеться и захватить что-нибудь поесть.

— Конечно. Все, что тебе нужно.

— Спасибо, Пит. Я знаю, это, должно быть, странно, что я бегаю за вашим боссом, как... — я замолкаю, не зная, как себя назвать. — В любом случае, я действительно ценю это. Это была долгая неделя, которая стала бы в десять раз хуже, если бы мне пришлось полагаться на автобус. Я думаю, что прямо сейчас ты, возможно, мой любимый человек.

Он хихикает, выезжая на дорогу в пробке в час пик.

— Не позволяй мистеру Монро слышать, как ты это говоришь. Я думаю, он предпочел бы этот титул для себя.

Я заставляю себя улыбнуться и откидываюсь на спинку сиденья, закрывая глаза, пока пытаюсь придумать наилучший план действий в отношении Генри. Может быть, я могла бы

посмотреть, есть ли вообще какие-нибудь дополнительные смены в «Дрифт» и вообще отказаться от «Флекс». В последний раз, когда я спрашивала, у них ничего не было, но это было несколько месяцев назад, а популярность заведения только росла.

Я, должно быть, задремала, потому что Пит, тихо произносящий мое имя, выводит меня из задумчивости. Я прикрываю рот, чтобы скрыть зевок.

— Господи, прости меня. Пожалуйста, скажи мне, что я не заснула посреди разговора.

— И часто такое случается? — спрашивает он со смехом, прежде чем вылезти из машины и обежать вокруг, чтобы открыть мне дверь.

— Такое случалось раз или два, — признаю я с усмешкой.

— Тебе нужно больше отдыхать, — упрекает он.

— Знаю. Но я должна оплачивать счета, или мне придется жить под мостом, — я пожимаю плечами в ответ на его хмурый взгляд. Не все из нас ведут такой роскошный образ жизни, как Атлас.

— Я закончу через час. Ты уверен, что не против снова заехать за мной?

— Для меня это удовольствие, мисс.

Я протягиваю руку и сжимаю в знак благодарности, игнорируя его удивленный взгляд, прежде чем поднимаюсь в свою квартиру.

Я провожу добрых пятнадцать минут в душе, смывая день со своей кожи, прежде чем, наконец, снова чувствую себя человеком.

Вытираясь, я надеваю короткую черную плиссированную юбку и черные сапоги выше колена.

Я выбираю одну из белых облегающих футболок «Дрифт» с V-образным вырезом и логотипом, нанесенным поперек левой части груди, и провожу по волосам средством для завивки, прежде чем накрутить их и дать им высохнуть естественным путем, чтобы они выглядели сексуально и взъерошенными. Дымчатые глаза и губы с естественным блеском завершают образ, наряду с несколькими серебряными браслетами и маленькими серьгами-обручами.

Покончив с этим, я делаю себе сэндвич и ем банан, зная, что это не самое сытное блюдо, но это лучше, чем ничего.

Мой телефон звонит, когда я заканчиваю вытирать и убираю тарелку. Я беру его и улыбаюсь, когда вижу, что это от Атласа.

Ты работаешь в эти выходные?

Если Генри добьется своего, да, и каждые выходные после этого. Я колеблюсь, прежде чем ответить. Я хочу его увидеть, но сначала мне нужно кое-что выяснить с Генри.

Пока не уверена. Я дам тебе знать.

Это лучшее, что я могу дать ему прямо сейчас. Я отправляю сообщение Питу, давая ему знать, что я готова. Он отвечает почти сразу, написав, что он внизу.

Я хватаю свой телефон и ключи, запираю дверь, и торопливо спускаясь по ступенькам, проклиная себя за то, что не захватила куртку. Я не осознавала, насколько упала температура.

Ну что ж, я уверена, что у меня в шкафчике есть кардиган, который я смогу надеть, когда буду уходить сегодня вечером. Он мне не понадобится за барной стойкой — по крайней мере, когда ночь будет в самом разгаре.

— Ты выглядишь лучше, — замечает Пит, придерживая для меня дверь.

— На меня так действует разлука с моим боссом, Генри.

Он смеется над этим и закрывает дверь, пока я пристегиваюсь.

Дорога до работы занимает около двадцати минут. Улицы сегодня вечером почему-то кажутся тише. Не то чтобы я жалуясь. Это лучше, чем сидеть в пробке.

— Увидимся позже, Пит, — я улыбаюсь, избегая смотреть на то место, где Макдуш схватил меня.

Я отправляюсь на поиски Кевина, чтобы узнать, где я буду работать.

— О, привет, Айви. Сегодня вечером ты снова в VIP-зале с Джанет и Киран. Состоится частная вечеринка, так что она может стать немного шумной.

— Ладно, не волнуйся, — я улыбаюсь, но не могу сказать, что это меня особенно радует, не после того, что случилось, когда я была там в прошлый раз. К счастью, у меня были Джесс и Марвин, которые служили буфером между мной и безмозглыми придурками, которые, похоже, думают, что бармен приносит им выпивку бесплатно.

Киран и Джанет — совершенно разные люди. Джанет — это, ну, Джанет. Она выставляла свои сиськи и флиртовала всю ночь напролет, оставляя меня выполнять основную часть работы, и Киран ни хрена не сделает по этому поводу, потому что он наполовину влюблен в нее. Я бы хотела, чтобы он понял, что у него нет шансов, и нужно двигаться дальше. Не то чтобы он не был хорошим парнем или плохо выглядел, но его кошелек недостаточно толст для Джанет, которая рассматривает "Дрифт" как свои личные охотничьи угодья для следующей добровольной жертвы. Она не слишком разборчива. Они просто должны быть при деньгах и обращаться с ней как с королевой.

Сегодня вечером в VIP-зоне она будет похожа на ребенка в кондитерской.

Мой телефон жужжит, когда я поднимаюсь наверх с очередным сообщением от Атласа.

Атлас: После работы перед работой, мне все равно. Мне так сильно нужно тебя трахнуть. Мне все равно, даже если нам придется делать это в твой чертов перерыв. Тот, кто сказал, что отсроченное удовлетворение делает все лучше, забыл упомянуть синие шары.

Я фыркаю, прежде чем напечатать ответ.

Айви: Вау, как я могу отказать тебе после такого уровня романтической крутизны?

Звонит мобильный. Поскольку я пришла рано, я ныряю в туалет и отвечаю на звонок.

— Ты же знаешь, что я собираюсь работать.

— Мне все равно. Мне нужно услышать твой голос.

— Ты знаешь, что мог позвонить мне в любое время на этой неделе, — замечаю я. Если не считать странного сообщения, была тишина.

— Звонок тебе отвлек бы меня. Когда я слышу твой голос, все, о чем я могу думать, — это тихие хриплые стоны, которые ты издаешь прямо перед тем, как кончить.

— Господи, ты не можешь говорить мне это прямо сейчас, Атлас. Я собираюсь работать, и я бы предпочла не делать этого в мокрых трусиках.

— Я ничего не могу поделать с тем, что ты делаешь со мной. Во сколько ты заканчиваешь сегодня вечером?

— В два часа ночи, но завтра меня не будет во «Флекс» до одиннадцати, так что все не так уж плохо.

— Останься со мной этой ночью. Я попрошу Пита отвезти тебя ко мне, а утром перед работой отвезу домой.

— Не знаю, — я закусываю губу. Я хочу. Черт возьми, я действительно хочу, но еще слишком рано, не так ли? Секс по телефону — это одно, но готова ли я к большому?

— Я могу быть идеальным джентльменом, — обещает он, зная, куда ушли мои мысли.

— Лжец. Кроме того, может быть, я не хочу, чтобы ты был им.

— Я буду тем, чем ты захочешь, пока это означает просыпаться рядом с тобой.

— Блин, тебе чертовски сложно сказать "нет". Хорошо, я попрошу Пита отвезти меня к тебе после работы. Ты все еще будешь на ногах?

— Это были напряженные несколько дней, так что я, вероятно, не смогу приехать намного раньше тебя.

— Ладно, круто.

Я слышу, как Джанет зовет меня, заставляя меня вздохнуть.

— Мне нужно идти. Злая сука с Востока зовет меня. Увидимся позже, — я отключаюсь и засовываю мобильник в бюстгальтер, прежде чем отправиться на VIP-этаж.

— Вот ты где! Я повсюду тебя искала. Если ты хочешь работать в VIP, тебе нужно это доказать. Ты не можешь расслабляться. Это выставляет нас всех в плохом свете. — Джанет фыркает, когда я захожу за стойку и повязываю маленький черный фартук вокруг талии.

— На самом деле я начинаю только через пять минут, и я была в туалете.

Она фыркает, прежде чем развернуться, ее волосы взметаются так же драматично, как и их владелицы.

— Прости, Киран. Теперь я здесь. Где ты хочешь, чтобы я была?

— Мы с Джанет обслуживаем праздничный столик в задней части зала. Ты сможешь поработать за баром? Ты можешь вызвать дополнительного бармена, если станет слишком людно, но этого не должно быть.

Наконец-то хорошие новости. Киран может занять Джанет и держать ее подальше от меня.

— Нет, на самом деле это звучит идеально. Спасибо.

— Отлично, давай сделаем это, — бормочет он, прежде чем хлопнуть рукой по барной стойке и уйти.

— Вселенная снова издевается надо мной, — бормочу я себе под нос, убирая последний из пустых стаканов в подсобку.

Карма, должно быть, прямо сейчас получает от меня кайф. Я подумывала о том, чтобы бросить «Флекс» и надеяться провести здесь больше часов, только чтобы получить пощечину сменой из ада.

Пока Джанет флиртовала всю ночь, как будто это был олимпийский вид спорта и она собиралась завоевать золото, я бегала вокруг, следя за тем, чтобы все получили свои заказы.

Когда они их не получили, скорее всего, потому, что Джанет не подошла, чтобы отдать мне этот чертов заказ, я испытала на себя всю тяжесть их гнева.

Киран был слишком занят тем, что хандрил из-за того, что Джанет не замечает его присутствия, чтобы поддержать меня или вмешаться, когда следовало. Честно говоря, мне было бы лучше поработать в VIP-секции одной сегодня вечером.

Поставив стаканы, я направляюсь в кладовку, чтобы захватить ящик пива, которое нужно пополнить перед тем, как я отправлюсь домой.

Я оставляю дверь широко открытой и направляюсь к задней стене, где сложено пиво, благодарная, что это мое последнее задание перед тем, как я освобожусь. Когда дверь за мной захлопывается, оставляя меня в крошечной тьме, я думаю, что это несчастный случай — карма в очередной раз сработала, забыв принести смазку. Но затем я слышу звук ключа, запирающего меня изнутри.

— Эй! Подожди! — я кричу, спотыкаясь, когда натыкаюсь о что-то на полу. Проклиная синяк, который появится у меня на голени позже, я роюсь в лифчике в поисках телефона и включаю фонарик, чтобы не сломать шею по пути к двери.

Я стучу в дверь и кричу, пока у меня не заболит кулак, а голос не задрожит. К тому времени становится совершенно очевидно, что никто не придет.

Скользя по двери, пока моя задница не касается пола, я проверяю батарею в своем телефоне и с облегчением сглатываю, когда в нем все еще остается 10 процентов заряда. Я всегда забываю зарядить его в перерыве между «Флекс» и началом работы здесь, что означает, что к концу вечера у него редко остается заряд.

Я набираю номер Марвина, вспоминая, что сегодня у Джесс выходной, но он не берет трубку. Вешая трубку, я пытаюсь решить, кому звонить следующим, когда телефон в моей руке звонит.

— Атлас? — мой голос тих, звучит как поражение. Обычно это вывело бы меня из себя, но я слишком устала, чтобы беспокоиться прямо сейчас.

— Где ты, черт возьми, находишься?

Я хмурюсь и смотрю на время на экране. Господи, я здесь уже больше получаса.

— Кто-то запер меня в кладовке, — смущенно признаюсь я. Чувствую себя старшеклассницей, которую хулиганы запихнули в ее шкафчик.

— Что? — он рычит достаточно громко, чтобы я убрала телефон от уха.

Когда все стихает, я снова прикладываю телефон, только чтобы понять, что он повесил трубку.

— Серьезно? — удивленно спрашиваю я у темной комнаты, ударяясь головой о стену.

Затем я звоню Питу, чтобы мужчина не паниковал, вспоминая, что в последний раз я опоздала из-за того, что меня ударили по голове. Я начинаю думать, что это место может быть проклято. Или, может быть, это я.

Стук в дверь удивляет меня, заставляя вскочить на ноги.

— Айви!

— Атлас? Какого черта ты здесь делаешь?

— Отойди! — кричит он. Вспоминая, что он сделал с дверью моей квартиры, я спешу, чтобы оказаться на безопасном расстоянии.

От меня не ускользнула ирония в том, что ему требуется больше времени, чтобы взломать дверь кладовки, чем мою. Все это не имеет значения, когда дверь, наконец, с треском распаивается, и я вижу Атласа, стоящего там с тяжело вздымающейся грудью и лицом, твердым как гранит.

Он подходит ко мне, его большие руки обхватывают мое лицо.

— Ты в порядке? — его глаза скользят по мне, ожидая моего ответа.

Я киваю и облегченно выдыхаю: — Теперь да.

— Давай вытащим тебя отсюда, а потом ты сможешь рассказать мне, что, черт возьми, произошло.

— Мне просто нужно закрыть кассу, и тогда я вся твоя.

— Ты всегда будешь моей. Чем я могу помочь?

Я прижимаюсь лбом к его груди и вдыхаю его, позволяя его запаху окутать меня.

— Ты уже делаешь это. Ты довольно хорош во всей этой истории с белым рыцарем, Атлас.

Его тело напрягается. Я поднимаю голову и вижу, как дергается мускул на его щеке.

— Я не герой, Айви. Если ты начнешь так думать, то в конечном итоге только разочаруешься.

— Ты можешь быть кем угодно, но ты всегда будешь моим героем, даже если единственный человек, от которого ты меня спасаешь, — это я сама.

После этих слов, его глаза вспыхивают, но он держится напряжено, как будто понятия не имеет, как воспринимать мои слова. Он становится таким каждый раз, когда я говорю что-то хорошее о его характере. Это отчасти заставляет меня задуматься о том, с какими женщинами он встречался до меня.

Атлас хватает пиво, за которым я пришла, и относит ящик обратно в бар, который сейчас пуст. Все лампы выключены, кроме фиолетовой подсветки за стойкой, которая подсвечивает зеркало.

— Не могу поверить, что они ушли. Они, должно быть, решили, что я сбежала, но если бы они хоть немного меня знали, то поняли, что я никогда бы не сделала ничего подобного. — я качаю головой, быстро наполняю холодильник под стойкой пивом и обналичиваю деньги, забирая только свои чаевые за вечер, которые довольно скудны,

учитывая, что я была в VIP-зоне.

— Тебе еще что-нибудь нужно?

— Только мои вещи из шкафчика.

— Я их принесу, пока ты заканчиваешь здесь. Кензо, присмотри за ней.

Моя голова вскидывается при этих словах, когда Кензо выходит из тени.

— Святое дерьмо. Как долго ты там находишься?

Он ухмыляется моему явному шоку: — Я только что приехал. Пит позвонил мне на случай, если тебе понадобится помощь. Сказал, что босс выбежал из машины, не сказав ему, в чем дело.

— Питу нужно заниматься своими чертовыми делами, — ворчит беззлобно Атлас.

Кензо открывает рот, без сомнения, чтобы разозлить его. Я вмешиваюсь и разряжаю ситуацию, чтобы как-нибудь вечером выбраться отсюда.

— Буду рада, если ты захватишь мои вещи, Атлас. Спасибо. Вот ключ. Шкафчик рядом с зеркалом. Если кто-нибудь спросит, скажи им, что я послала тебя. Им это может не понравиться, но они тебя не остановят. Подожди, ты знаешь, где комната для персонала?

— Я найду, и никто меня не остановит, потому что все ушли. Я вошел, потому что двое сотрудников, запиравших дверь, спорили, поэтому я прокрался следом за ними.

— Господи. Большой босс будет взбешен, если узнает об этом.

— Ты собираешься сказать ему? — Спрашивает Атлас, забирая ключ.

— Я должна, но поскольку это единственная причина, по которой ты смог проникнуть внутрь и спасти мою задницу, вероятно, нет. Подожди, как, черт возьми, ты сюда попал? — Я поворачиваюсь обратно к Кензо, который с отвращением фыркает.

— Нет такого здания, в которое я не мог бы попасть.

— Конечно, — я не акцентирую внимания на этом комментарии.

Я заканчиваю, пока Атлас достает мои вещи из шкафчика. Мы все направляемся к машине, где нас ждет Пит. Кензо прощается, прежде чем направиться к своей машине, припаркованной рядом с машиной Пита.

Я слишком устала, чтобы переосмысливать все, что произошло сегодня вечером. Вместо этого я прислоняюсь к руке Атласа, как только мы оба устраиваемся, и позволяю вибрации машины убаюкивать меня.

Я просыпаюсь, когда он несет меня в свой дом, поднимаясь по лестнице в свою спальню.

Мой желудок сжимается от предвкушения и нервозности, прежде чем я понимаю, что это не возбуждение, а спазмы.

Господи, я не могу передохнуть.

— Мне нужно в ванную, и мне... нужна моя сумка.

Он останавливается возле кровати и смотрит на меня сверху вниз в замешательстве в течение минуты, прежде чем его лицо проясняется. Он исчезает на минуту, прежде чем вернуться с моей сумкой в руке.

— Иди. Я проверю, все ли заперто, и вернусь. Тебе что-нибудь нужно?

— Немного воды было бы неплохо, — мягко говорю я ему, чувствуя себя немного неловко. Я не стесняюсь своих месячных. Не то чтобы у меня был какой-то контроль над этим, но никто из нас не думал, что ночь закончится именно так.

Я жду, пока он уйдет, прежде чем спешу в ванную, подтверждая то, что я уже подозревала. К счастью, я одна из счастливец, у которых кровотечение длится всего пару

дней и обычно относительно легкое.

Роясь в своей сумке, я нахожу маленький аварийный набор, который я повсюду ношу с собой, содержащий чистое нижнее белье, тампоны и обезболивающие. Ничто так не напоминает вам о необходимости быть готовым, как начало месячных в старших классах в белых джинсах.

Раздевшись, я быстро принимаю душ, позволяя горячей воде успокоить мои ноющие мышцы и смыть все запахи бара, которые прилипли к моей коже.

Вылезая, я вытираюсь и надеваю чистые трусики, прежде чем понимаю, что не попросила у Атласа футболку или что-нибудь еще для сна.

— Черт. — Поворачиваясь, чтобы поднять с пола свою грязную одежду, я обнаруживаю, что она пропала, отчего краснею от смущения.

Обернув вокруг себя полотенце, я тихонько возвращаюсь в спальню и вижу Атласа, сидящего на кровати в одних черных боксерах.

На минуту все мысли вылетают у меня из головы, лишая дара речи, пока мой взгляд блуждает по его золотистой коже. Он откидывается назад, отчего вены на его мускулистых руках вздуваются, а пресс сокращается настолько, что я представляю, как провожу языком по бугоркам каждого из них.

— Ты закончила? — его темный, соблазнительный голос пронизан весельем.

— Нет, мне нужна еще минута, — честно отвечаю я, мой голос звучит с придыханием даже для меня.

Я не думала, что люди выглядят так без фотошопа. Учитывая, насколько я сейчас возбуждена, я отказываюсь опускать взгляд ниже. Я не хочу рисковать, стоя в луже, которую сама же и сотворила.

— Ладно, я в порядке, — я закрываю глаза и делаю несколько глубоких вдохов, игнорируя его смешок, пока не слышу звук его приближения.

Я резко открываю глаза, когда он тянет за полотенце, напоминая мне о том, что я хотела сказать.

— Моя одежда... — я замолкаю, крепче сжимая полотенце, когда он проводит пальцем по моей ключице.

— В стиральной машине, чтобы к утру она была готова.

Я опускаю голову, чувствуя, как горят мои щеки, но он приподнимает мое лицо пальцем за подбородок, не позволяя мне спрятаться.

— Это всего лишь немного крови. Стыдиться нечего. Так получилось, что я довольно хорош в выведении пятен крови.

Я открываю рот, чтобы спросить его, что это означает, когда он накрывает мой рот своим, еще раз лишая меня способности говорить.

Растворяясь в нем, я, не осознавая этого, ослабляю хватку на полотенце, пока Атлас не отдергивает полотенце, заставляя меня ахнуть.

— Мне не нравится, когда что-то между нами, Айви, — его рука опускается к резинке моих трусиков и проскальзывает внутрь. — Я оставлю это на сегодня, видя, что тебе неудобно, но это единственная уступка, на которую я пойду.

Я ошетиливаюсь от его слов, но затем его губы возвращаются к моим, и меня поднимают с ног и укладывают на кровать.

Схватив его за руки, я автоматически раздвигаю ноги, чтобы освободить для него место, затем сглатываю, когда чувствую, какой он твердый, когда прижимается ко мне.

— Атлас, — выдыхаю я, отрывая свои губы от его, когда мой желудок снова сводит спазмами.

Он вздыхает и переворачивает нас, так что он оказывается на спине, а я растягиваюсь на нем.

— Обхвати меня покрепче, сладкая, пока я не решил взять тебя. Тебе нужно обезболивающее?

— Пока я в порядке, — шепчу я.

— Тогда спи. Я рядом.

Я не уверена, как я могу спать на нем вот так. Его обнаженная кожа на моей заставляет меня гудеть и пульсировать так, что это совсем не способствует сну, не говоря уже о том, что в меня вонзается его стальная труба. Удивительно, но я расслабляюсь и обнаруживаю, что засыпаю.

— Перестань пялиться на меня, — я указываю вилкой на Атласа после того, как проглатываю блинчики, от которых у меня полон рот. Рот, от которого он не сводит глаз с тех пор, как мы сели завтракать в семейное кафе, куда я его затащила.

— Прекрати издавать эти тихие стоны, и я перестану представлять, как твои губы обхватывают мой член.

Я задыхаюсь, мне приходится сделать большой глоток сока, прежде чем я снова могу говорить.

— Ты не можешь говорить такие вещи, — кричу я шепотом, оглядываясь вокруг. Но в кафе на удивление тихо.

— Мне абсолютно наплевать на всех остальных здесь, Айви. Все, что меня волнует, — это ты. Так вот, сегодня вечером я работаю. Когда я смогу увидеть тебя снова?

Я закатываю глаза, игнорируя бабочек в моем животе, которые взлетают от настойчивости в его тоне. Меня все еще сбивает с толку то, что я ему так нравлюсь, как кажется.

— Я работаю завтра, но в субботу вечером у меня выходной. В субботу утром у меня ранняя смена, так что я закончу к обеду.

— Тогда я буду приносить тебе еду, потому что смотреть, как ты ешь, — мое новое любимое занятие.

— Свидание? — Атлас повторяется, уставившись на меня.

Как он и обещал, отправляясь завтракать, Атлас появился у меня дома после того, как я закончила работу, с огромными сочными сэндвичами и клубникой в шоколаде на обед.

— Да, свидание.

— С чего бы мне приглашать тебя на свидание?

Ой. Я вздрагиваю, чувствую себя так, словно меня только что ударили в живот.

Я делаю шаг назад, но он останавливает меня, обхватывая ладонью мою руку.

— Ты неправильно поняла меня, Айви. Я имею в виду, какого хрена мне хотеть пригласить тебя куда-нибудь, чтобы каждый второй мужчина в здании мог провести вечер трахая тебя глазами, прежде чем пойти домой и трахаться с подружкой, представляя тебя в своей голове? Почему бы просто не оставить тебя при себе?

Я фыркаю. Этот человек слегка безумен.

— Я думаю, ты, возможно, теряешь рассудок, Атлас. Если мужчина на свидании, он вообще меня не заметит. Вместо этого его внимание будет сосредоточено на женщине перед ним, которая потратила час на то, чтобы привести себя в порядок, в надежде произвести хорошее впечатление.

Он ворчит: — Ты не знаешь мужчин.

— Скорее, ты не знаешь ни одного *хорошего* мужчины. Я серьезно, Атлас. Я не знаю, что у тебя за компания, но я могу сказать тебе вот что. Настоящий мужчина, мужчина, который стоит себя, будет относиться к женщине с уважением. Это означает тысячью различных способов показать ей, что она для него единственная женщина. Если его взгляд блуждает, это не просто разрушает ее веру в него. Это разрушает ее веру в себя. Она начинает сомневаться в том, зачем потратила час на сборы. Я надела не то платье? Я выгляжу недостаточно стильно? Я выгляжу слишком шикарно, что, по его мнению, я не буду выставлять себя напоказ? Должна ли я выставлять себя напоказ? Я считаю, если мы идем на свидание, а мужчины смотрят, мы просто доказываем каждой присутствующей там женщине, что они достойны лучшего. И к твоему сведению, если мы на свидании и ты всю ночь будешь трахать глазами кого-то другого, единственная задница, которую ты получишь, — это вид моей, уходящей прочь.

— Значит, то, что мы идем на свидание, это означает, что мы оказываем всем этим женщинам огромную услугу? — он усмехается, и, Боже, эта усмешка что-то делает со мной.

— Безусловно.

Он хихикает, обхватывает меня за затылок и притягивает к себе, чтобы поцеловать в лоб.

Я восхищаюсь его красотой. Атлас может быть суровым и сердитым, сварливым и сдержанным. Он может быть сексуальным и грозным, но я редко вижу его мягким и милым. Словно эта концепция ему чужда.

— Хорошо, милая Айви. Приведи себя в порядок, и я приглашу тебя на свидание сегодня вечером, но...

Я поднимаю на него взгляд. Вся нежность исчезла с его лица.

— Если кто-нибудь прикоснется к тебе, я отрежу ему пальцы и засуну их ему в глотку.

Да, Атлас не романтик.

— Договорились. Теперь ты иди и делай то, что делают богатые люди, а я потрачу следующие несколько часов, раздумывая, что надеть сегодня вечером.

Он качает головой, но все равно делает шаг назад.

— Хорошо. Держи свой телефон при себе, и я позвоню, чтобы сообщить детали. Я пришлю за тобой Пита.

— Спасибо. — Я делаю шаг вперед, обхватываю рукой его галстук и тяну. Поняв намек, он наклоняется и целует меня. Это горячо и тяжело, и у меня остаются секунды до того, чтобы умолять его просто наклониться ко мне и уже взять меня. Но, увы, он отстраняется, прежде чем я теряю остатки морали.

— Будь хорошей девочкой.

— Есть, капитан.

— Айви, — предупреждает он, когда я отдаю ему честь.

— Прекрасно. Никаких оргий с наркотиками, пока тебя нет. С тобой совсем не весело.

Он хватает меня за волосы, его голос низкий и наполненный похотью.

— Ты хочешь повеселиться, детка? Я могу показать тебе веселье.

Еще один крепкий поцелуй, а затем он уходит, приказав мне запереть за ним дверь и напомнив, что мне действительно не следует дразнить медведя.

Я ставлю музыку на паузу и жду, гадая, не показалось ли мне, когда снова раздается стук в дверь.

— Черт, что теперь? — бормочу я. Направляясь к двери, я смотрю в глазок и молюсь, чтобы не найти фиолетовые цветы.

За дверью стоит незнакомый мне мужчина с большой серебряной коробкой, перевязанной черным блестящим бантом, в руках.

— Чем я могу вам помочь? — спрашиваю я через дверь.

— Доставка для Айви Брукс, — кричит он в ответ, но его ответ точно не приносит мне утешения.

— Вы можете просто оставить это у меня на пороге, спасибо.

— Извините, мисс, но мне было поручено передать это вам лично.

— Я... — Звонок моего телефона прерывает мой отказ. Достав его из заднего кармана, я вижу, что это Атлас.

— Эй, итак, у моей двери мужчина с большой серебряной коробкой, и он не уйдет, пока я не открою ему свою дверь, но я не думаю, что это разумно из-за моего возможного преследователя и...

Атлас прерывает мой бред: — Это от меня, Айви. Ты можешь открыть дверь. Я даже останусь с тобой на связи.

Я чувствую, что немедленно расслабляюсь.

Отпирая дверь, я открываю ее с улыбкой и беру коробку, прежде чем немного смущенно поблагодарить курьера.

Мне каким-то образом удается удержать коробку, не уронив телефон, и одним махом запереть дверь, прежде чем направиться к кухонному столу.

— Айви, ты все еще там?

— Я здесь, — отвечаю я, уставившись на коробку, которая выглядит слишком красивой, чтобы ее открывать.

— Скажи мне, что не так.

Я вздыхаю. Как этот мужчина может быть таким чертовски наблюдательным, когда он даже не находится с тобой в одной гребаной комнате.

— Ненавижу то, как я волновалась из-за того, что открывала дверь, — я признаю. — Это не самый лучший жилой дом и не самый лучший район, но я всегда чувствовала себя в безопасности, пока не прибыли эти чертовы цветы. Мне не нравится чувствовать себя неуютно в собственном доме.

— Это нормально — быть осторожной, Айви. Даже умно.

Я вздыхаю, зная, что он прав.

— Что еще? — спрашивает он.

— Что еще, что?

— Что еще не так?

— Ничего. Я в порядке.

— Не лги мне, Айви. Я слышу это в твоем голосе. Теперь скажи мне, что не так.

Проклятье.

— Я... я просто не уверена, как я отношусь к тому, что ты тратишь на меня деньги. Мы не так давно знаем друг друга, и я не хочу, чтобы ты думал, что ты мне нравишься, потому что у тебя есть банковский счет, потому что это совсем не так.

— Ты просила меня купить тебе что-нибудь?

— Нет.

— Ты просила у меня денег?

— Что? Нет, конечно, нет.

— Ты пойдешь со мной на свидание, только если я осыплю тебя дорогими подарками?

— Не будь смешным. Я с тобой только из-за твоего обжигающе горячего тела и твоего солнечного характера, — огрызаюсь я, заставляя его усмехнуться.

— Вот именно поэтому, милая, я знаю, что тебя не волнуют деньги. Ты должна знать, что я мог бы дать тебе все, о чем ты когда-либо мечтала, и это все равно не повлияло бы на то, что у меня есть в банке. Тот факт, что тебе на все это насрать, это просто глазурь на торте. Возьми подарок и скажи: «Спасибо, Атлас», чтобы я мог вернуться к работе, — приказывает он своим, до глупости, сексуальным голосом.

— О, ладно, — недовольно ворчу я. — Спасибо за подарок, Атлас. Это невероятно мило с твоей стороны. Просто знай, что тебе не обязательно покупать мне подарки, чтобы понравиться мне. Ты мне и так чертовски сильно нравишься.

— Я знаю, Айви. И ты мне тоже чертовски сильно нравишься. Увидимся позже.

Он вешает трубку, прежде чем я вспоминаю спросить, зачем он вообще звонил.

Я бросаю телефон на стойку и фыркаю, но не пытаюсь сдержать улыбку, когда дергаю за серебристую ленту и поднимаю крышку.

— Боже мой, — я поднимаю ткань дрожащими руками и смотрю, как великолепное изумрудно-зеленое платье свисает с моих пальцев. Оно изысканное, и я знаю, даже без ценника, что оно, вероятно, стоит столько же, сколько покупка маленького континента. Возможно, это просто самое красивое платье, которое я когда-либо видела.

Я перекладываю его через прилавок и беру следующий предмет в коробке — серебристые босоножки на высоком каблуке с ремешками. Я просто знаю, что они идеально подойдут к платью. Последнее, что я вижу, — это потрясающее белое кружевное бюстье и стринги, завернутые в серебристую папиросную бумагу внизу. К ним прилагается записка.

Не такое красивое, как ты, но это лучшее, что я мог сделать за короткий срок.

A

Если это все сон, я чертовски надеюсь, что никогда не проснусь.

Я отправляю Атласу сообщение, в котором говорю, что мне нравится подарок. Он просто отвечает:

Атлас: *Будь готова в семь.*

Борясь с желанием провести следующие три часа, прихорашиваясь, я продолжаю заниматься стиркой и уборкой, прежде чем, наконец, сдаюсь.

Я хочу, чтобы Атлас гордился тем, что сегодня вечером я иду под руку с ним, и если немного дополнительного времени, посвященного на себя, придаст мне уверенности, то так тому и быть.

Приведения себя в порядок включает в себя принятие душа, бритье повсюду и нанесение лосьона с медовым ароматом. Я распускаю волосы и добавляю больше крупных локонов перед нанесением макияжа, который я оставляю легким, желая, чтобы все внимание было сосредоточено на моем платье.

Закончив, я сбрасываю полотенце и гольшом возвращаюсь в спальню, нанося немного духов на запястья и за ушами, прежде чем надеть кружевное нижнее белье, которое купил мне Атлас.

Подойдя к зеркалу, я ахаю, когда рассматриваю себя. Я выгляжу... сексуально, старше, но не в том смысле, что я слишком стараюсь. Но, что самое лучшее? Я не просто так выгляжу, я так себя чувствую. И нет ничего сексуальнее для человека, чем уверенность.

Затем я предпочитаю надеть туфли, исключительно потому, что не доверяю себе, чтобы не упаду на задницу и не проткну каблуком подол платья. Я не хочу рисковать платьем, которое стоит больше моей годовой аренды.

Наконец-то надев туфли и лишь слегка покачиваясь, когда я встаю, я натягиваю платье через голову, как раз когда раздается стук в дверь.

Нахмурившись, я разглаживаю платье и направляюсь к глазку, в котором за последний месяц произошло больше событий, чем когда-либо, и удивленно выдыхаю, когда вижу Кензо, стоящего по другую сторону двери.

Распахнув ее, он приветствует меня улыбкой, которая превращается в шокированный взгляд с открытым ртом, когда он видит меня.

— Вау, Айви. Ты прекрасно выглядишь. Атлас — счастливчик.

Я краснею и приглашаю его, прежде чем закрыть дверь.

— С ним все в порядке?

— С Атласом? О, с ним все в порядке. Он немного опаздывает, поэтому встретится с

тобой уже там. Он послал меня, потому что, цитирую: "Я видел, как эта женщина споткнулась о воздух. Я не собираюсь рисковать тем, что она в платье и на каблуках спустится по лестнице одна». — он имитирует голос Атласа, но я в ступоре.

— Айви? Ты в порядке?

— Никто никогда раньше не делал для меня ничего столь милого.

Он качает головой и посмеивается: — Ты единственная в своем роде, — признается он, когда я торопливо хватаю свой телефон, ключи и деньги, прежде чем запихнуть их в маленький черный клатч.

— Я предпочитаю термин "*ограниченное издание*", но какая разница, — я подмигиваю, направляясь к двери. Он следует за мной и ждет, пока я закрою дверь, прежде чем предложить мне руку, помогая спуститься по лестнице и сесть в ожидающую машину.

— Привет, Пит. Как дела? — я улыбаюсь, когда Кензо закрывает дверь и забирается на пассажирское сиденье.

— У меня все хорошо, мисс Айви. Вы выглядите очень мило этим вечером.

— Черт, вы, ребята, тешите мое самолюбие. Спасибо, — я опускаю голову, пряча свою глупую ухмылку.

Я откидываюсь на спинку сиденья, пока Пит и Кензо тихо разговаривают между собой, и смотрю в окно, чувствуя себя счастливой. Я имею в виду, что до того как Атлас ворвался в мою жизнь, я никогда не осознавала, что просто существовала.

Выбиваться из системы и получать указания вежливо отвалить, чтобы они могли вытереть о вас руки, — это мучительный опыт. Это избавляет вас от одиночества, которое в тот или иной момент испытывает большинство приемных детей, в состоянии одиночества. Люди могут подумать, что это одно и то же, но внимание сосредоточено на деталях. Ты можешь быть одинок, но при этом знать, что если ты возьмешь трубку и позвонишь кому-нибудь, они прикроют твою спину. Ты можешь быть одинок и все равно навещать семью раз в месяц на шумные, агрессивные ужины, где все задевают за живое и спорят из-за несущественного дерьма. Быть одному — значит быть одиноким. Здесь нет телефонных звонков или семейных ужинов, нет людей, с которыми можно связаться или протянуть руку помощи, зная, что они прикроют твою спину. Рядом нет людей, которые помогут тебе подняться, если ты споткнешься и упадешь, что делает такую девушку, как я, очень осторожной. Риск для меня не равен вознаграждению. Выставлять себя напоказ стоит только если кто-то тебя поймает, так почему я нарушаю все свои собственные правила ради Атласа?

Проводя пальцами по материалу своего платья, я понимаю, что точно знаю, почему я рискую. Это из-за первой классной системы безопасности, установленной Атласом, и водителя, на котором он настаивает, чтобы он забирал меня на работу и доставлял домой в целостности и сохранности. Это потому, что он послал своего человека просто помочь мне подняться по лестнице. Это потому, что, несмотря ни на что, я доверяю ему. Я верю, что он не только поймает меня, но и не даст упасть с самого начала. Это либо делает меня по-настоящему смелой, либо невероятно глупой.

Я перематываю пленку назад и снова смотрю в камеру, как она ходит по своей дерьмовой спальне голая, как в день своего рождения.

Покачивая свой член вверх-вниз, я смотрю на ее полные упругие груди, просто умоляющие, чтобы их пососали, и на ее дерзкую попку, умоляющую, чтобы ее трахнули. Не сейчас, но скоро. У меня есть все время в мире.

Я смотрю, как она берет что-то белое и кружевное и надевает. Маленькие крючки спереди удерживают его и приподнимают эти и без того фантастические груди. Боже, я не могу дождаться, когда увижу, как они будут покрыты моей спермой.

Моя рука движется быстрее, когда я чувствую предательское покалывание у основания моего члена. Я хочу наслаждаться этим чувством вечно, но я знаю, что прямо сейчас эти моменты мимолетны.

Когда она наклоняется и надевает крошечные белые кружевные стринги, демонстрируя мне свою прелестную розовую киску, я больше не могу этого выносить. Мой разум представляет, как мой член скользит в ее горячее влажное тепло, когда я кончаю в нее и, наконец, делаю ее своей.

С рычанием я кончаю себе на руку и живот, расстроенный пустой тратой совершенно хорошего семени, которое я мог бы использовать, чтобы обрюхатить ее. Но все хорошее приходит к тем, кто ждет, и Айви Брукс есть на что надеяться.

Она просто еще не знает этого.

Мой телефон подает звуковой сигнал, сообщая мне, что они прибыли. Я смотрю вниз на здание и представляю, как Кензо выходит из машины, придерживая дверь для Айви. Грохот заставляет меня обернуться и увидеть, как официанты ставят на стол последнюю тарелку, а на маленький столик рядом с ней ведро со льдом и шампанским. Я отпускаю их, как только они заканчивают, и поворачиваюсь обратно, чтобы посмотреть на город.

Окружающие здания освещают ночь брызгами всех неоновых цветов, известных человеку, но они не имеют ничего общего с блеском звезд, наблюдающих за нами благодаря необычайно чистому небу.

Вместо того, чтобы двигаться навстречу Айви, я жду, когда Кензо приведет ее ко мне, зная, что пока разумно действовать таким образом. Чем меньше людей увидят нас вместе, тем лучше. Такой мужчина, как я, не может позволить себе слабости, а Айви — моя самая большая.

Я провел большую часть своей жизни, сосредоточившись на чем-то одном. Я занятой человек, который сколотил состояние, но им всегда двигала необходимостью завершить ту гребаную работу, из-за которой все пошло насмарку. Эта работа подобно призраку, который преследует меня. Это захватило всю мою жизнь. Чем скорее я смогу ее закончить, тем скорее моя жизнь вернется в нормальное русло, какой бы, блядь, нормальной она ни была.

Проблема в Айви. С тех пор как она вошла в мою жизнь, ее солнечный свет не позволяет мне оставаться в тени. Такому мужчине, как я, незачем стремиться к чему-то большему. Я чертовски уверен, что не заслуживаю счастья, и мне напоминают об этом каждый гребаный день. У меня больше денег, чем у Бога, друзей в высших и низших кругах, я приложил руку к стольким пирогам, что каждый день приносит что-то новое. И все же каждую ночь я ложусь спать таким же опустошенным внутри, каким был, проснувшись тем утром. Я — пустой сосуд с ненасытным аппетитом ко всему, только для того, чтобы обнаружить, что я никогда не насытился. Это мое проклятие, епитимья, которую я должен понести, пока работа не будет выполнена.

Пока не появилась Айви и не разнесла все вдребезги.

Дверь на террасу на крыше со скрипом открывается, и вот она, выглядящая как гребаный ангел. Ярываюсь между желанием наброситься на нее и перепрыгнуть через перила, чтобы спасти ее.

Ошеломляющая, как бабочка, не замечающая своей гибели, она идет ко мне, застенчиво улыбаясь, совершенно не подозревая о том, как просто мне будет оторвать ее красивые крылья, чтобы она не смогла улететь.

Господи, мысль о том, что ее больше нет, о том, что она не будет смотреть на меня так, как сейчас, заставляет мои кулаки сжиматься.

Я никогда ничего в своей жизни не хотел больше, чем эту женщину. Даже зная, что я погублю ее, зная, что разобью ее душу и буду смотреть, как угасает весь солнечный свет, я все равно не могу отпустить ее.

— Ты выглядишь сногсшибательно, Айви, — говорю я ей хриплым голосом, мой член тверд, но в этом нет ничего нового.

— Спасибо. Это выглядит потрясающе, — говорит она мне, оглядывая крышу и стол, уставленный едой, а также гирлянды, сплетенные вокруг перил. — Каким-то образом тебе удалось найти для меня маленький райский уголок. Атлас Монро, я действительно верю, что в твоих костях может быть магия. Это все, о чем я когда-либо могла мечтать.

В моей голове я слышу звон колокола. Похоронный звон, когда последний представитель моей человечности разрывает цепи, сковывающие его. Теперь слишком поздно спасти ее от меня, она моя.

— Присаживайся. Я сделал заказ за тебя. Я знаю, ты не привередлива, но если тебе что-то не нравится...

Она прижимает руки к моей груди и смотрит на меня невинными глазами.

— Это идеально.

Я веду ее к столу и выдвигаю ее стул, ожидая, пока она сядет, прежде чем я это сделаю.

— Угощайся. Не дай еде остыть.

Она впивается в свой стейк и картофельный "дофинуаз", пока я открываю пробку от шампанского.

— Выпьешь?

Она качает головой и сглатывает, прежде чем ответить.

— Мне всего восемнадцать, — напоминает она мне, выглядя немного застенчивой, как будто я расстроюсь из-за этого. Но это не слишком далеко от истины.

Ее невинность сияет для меня, как маяк в темноте. Ее маленькая фигурка и едва пятифутовый рост вызывают к первобытной части меня, и все это испорчено кем-то достаточно злым, чтобы сделать это, а именно мной.

— Когда ты закончишь есть, я хочу трахнуть твой рот и кончить тебе в горло. Я думаю, что если ты достаточно взрослая, чтобы проглотить мое семя, то ты достаточно взрослая и для бокала шампанского, не так ли?

Ее нож со звоном падает на тарелку, щеки покрываются румянцем, когда она потрясено смотрит на меня.

— Ты хочешь этого, милая Айви?

Она стонет.

— Да, ты этого хочешь. Поешь, выпей бокал шампанского и сделай вдох, Айви. — Я усмехаюсь, когда она резко вдыхает.

— Хорошая девочка.

— Ты пытаешься убить меня? Я чуть не подавилась своим стейком, — она качает головой.

— Единственное мясо, которым ты будешь давиться, мое. Теперь ешь. Тебе понадобится

энергия.

Ярываю связь, отводя взгляд, зная, что пока я этого не сделаю, она не сдвинется с места.

Наливая ей бокал, прежде чем налить себе, я продолжаю есть. Я смотрю, как Айви продолжает есть, теперь медленнее, что заставляет меня широко улыбнуться.

— У меня есть все время в мире, Айви. Если ты думаешь, что если ты будешь есть медленнее, это тебя спасет, то ты меня совсем не знаешь.

Она удивляет меня, фыркнув.

— Не всех нужно спасать, Атлас. Да, твои слова, возможно, шокировали меня, но только потому, что я не привыкла их слышать. Это не значит, что я напугана или ищу спасения. На самом деле, меня беспокоит только то, что ты сочтешь отсутствие у меня навыков невпечатляющими, и на следующей неделе на этом месте будет сидеть кто-то другой в красивом платье, который сосет член как чемпион.

— Господи. Ты никогда не реагируешь так, как я думаю.

Нахуй всё.

— План меняется. Встань.

Ее глаза немного расширяются, прежде чем она вытирает рот салфеткой и встает. Я жду, прежде чем подняться на ноги и подойти к ней.

— Раздевайся.

— Атлас, — шепчет она, ее голос срывается.

— Здесь нет никого, кроме нас, Айви, — я подхожу ближе, моя рука поднимается, чтобы обхватить ее подбородок. — Оказывается, я не хочу стейк. Я хочу чего-нибудь послаще.

— Я... я... — она заикается, но не двигается, заставляя меня вздохнуть, когда я тянусь за своим пиджаком и вытаскиваю нож из одной из боковых кобур, которые ношу, заставляя ее подпрыгнуть. Она пытается отстраниться, но моя рука на ее подбородке сжимается сильнее.

— Не люблю повторяться, Айви, — рычу я, прежде чем просунуть нож прямо под ее платье, между грудей, и потянуть, игнорируя ее визг. Материал разрывается, как кожица на перезрелом фрукте, обнажая белое кружевное нижнее белье, обтягивающее ее восхитительную грудь.

— Боже мой. Какого хрена, Атлас? — она шипит, пока я продолжаю разрезать платье, пока оно не падает на пол и не собирается лужицей у наших ног.

Подняв нож, я очень мягко провожу плоской стороной лезвия по ее щеке, наблюдая, как ее глаза расширяются от смеси страха и возбуждения.

— Ругательства, Айви, — говорю я, проводя ножом по ее горлу, пока ее пульс бешено колотится под кожей. Я продолжаю двигаться, скользя им между ее грудей, прежде чем обвести каждый сосок, скрытый под корсетом. Она задерживает дыхание, я полагаю, в ужасе, что малейшее движение приведет к кровотечению. Но я бы никогда не порезал ее случайно.

Я провожу плоской стороной лезвия вниз по ее животу, останавливаясь на секунду, пока мой мозг регистрирует прилив силы, которая охватывает меня, заставляя мой член стонать от признательности.

Я мог бы засунуть свой язык ей в рот и заглушить ее крики, одновременно вонзая острое лезвие в ее кожу, разрезая мышцы, как если бы это было просто масло.

Жизнь и смерть безвозвратно перевернулись с ног на голову в мгновение ока.

— Атлас? — она задыхается, словно чувствуя, как тьма во мне поднимается на поверхность.

— Тсс, доверься мне, — бормочу я ей в подбородок, прежде чем провести по поясу ее стрингов от бедра к бедру и обратно.

Она прижимается ко мне, но не кричит и не сопротивляется. Может быть, я и хищник во всех смыслах этого слова, но Айви — не добыча. Она — награда, на которую может претендовать только победитель. Военные трофеи, хотя единственный человек, который сражался, — это я. О, я пытался вырваться. Я пытался отпустить ее и дать ей шанс на борьбу, но, в конце концов, ее искушение было слишком велико. Как и в случае с Адамом, все что потребовалось, — это один раз попробовать запретный плод, и игра была окончена. Рай для меня, но этот единственный вкус не принесет Айви ничего, кроме билета в ад в один конец.

Я разрезаю материал на ее бедрах и срываю кружево, засовывая его в карман, прежде чем отступить и уставиться на нее.

Мой маленький грязный ангел, смотрящий на меня с вызовом, который заставляет меня хотеть трахать ее, пока она не взмолится о пощаде.

Одинокая слезинка скатывается по ее щеке, но она не прячется от меня, рассказывая все, что мне нужно знать. Айви понятия не имеет, кто я на самом деле. Для нее я просто мужчина, у которого больше денег, чем здравого смысла. Но для преступного мира я гребаный король. Глядя на нее сейчас, я без сомнения знаю, что нашел свою королеву.

Свободной рукой я хватаюсь за край льняной скатерти и сильно дергаю, не сводя глаз с Айви, когда содержимое стола с грохотом падает на пол, разбивая тарелки и стаканы. Она вздрагивает от шума, но не двигается ни на дюйм, ее глаза прикованы ко мне, ожидая, каким может быть мой следующий шаг.

Положив нож на свой стул, я поворачиваюсь и тянусь к ней, хватая ее за бедра и поднимая на стол.

— У тебя закончились месячные?

Резкий кивок — ее единственный ответ.

— Хорошо. Ложись на спину и раздвинь ноги, милая Айви. Пришло время для моего десерта.

Она смотрит на меня настороженно, но делает, как я прошу, ложась на спину и раздвигая ноги, обнажая себя передо мной.

— Шире, Айви. Я хочу, чтобы ты держала их открытыми для меня.

Она наклоняется и держит себя открытой, пока мои глаза изучают ее. И, черт возьми, я смотрю.

— Ты такая влажная для меня, Айви. Я вижу, как блестят соки твоей киски.

Я подтягиваю стул, на котором ранее сидела Айви, и передвигаю его так, чтобы теперь он находился в том месте, откуда мне будет лучше всего видна ее киска, и сажусь.

Скользя руками вверх по ее гладким ногам, я чувствую ее дрожь, когда направляюсь туда, где она нуждается во мне больше всего.

Используя свои большие пальцы, я шире раскрываю ее киску и провожу по ней языком.

— Черт, нет ничего слаще на этой земле, чем вкус твоего меда, — бормочу я ей, прежде чем снова погрузиться в нее. Сначала я слегка лижу ее клитор, прежде чем применить больше силы. Я погружаю свой язык внутрь нее, трахая ее неглубокими движениями, как если бы это был мой член.

Она качает головой и что-то бормочет, но не выпускает из рук ноги.

— Такая хорошая девочка.

Я просовываю в нее палец, поражаясь тому, какая она чертовски тугая, зная, что ей будет трудно принять мой член, и обнаруживая, что мне это нравится больше, чем следовало бы.

Я проталкиваю палец дальше и замираю на секунду, когда со мной происходит то, чего я не ожидал.

— Милая Айви. Скажи мне, кто-нибудь был внутри этой киски? — я знаю ответ. Я чувствую, как доказательство ее невинности сжимает кончики моих пальцев. Никто не становится таким чертовски тугим после принятия члена, но я хочу, чтобы она сказала это вслух.

— Нет, никто не был внутри меня, Атлас, — шепчет она, поднимая голову, чтобы посмотреть на меня сверху вниз.

— Теперь эта киска моя, Айви. Ты слышишь меня? Ни один ублюдок никогда не увидит ее, не попробует на вкус или не прикоснется к ней, кроме меня. Когда мой член скользнет в твое тугое влажного тепло, знай, что это будет не только твой первый член, но и последний.

— Господи, Атлас. Мы едва знаем друг друга.

— Я знаю достаточно, и это, блядь, не просьба. Это констатация факта. Ты впустила меня в свою жизнь. Ты открыла эту дверь и раздвинула ноги. Это был твой выбор. Ты не можешь взять свои слова обратно.

— В твоих устах я звучу как собственность. Как часть собственности, подлежащая обмену. Или приобретение бизнеса.

— Тогда считай это враждебным поглощением, — предупреждаю я ее, прежде чем ввести в нее еще один палец, заставляя ее вскрикнуть от вторжения.

— Расслабься, Айви. Впусти меня. Мой член намного больше, чем эти пальцы. Ты должна научиться принимать меня.

— Я не... Боже, не здесь, Атлас. Я не хочу терять свою...

Я сгибаю пальцы, заставляя ее снова вскрикнуть, обрывая ее слова.

— Я не собираюсь трахать тебя сегодня вечером, Айви. Это все меняет между нами, — говорю я ей, скользя пальцами внутрь и наружу, каждый раз поглаживая то место на ее передней стенке, которое заставляя ее ноги дрожать.

— Я не понимаю, — выдыхает она.

— Зная, что ты никогда раньше не принимал член? — я стону, борясь с желанием вытащить свой член и погладить его. Но я этого не делаю, зная, что у меня точно не хватит силы воли удержаться от того, чтобы войти в нее, если я это сделаю.

— Я хочу, чтобы ты была обнажена. Между нами ничего не было. У меня есть врач. Завтра утром она сможет осмотреть тебя и договориться с тобой о противозачаточных средствах. Я чист. У меня есть документы, подтверждающие это. Ты согласна взять меня без перчаток? — я спрашиваю ее, делая вид, что даю ей выбор.

— Эм... да. Меня это устраивает.

— Хорошая девочка. Я не могу дождаться, когда кончу в тебя, Айви. Черт возьми, это все, о чем я могу думать. Я хочу наполнить тебя таким количеством спермы, что твой живот раздуется от нее. — Хочу сделать больше, чем заполнить ее киску. Я хочу обладать каждым дюймом ее тела, но с этим пока придется подождать.

— О боже, — хнычет она, оседлав мои пальцы, прежде чем я высвобождаю их и тянусь

за своим ножом. Я поворачиваю его так, чтобы гладкая ручка была обращена к ее киске, и мягко вдавливаю его в нее.

— Атлас! — она встревоженно кричит, но я не думаю, что она понимает, что это, только то, что это не мои пальцы.

— Представь, что это мой член, Айви, почувствуй, что я могу с тобой сделать, — я провожу ножом немного глубже внутрь и другой рукой поигрываю ее клитором. Она выгибается дугой, когда я ускоряю свои движения. Ее тело напрягается, ища освобождения, когда я осторожно поворачиваю рукоятку ножа внутри нее. Мой годами с трудом заработанный самоконтроль почти ломается при виде запретного предмета, покрытого ее соками. Я вытаскиваю нож, бросаю его обратно на стул и снова заменяю его своими пальцами.

На этот раз я встаю и наклоняюсь над ней, мои пальцы ласкают ее, в то время как мой большой палец кружит вокруг ее клитора.

Когда я знаю, что она на грани, я наклоняюсь ближе, скольжу своими губами по ее, прижимая ее к столу, и шепчу.

— Я трахаюсь жестко и быстро. Чтобы сделать это в первый раз, не причинив тебе боли, нам нужно немного растянуть твою киску, чтобы она приспособилась ко мне, — предупреждаю я, с силой засовывая в нее три своих пальца, накрываю своим ртом ее и жадно глотаю ее крики.

Боль острая, особенно потому, что я ее не ожидала, но она длится всего несколько секунд. Достаточно долго, чтобы увести меня от оргазма, к которому я была на грани, но он продолжает ласкать мой клитор, отказываясь отпустить меня, пока боль утихает и слезы высыхают на моей коже.

Счастье, которое я испытывала ранее в машине, кажется мимолетным воспоминанием. Теперь я не знаю, что чувствую. Напугана, конечно, но под этим страхом скрывается что-то еще, что-то, что заставляет меня чувствовать слабость и стыд, хотя у меня нет причин это чувствовать.

Он играет моим телом как эксперт. Для него это чистый холст, с которым он может творить, и каждое его движение показывает, насколько он опытный художник.

Когда он сжимает мой клитор и шепчет, чтобы я кончила, я кончаю. Я кончаю с такой силой, что это крадет дыхание из моих легких и последние остатки сил из моего тела.

Тяжело дыша, он отстраняется и смотрит мне в глаза.

— Ты так чертовски красива. Это заставляет меня хотеть выколоть глаза каждому мужчине, который посмотрит на тебя.

— Только ты можешь быть и милым и психом одновременно, — поддразниваю я, пытаюсь казаться беспечной, но мой голос дрожит от моей попытки сохранить легкое настроение. Я чувствую себя встревоженной и уязвимой, распростертой перед ним, как жертвенное приношение.

— Держись меня, малыш, и ты увидишь, насколько ты права.

Подняв его руку, я вижу, что она испачкана кровью, что заставляет меня покраснеть от смущения.

Он следит за моим взглядом, чтобы увидеть, на что я смотрю, дикая ухмылка появляется на его красивом лице при виде моей крови, пачкающей его пальцы.

Он наклоняется и хватает что-то, прежде чем встать и показать мне нож. Я замираю, мое сердце, которое начало медленно возвращаться к норме, начинает бешено биться, выходя из-под контроля.

Прежде чем паника заставляет меня потерять сознание, он надрезает ладонь своей свободной рукой и кладет ее мне на сердце. Я знаю, что он чувствует, как оно трепещет под его прикосновениями, но могу контролировать это не больше, чем свое учащенное дыхание.

— Моя кровь за твою, — тихо произносит он, снова глядя мне в глаза. В его словах есть что-то глубокое. Это клятва, кровная клятва, произнесенная человеком, который не знает, как бросить курить. Даже после всего, что произошло, только когда он произносит эти слова, я понимаю его намерения. С таким же успехом кровавый отпечаток его ладони мог бы

быть ошейником на моей шее. Теперь я принадлежу этому мужчине. Не будет ни отсрочки, ни давления. Он возьмет то, что хочет, когда захочет, и я должна просто сказать — да, сэр.

Проблема в том, что я никогда не была девушкой типа "да, сэр", вне моей работы, то есть. Я могу спорить просто ради этого. Я могу быть упрямой и, честно говоря, немного несносной.

Этот человек опасен во многих отношениях, это даже не смешно. Мы прошли далеко за пределы красных флагов и сразу перешли к белым флагам капитуляции. Он хочет завоевать меня, и часть меня хочет позволить ему. Однако другая часть, упрямая, нахальная, своевольная часть, пока не готова признать поражение.

Убирая его руку, я вижу кровь, окрашивающую мою кожу, а также белое кружево моего бюстье, и качаю головой в ответ на его альфа-потребность показать, что он владеет мной. Но когда он протягивает мне свою руку, все еще перепачканную моей кровью, я вспоминаю, что он тоже мой.

Я позволяю ему помочь мне встать со стола, пока он снимает свой пиджак и набрасывает его мне на плечи. Он расстегивает свою белую рубашку и стягивает ее, оставаясь в белой футболке.

Он забирает свой пиджак, надевает его, прежде чем помочь мне надеть рубашку, застегивая ее и оставляя две верхние пуговицы расстегнутыми.

На мне она доходит до середины бедра, достаточно длинная, чтобы сохранить немного моей скромности, но не сильно. Я выгляжу так, словно только встаю на завтрак после того, как меня трахнули, и в кои-то веки я рада, что рядом никого нет.

— Если это было наше первое свидание, я не совсем уверена, что переживу второе, — признаюсь я, заставляя его рассмеяться. Но я не шучу.

Он засовывает свой нож обратно в кобуру, о которой я никогда не подозревала, и достает свой телефон, пишет кому-то сообщение, прежде чем убрать его обратно в карман.

— Никогда особо не любил ходить на свидания, Айви, но это было лучшее первое свидание в моей жизни, если не считать ни одного. А теперь давай убираться отсюда, чтобы я мог накормить тебя, раз уж я испортил ужин.

— Я не одета...

— Мы закажем итальянскую кухню и съедем ее в моей постели. Тебе нужно поесть, а затем отдохнуть. Я позвоню доктору и договорюсь, чтобы она пришла завтра после того, как мы позавтракаем, хорошо?

Он протягивает мне руку. Это один из тех моментов, когда ты с непоколебимой ясностью понимаешь, что вот-вот примешь решение, которое изменит все навсегда. Хуже того, я знаю, что принимаю неправильное решение. Моя мама всегда говорила: «Никогда не оставайся с мужчиной, который заставляет тебя плакать больше, чем смеяться». На лице Атласа Монро не написано ничего, кроме разбитого сердца. Зная это, я все равно протягиваю руку и беру его за руку, чувствуя себя так, словно только что продала душу дьяволу.

Он притягивает меня к себе, запечатлевая поцелуй на моем лбу. Он обнимает меня за плечи, прижимая к себе, и ведет к двери, через которую я вошла.

Спускаясь по ступенькам, мы не встречаем ни души, что я нахожу странным в таком большом городе и таком популярном ресторане. То же самое было, когда Кензо провожал меня наверх.

— Здесь так тихо.

— Персонал только на этой стороне здания, и они знают, что нужно держаться подальше от моей частной террасы, пока я их не позову.

— Подожди, ты владелец и этого заведения? Ты что, ресторатор?

— Помимо всего прочего. Моя основная работа — поиск пропавших людей.

Я делаю паузу, заставляя его тоже остановиться на секунду.

— Ты находишь пропавших людей? Это... это так неожиданно и мило, — говорю я ему, не чувствуя, что это вяжется со всем остальным.

Он хихикает и тянет меня за собой.

— Не совсем так благородно, как ты думаешь, Айви. Я нахожу людей, у которых есть причины убегать — прелюбодеев, мошенников и аферистов. Мне платят большие деньги за то, чтобы я находил их, возвращал и держал рот на замке о том, что я узнаю, даже если это попадет в новости.

— Вау, это безумие. И ты хорош в своей работе?

— Да. Как я уже сказал, это принесло мне много денег за эти годы, и я разумно инвестировал. Я владею кучей недвижимости и множеством предприятий. Настолько, что мне на самом деле никогда больше не придется работать. И моим детям, и моим внукам тоже, но...

— Тебе это нравится, — заканчиваю я за него.

Он кивает, но больше ничего не говорит, пока мы спускаемся на лифте на первый этаж, где выходим через черный ход.

— Не могу поверить, что ты пригласил меня сюда на свидание и спрятал от всех остальных, — я слегка смеюсь, но это немного натянуто. — Это для того, чтобы меня никто не мог увидеть?

— Я не стыжусь тебя, Айви, но я никак не мог высиживать весь вечер с тобой в этом платье, с этими волосами и этой улыбкой и не убить всех остальных мужчин в комнате за то, что они наблюдали за тобой. Я хотел, чтобы у тебя было свидание, но отмазываться от обвинения в убийстве утомительно, — шутит он. Или, по крайней мере, я думаю, что он шутит. Я напрягаюсь, но когда он улыбается мне сверху вниз, я расслабляюсь. Этот засранец заставил меня пойти туда на минуточку.

Когда мы подходим к машине, Кензо ждет снаружи, что меня удивляет и вызывает желание забиться в яму. Боже, это так неловко.

Он кивает мне, но, к счастью, ничего не говорит о том, что я раздета, когда забираюсь в машину.

Атлас хватается за край двери, когда садится, и глаза Кензо останавливаются на красном пятне, отчего у меня сводит живот.

Этого не может быть.

— У тебя кое-что на руках, босс, — замечает он.

— Хм... я знаю. Это был десерт.

— Понравился?

О мой бог. Замолчи. Пожалуйста, замолчи.

— О да, но я всегда питал слабость к вишням.

Я собираюсь убить его во сне.

Запах бекона пробуждает меня ото сна, как любого простого смертного. Я потягиваюсь и зеваю, прежде чем замереть. Бекон? Кто...? Я открываю глаза и вспоминаю, почему мне кажется, что я лежу на облаке, а не получаю удар в ребра от разъяренных пружин.

Прошлой ночью я осталась у Атласа после того, как он пригласил меня поужинать и превратил в буфет.

Сев, я спускаю ноги с кровати и поднимаюсь на ноги, прежде чем бесшумными шагами пройти по толстому роскошному ковру кремового цвета в ванную.

Когда мы вернулись прошлой ночью, Атлас наполнил мне ванну и позволил понежиться, прежде чем вымыть каждый дюйм моего тела, включая волосы. Я не могу вспомнить, чтобы кто-нибудь мыл мне голову раньше, даже моя мать.

Я не знаю, как мужчина может перейти от того, чтобы трахать меня ножом, к мытью моих волос. Но дихотомия этих двух действий идеально характеризует Атласа. Он как Джекилл и Хайд. Внутри него есть нежность, та сторона, которая хочет лелеять и защищать, за дикой безжалостностью, которую он демонстрирует миру. Но я не уверена, что существует равный баланс.

Я быстро писаю, радуясь, что когда я вытираюсь, нет крови. Я знаю, что у меня не было секса, но с пальцами Атласа шутить не стоит, когда единственная другая вещь, которая когда-либо была во мне, — это тампон. Я годами выстраивала это в своей голове, ожидая много боли и крови. Поскольку рядом не было родителей для подобных вопросов, я полагалась на рассказы подруг, в которых весь процесс звучал либо как что-то из романтической сказки, либо как фрагмент *Техасской резни бензопилой*.

У меня, откровенно говоря, не было ни того, ни другого. Был резкий укол и пятно крови, и все.

У меня не было судорог, и я была лишь немного чувствительна, и это, вероятно, было больше связано с твердостью рукоятки ножа, чем с толстыми пальцами, которые вторглись в меня.

Я не чувствовала никакой разницы, и пока член действительно не оказался внутри меня, технически я все еще была девственницей. По крайней мере, таким образом, когда мы наконец займемся сексом, я не буду переживать из-за боли, зная, чего ожидать.

Будет ли это секс с Атласом, еще предстоит выяснить.

Я спускаю воду в туалете и мою руки, разглядывая свое лицо в зеркале над раковиной. Сегодня я выгляжу немного бледной, но усталость может сделать это с человеком, и в последнее время я плохо сплю.

Я решаю быстро принять душ до прихода врача. Возможно, я еще не на сто процентов согласна с Атласом, но это не значит, что я хочу рисковать понапрасну.

Это не занимает много времени, мой желудок жаждет бекона. Я вытираюсь и возвращаюсь в спальню, чтобы поискать, что бы позаимствовать.

Выбрав простую белую рубашку на пуговицах, очень похожую на ту, что была на мне прошлой ночью, я снимаю ее с вешалки и надеваю, прежде чем перейти к верхнему ящику комода. Я замираю, когда вижу пистолет поверх его боксеров.

— Что-то ищешь?

Я подпрыгиваю и оборачиваюсь, когда голос Атласа раздается за моей спиной.

— Эмм... какие-нибудь боксеры, если можно. У меня ничего нет и... — мой голос срывается, когда он подходит ко мне и протягивает руку, чтобы закрыть ящик.

— Они тебе не нужны. Мне нравится знать, что ты обнажена под моей рубашкой.

— Хорошо, — мягко соглашаюсь я, не зная, что еще сказать прямо сейчас.

— Моя работа опасна. У меня всегда с собой пистолет и нож, когда выхожу из дома.

Когда я дома, у меня повсюду припрятано оружие, так что я всегда в пределах досягаемости, если оно мне понадобится.

— Хорошо, — повторяю я и сглатываю, потому что что еще я могу сказать?

— Ты напугана. Почему?

Я качаю головой: — Не напугана. Удивлена. Я никогда раньше не имела дела с оружием. Мои родители были пацифистами и категорически выступали против оружия. Это самое близкое, что я когда-либо видела.

— Давай посмотрим, сможем ли мы сохранить это в тайне. Теперь, позволь мне провести для тебя небольшую экскурсию, прежде чем мы поедем.

Я киваю, беру его за руку и следую за ним по его огромному дому, пока он показывает, для чего используется каждая комната.

Помимо того, что здесь больше спален, чем нужно для одинокого парня, здесь также есть кинотеатр, домашний тренажерный зал и бассейн. По сравнению с моим домом это как отель, из-за чего я чувствую себя немного подавленной. Я не пытаюсь недооценивать себя, я знаю, что в жизни есть нечто большее, чем деньги, но трудно не чувствовать себя немного запуганной.

— Это мой кабинет, но я не часто работаю из дома, вот и все, за исключением гаража и подсобного помещения, которые, я уверен, тебе не интересны.

Я смеюсь и качаю головой: — Все хорошо, — уверяю я его. Мы возвращаемся на кухню, когда я понимаю, что мы пропустили дверь в конце коридора.

— Что здесь?

Он следует, куда я указываю: — Ах, это единственная комната здесь, куда вход воспрещен. Там я храню конфиденциальную информацию всех своих клиентов и прочее дерьмо. Они не хотят, чтобы после них оставался цифровой след, поэтому это бумажный вариант.

— Но разве это не... Я не знаю и не говорю, что твои клиенты преступники, но они кажутся... этически неблагонадежными. — он фыркает, но я продолжаю. — Разве это не будет считаться уликой, если попадет не в те руки?

— Будет, но я храню единственный экземпляр, который легко уничтожить. Чтобы добраться до него, им пришлось бы пройти через мою систему безопасности и, поверь мне, этого никогда не произойдет.

Яжимаю плечами. Мне кажется, это глупый риск, но что я знаю?

— Ты собираешься накормить меня? Я умираю с голоду.

— Ну, мы не можем допустить этого сейчас, не так ли?

Мы возвращаемся на кухню, где Атлас усаживает меня на край стола.

— Ты же знаешь, я могла бы с таким же успехом сесть на один из стульев, — я хихикаю.

— Мне нравится, когда ты рядом, — он целует меня в губы, прежде чем подойти к плите, где он держал бекон теплым.

— Значит, ты умеешь готовить.

— Не волнуйся. Я готовлю отличный завтрак, могу приготовить стейк на гриле и лучшие в мире бутерброды с сыром на гриле, но на этом мои кулинарные способности заканчиваются. Большую часть работы выполняет домработница, но я дал ей неделю отпуска, поскольку ее дочь только что родила ребенка.

— О, это мило.

— Это заноза в заднице, потому что я избалованный, но я могу заказать еду в ресторане, так что, думаю, я справлюсь.

— Бедный малыш, — я усмехаюсь, мне нравится эта его игривая сторона.

Я наблюдаю, как он раскладывает бекон, яйца и тосты и ставит обе тарелки рядом друг с другом за столом.

— Ты хочешь кофе или сок?

— Сок, пожалуйста. Я выпью кофе позже, так как сегодня у меня вечерняя смена. Я не хочу начинать слишком рано, иначе это меня нервирует.

— Ты всегда работаешь по выходным?

— Я чередуюсь, но это не моя обычная смена. Я подменяю кое-кого другого, поскольку она заболела, а мне нужны деньги на новую машину.

— Зачем тебе новая машина?

— Потому что моя была украдена, — напоминаю я ему.

— Да, но зачем она тебе нужна? У тебя есть Пит.

— Атлас, Пит — твой водитель. Я прекрасно справлюсь и без него.

— Нет, мне нравится, что он забирает тебя. Так безопаснее.

Я вздыхаю, зная, что он думает о той ночи, когда меня схватили возле "Дрифт".

— Слушай, как насчет того, чтобы пока поставить точку в этом вопросе и вернуться к нему позже. У меня нет достаточно денег, чтобы купить машину прямо сейчас, и не будет некоторое время, так что это спорный вопрос. А теперь позволь мне насладиться моей едой, которая, кстати, выглядит восхитительно..., — он целует меня, обрывая мои слова, прежде чем поднять, отнести к столу и осторожно усадить на один из стульев.

— Я просто хочу, чтобы ты была в безопасности, — говорит он мне, прежде чем повернуться и налить мне сока.

Я ничего не говорю на это, потому что он такой милый, и я не хочу портить ему настроение. Вместо этого я запихиваю в рот кусочек бекона и игнорирую слона в комнате.

Этот слон — потребность Атласа контролировать каждую мелочь как в своей жизни, так и в моей.

Я провожу пальцами по надрезу и бесцельно смотрю в окно, погруженная в свой собственный мир.

— Прекрати играть с этим. Будет больнее, — говорит Атлас рядом со мной, заставляя мою руку упасть на колени.

— Я в порядке. Все еще онемевшее. Я даже не осознавала, что делаю это.

— Как скоро я смогу трахать тебя без преград? — дерзко спрашивает он, заставляя меня посмотреть на него и нахмуриться.

— Из-за того, где я нахожусь в своем цикле, я уже застрахована. Я собиралась принимать таблетки, но доктор предложила имплантат, потому что это исключает возможность забыть их принять, а поскольку мой мозг занят миллионом вещей, это имело смысл. Я просто не ожидала, что она сделает это сразу же.

— Деньги решают все, Айви. Когда я позвонил ей, она поняла, для чего это нужно, так что, скорее всего, была подготовлена к любому сценарию.

— Тем не менее, я бы хотела быть немного более одетой, чтобы делать открытую операцию, — ладно, небольшой разрез, сделанный под местной анестезией, на самом деле не является открытой операцией, но на мне была только рубашка Атласа. Никто не хочет оказаться в такой ситуации, не надев хотя бы трусики.

— Рискну предположить, что она подумала, что у нас был или вот-вот будет секс, только потому, что ты впервые получила имплантат. К тому же она врач. Я сомневаюсь, что это было даже похоже на то дерьмо, с которым она имеет дело, — говорит он мне с ухмылкой.

— Не пытайся перехитрить меня, Атлас.

Он громко смеется, заставляя меня повернуться и посмотреть на него. Что-то в этом моменте находит отклик во мне. Мой разум делает снимок, зная, что этот момент будет тем, на который я буду часто оглядываться. Особенно, если между нами все испортится, потому что, серьезно, супернапряженный Атлас выглядит так, что его можно облизать, когда он вот так смеется.

— Что? Почему ты так на меня смотришь?

— Ты секси, но когда ты смеешься, у меня от этого мозг как бы плавится, — признаюсь я, заставляя его удивленно посмотреть на меня, прежде чем снова отвернуться к дороге.

— У меня было не так уже много причин смеяться, пока не появилась ты.

— Понимаю, — мягко отвечаю я, ставя перед собой задачу посмотреть, как часто я смогу заставлять его это делать. С этой мыслью приходит поразительная реальность того, что я собираюсь это сделать. Я собираюсь дать шанс тому, что происходит между нами.

Может быть, у нас ничего не получится, и, может быть, Атлас погубит меня для всех мужчин, которые придут после. Но если я не попробую, я чертовски уверена, что если я хотя бы не попытаюсь, Атлас Монро будет преследовать меня в снах как ту, кто сбежала.

— Итак, когда я смогу увидеть тебя в следующий раз? — Спрашиваю я, когда его большая рука скользит и ложится на мое бедро.

— Пит может привезти тебя после работы.

Я качаю головой: — Завтра у меня ранняя смена во «Флекс».

— Подожди, ты сегодня работаешь в позднюю смену в «Дрифт», а завтра в раннюю во «Флекс»? Когда ты планируешь лечь спать? — О боже, он недоволен.

— Я закончу к обеду, так что пойду домой и отдохну несколько часов, прежде чем снова отправлюсь в «Дрифт». Со мной все будет в порядке, я обещаю.

— Мне это не нравится, — отрезает он.

— Я знаю, но так только в эти выходные, помнишь? Обычно так не бывает. Итак, чем ты занимаешься завтра? Что-нибудь интересное? — я меняю тему, прежде чем он сможет прийти в себя.

— Ничего интересного, — он выдыхает, его руки сжимают и отпускают руль. — Я работаю из дома. Ко мне приедут подрядчики, чтобы начать работу над расширением.

— Расширением? Потому что у тебя недостаточно большой дом? Что, черт возьми, тебе может понадобиться такого, чего у тебя еще нет? Аэропорт? — я смеюсь.

— Библиотека. Моя милая Айви любит читать.

И точно так же, еще один мысленный снимок запечатлевает момент, когда я спотыкаюсь и влюбляюсь в мужчину, в которого мне незачем влюбляться.

— Атлас, — я произношу его имя мягко и полно эмоций. Я имею в виду, блядь. Кто занимается подобным дерьмом?

— Не смотри на меня так, Айви, или я забуду, что тебе нужно работать, остановлюсь прямо сейчас и буду трахать тебя до тех пор, пока ни один из нас не сможет дышать.

Я отворачиваюсь, разрывая связь, потому что знаю, что если он это сделает, я бы не стала его останавливать. Вместо этого я провожу рукой по его руке, все еще лежащей на моем бедре, и соединяю наши пальцы.

Остальную часть пути домой мы молчим, но нам комфортно. Впервые Атлас лично отвозит меня, и мне это нравится. Он водит машину так, как и живет, уверенно и контролирующе.

Подъезжая к моему дому, он останавливает машину и выходит, прежде чем я успеваю его остановить, обходит мою сторону, чтобы открыть для меня дверь.

— Спасибо. Хорошего дня. Я напишу тебе позже? — я задаю это как вопрос, не зная, будет ли он занят.

Он запирает дверь и хватает меня за руку, таща в сторону моей квартиры.

— Атлас, я могу подняться сама.

— Ни единого гребаного шанса. — Отрезает он, поэтому я затыкаюсь и позволяю ему вести себя как мужественный альфа, сдерживая закатывания глаз от смехотворности всего этого.

Когда мы подходим к моей двери, он забирает у меня ключ и впускает нас.

— Оставайся здесь, пока я осмотрюсь, — приказывает он, прежде чем исчезнуть.

Я поддакиваю ему, зная, что в моей крошечной квартире осмотр займет всего несколько минут.

— Все чисто. Не забудь запереть за собой дверь и позвони мне, когда вернешься с работы.

— Я всегда запираю дверь, Атлас, и будет поздно, когда я закончу.

Он прижимает меня к задней стенке двери, его лицо в нескольких дюймах от моего.

— Мне все равно, два часа дня или два часа ночи. Ты позвонишь мне, когда закончишь работу. Ты действительно не хочешь, чтобы я искал тебя, Айви, — предупреждает он.

Дааа: — Я позвоню тебе, — я сдаюсь, полагая, что мне лучше научиться выбирать свои битвы с этим человеком.

Он накрывает мой рот своим и целует так, словно собирается затащить меня в спальню вместо того, чтобы попрощаться. Когда он отстраняется, я представляю собой горячее потное месиво.

— Веди себя хорошо, — рычит он, прежде чем открыть дверь с гораздо большей силой, чем необходимо, и захлопнуть ее за собой.

Я задерживаюсь на секунду, чтобы вдохнуть столь необходимый воздух, прежде чем запереть дверь и направиться в спальню. Мне нужно переодеться и перекусить перед тем, как отправиться на работу, но сначала мне нужно немного расслабиться.

Сбрасывая туфли, я снимаю пиджак, который Атлас одолжил мне, но оставляю рубашку, потому что чувствую исходящий от нее его запах. Я расстегиваю пуговицы, поднимаю воротник к носу и делаю глубокий вдох, позволяя мужскому аромату Атласа соблазнить меня. Заползая на свою кровать, я ложусь на спину, откидывая голову на подушки, и позволяю своим ногам раздвинуться, когда я вспоминаю предыдущую ночь, и мое тело, распростертое в аналогичной позе перед Атласом.

Я опускаю руку между ног и прижимаю ее к клитору, в то время как другая обхватывает мою грудь, пощипывая сосок большим и указательным пальцами.

Я погружаю палец внутрь себя, чувствуя, какая я влажная, прежде чем использовать его, чтобы покрутить вокруг своего клитора. Мои движения быстрее и жестче, чем обычно, у меня нет времени заниматься этим весь день, но я так сильно нуждаюсь в разрядке, что рискую опоздать на нее.

Я представляю, как Атлас пристально смотрит на меня сверху вниз, представляю, как его грубые руки берут то, что он хочет, без извинений или угрызений совести. Я задыхаюсь и стону, думая о полной неправильности того, что он трахает меня рукояткой своего ножа. Я представляю, каково это — чувствовать его внутри себя, пока он прижимает меня к себе, беря грубо и жестко.

Сильно сжимая сосок, мои бедра приподнимаются над кроватью, когда я кончаю быстрее, чем когда-либо в своей жизни, с именем Атласа на моих губах.

Дав себе несколько минут, я позволяю своему дыханию прийти в норму, прежде чем со стоном скатываюсь с кровати и направляюсь в ванную, чтобы провести себя в порядок.

Зная, что сегодня вечером должно похолодать, я выбираю черные джинсы-скинни и белый топ в бейсбольном стиле с длинными рукавами, на которых сзади на лопатках жирным черным шрифтом выведен «Дрифт». Я оставляю несколько пуговиц расстегнутыми, чтобы подчеркнуть небольшую ложбинку, и завязываю низ рубашки узлом, чтобы показать полоску кожи на талии. Сапоги на низком каблуке и высокий аккуратный хвост завершают образ, а также слой туши и губы, покрашенные красным. Простой, но сексуальный и далекий от утонченности вчерашнего вечера, не то чтобы это длилось долго.

Я отправляю замороженное блюдо в микроволновку и проглатываю ее, толком не

почувствовав вкуса, думая о том безумии, которым теперь стала моя жизнь.

Нуждаясь в глотке свежего воздуха, чтобы прогнать паутину, я решаю прогуляться до кофейни и побаловать себя фраппучино с карамелью, а вместо этого попросить Пита забрать меня оттуда, так как это по дороге.

Я меняю вчерашний клатч и запихиваю все необходимое в свой холщовый рюкзак, прежде чем перекинуть его через плечо и направиться к выходу, вспомнив в последнюю минуту, что нужно снять куртку с крючка у двери.

После исключительно мягкой осени и зимы, которые до сих пор были, наконец, ожидается приближение холодного фронта, который, как мы надеемся, заберет с собой чрезмерные осадки, которые мы наблюдали, и принесет с собой немного снега.

Я знаю, что большинство людей ненавидят это, но не я. Что-то в этом меня успокаивает. Мне нравится, как оно окрашивает все в чистый ослепительно белый цвет, скрывая под ним грязные улицы, словно стирая все с чистого листа. Даже моя улица, печально известная торговцами наркотиками и сутенерами, в конечном итоге выглядит как сцена из фильма "Холлмарк". Настолько, что, когда я сворачиваюсь калачиком с горячим шоколадом и хорошей книгой и смотрю вниз на покрытые инеем улицы внизу, я чувствую, что могла бы быть кем угодно, где угодно, а не просто бедной маленькой никому не нужной сиротой, которая роет землю, чтобы выжить.

На улице тихо. Даже сутенеры и дилеры разошлись по своим домам, хотя, я полагаю, для них еще немного рановато.

Небо красивого цвета индиго с розовыми прожилками и выглядит как абстрактная картина. Но набегающие тучи предвещают грозу. Не то чтобы это повлияло на меня, я буду на работе до того, как это начнется.

Ускоряя шаг, я спешу в кофейню, опустив голову, занимаясь своими делами, когда звонит мой мобильный.

Роясь в сумке, он перестает звонить прежде, чем я могу его найти, но через несколько мгновений включается снова.

Достав его, я вижу имя Атласа на экране и улыбаюсь, прежде чем ответить.

— Уже скучаешь по мне?

— Где ты, блядь, находишься?

Я останавливаюсь на тротуаре и смотрю вниз на экран, меня пробирает дрожь, и это не имеет ничего общего с холодом.

— Прошу прощения?

— Я спросил, где ты, блядь, находишься?

— Не то чтобы это было каким-то твоим чертовым делом, но я собиралась выпить кофе.

— Все, что касается тебя, это мое гребаное дело, — рычит он, но мои мысли заняты чем-то другим.

— Как ты узнал, что меня нет дома?

Он не отвечает, от чего у меня просто закипает кровь.

— Отвечай на гребаный вопрос, Атлас. Как ты узнал, что меня нет дома? У тебя есть кто-нибудь, кто следит за мной? — я поворачиваюсь, чтобы осмотреться, но не вижу никого, кто выделялся бы из толпы.

— Следи за тем, как ты говоришь со мной, сладкая, или ты заработаешь себе наказание. Теперь скажи мне, где ты, — приказывает он.

— Пошел ты, — рывкаю я и отключаюсь, кипя от злости. Я снова оглядываюсь вокруг,

но по-прежнему никто не выделяется. Кроме того, если бы за мной кто-то следил, зачем бы ему звонить? Он мог бы просто позвонить им.

Я смотрю на свой телефон, когда он звонит, и чертыхаюсь, не потому, что звонит Атлас, а потому, что я знаю, что он сделал. Я помню день, когда он вернул его мне после того, как я оставила его в машине, когда я прекрасно знала, что он все это время был у меня в сумке. Я убедила себя, что, должно быть, ошиблась, но мне следовало довериться своей интуиции.

Я нажимаю принять и прикладываю трубку к уху, игнорируя его слова, крича: — Ты отслеживаешь мой телефон?

Его дыхание кажется горячим и тяжелым на другом конце провода.

— Никогда больше, блядь, не вешай трубку, — его сердитые слова звучат достаточно убийственно, чтобы заставить меня резко втянуть воздух, поэтому я делаю то, что сделала бы любая нормальная женщина, — вешаю трубку.

Пошел на хуй.

Решив отказаться от услуг Пита сегодня вечером, потому что я не верю, что Атлас не придет с ним, я прохожу мимо кофейни и направляюсь прямо на станцию метро.

Если бы я могла позволить себе новый сотовый, я бы выбросила этот в мусорное ведро, но я не могу. Это не значит, что я не могу попросить кого-нибудь взглянуть на это для меня, и, к счастью, Марвин разбирается во всем, что связано с технологиями.

Если Атлас думает, что я позволю ему вытирать об меня ноги, ему нужно подумать еще раз.

Я останавливаю кадры из видео и перематываю его снова, чтобы запечатлеть лучшие моменты, прежде чем позволить ему прокрутить еще раз. Я откидываюсь назад, когда она скользит пальцами между ног. Низкий стон вырывается, когда я наблюдаю, как ее пальцы быстро становятся влажными, и представляю, как я беру их в рот и обсасываю досуха. Не имеет значения, что я смотрел это уже пять раз и каждый раз кончал. Я чувствую, как снова твердею, наблюдая, как ее кремовая кожа вспыхивает от удовольствия.

Чего бы я только не отдал за то, чтобы трахнуть ее своими пальцами. Я бы довел ее до грани, прежде чем сменить пальцы на рот, вырвав у нее оргазм, прежде чем выпить его до дна.

Только тогда я забрался бы между ее подтянутых бедер, теперь скользких от желания, и вонзился бы в нее. Я бы обхватил руками ее горло и трахнул ее достаточно сильно, чтобы на следующий день она чувствовала меня везде. Моя хватка усиливалась, когда мы мчались друг за другом к финишной черте, и я бы отпускал ее только тогда, когда ее глаза закатывались и моя сперма заполняла ее.

Я напоминаю себе обо всех причинах, по которым я должен тянуть время. Если я ворвусь сейчас и возьму ее слишком рано, это разрушит мои планы. Я могу заставить ее брать меня в каждую дырочку, и я даже могу убедиться, что ей это нравится, поворачивая это маленькое упругое тело к себе. Но я не могу заставить ее полюбить меня, не то чтобы это то, что мне нужно, но я хочу ее полной капитуляции. Я хочу, чтобы она была так же одержима мной, как я ею. У жертвы много применений, но я хочу, чтобы она жаждала меня так, как будто она сама охотница. Если это означает ухаживать за ней, то пусть будет так.

А кто не любит цветы?

Наблюдая, как она одевается и уходит, я знаю, что пришло время сделать мой следующий шаг. С неохотным вздохом я поднимаюсь со своего места и оглядываю комнату, на изображения, покрывающие стены, и улыбаюсь.

На каждом изображении Айви. Некоторые из них с улицы, где она спешит на одну из работ или с нее. Некоторые из них связаны с наблюдением за ней за стойкой бара в «Дрифт» или за тем, как она собирает грязные полотенца на своей дневной работе, тихо кипя от злости из-за того, что ей сказал придурок босс. Большинство — и мои любимые — сделаны, когда она дома и мы только вдвоем. Даже если она понятия не имеет, что я сопровождаю ее

на каждом шагу.

Кипя от злости, я наблюдаю, как она улыбается той самой улыбкой, *моей улыбкой*, какому-то парню из братства, который вот-вот разобьется, и каким-то образом мне удастся сдержать желание броситься туда и свернуть ему шею.

Ей повезло, что она стоит за стойкой, не обращая внимания на мое присутствие. Если бы мы сейчас столкнулись друг с другом, я не уверен, что смог бы сдержать свой темперамент. Я зол, что она покинула свою дерьмовую квартиру без сопровождения Пита, зол, что она повесила трубку после нашей ссоры, и еще больше зол, что она выяснила, что я отслеживал ее телефон. В основном я злюсь на себя за то, что раскрыл свои карты. Я видел, что у нее были сомнения относительно нас. Айви слишком умна, чтобы не видеть проблески монстра, который живет прямо под поверхностью. О, я знаю, как играть в эту игру. После целой жизни наблюдения за людьми я знаю предполагаемый разумный ответ практически на любую ситуацию, в которой я оказываюсь. Но я никогда не был готов к встрече с такой девушкой, как она.

Я знаю из миллиона различных секретных диагнозов, что я не такой, как все остальные. С годами у меня появилось больше ярлыков, но ни один из них, похоже, не подходит. Меня это никогда не волновало. Если уж на то пошло, я подпитывал слухи и искажал их в соответствии со своими потребностями. Мужчины, сложив руки, умоляли сохранить им жизнь, женщины на коленях просили мой член. Каждый из них служил своей цели, так чем же Айви отличается? Как мужчина, который всю свою жизнь был оторван от мира, может вдруг что-то почувствовать — *нет, почувствовать все* — к никому не известной девушке, которая еще совсем ребенок?

Если бы я верил в такую чушь, как магия, я бы подумал, что она каким-то образом околдовала меня, добившись недостижимого своей соблазнительной улыбкой и нетронутой киской. Может быть, это потому, что я провел всю свою жизнь, живя и работая среди отбросов общества — моя душа черна, руки в крови, а тело покрыто таким количеством грязи, что я никогда не отмоюсь дочиста.

И вот однажды ангел входит в мой ад и все меняет.

Я прижимаю стакан скотча к губам и осушаю его одним глотком, наслаждаясь обжигающим вкусом, прежде чем со стуком ставлю стакан на стол.

Словно почувствовав меня каким-то образом, Айви замирает, ее улыбка дрогнула, когда

она посмотрела в мою сторону. Хотя я знаю, что она не может меня видеть, клянусь, в какой-то момент наши взгляды встречаются, и между нами проходит электрический разряд, отчего мой член становится твердым, несмотря на мой гнев.

Секунду спустя момент прерывается каким-то придурком, размахивающим наличными у нее перед носом. Ее улыбка возвращается на место, но, видя ее сейчас, я понимаю, чего мне не хватало раньше. Она фальшивая. Я видел настоящую улыбку, черт возьми, я почувствовал ее воздействие. Это такая улыбка, которая заставляет людей останавливаться и пялиться или, по крайней мере, спотыкаться, продолжая свой путь. Вот какой эффект Айви оказывает на людей, а она ни хрена не понимает.

Мне жаль глупцов, которые были до меня и не смогли распознать сокровище таким, какое оно есть на самом деле. Я хочу использовать его и сделать своим. Заставить его подчиниться моей воле и молить о пощаде. Теперь, когда она каким-то образом отметила меня, я сражусь с самим дьяволом, если он попытается забрать ее у меня.

Уловив движение сбоку от стойки, я вижу, как придурок разговаривает с тремя другими мужчинами, и все они смеются тем отвратительным надрывным смехом, который, кажется, делают мужчины, когда они что-то слишком компенсируют.

Они указывают на Айви и опускают головы, украдкой оглядываясь по сторонам, что, как знает любой гребаный идиот, привлекает к ним больше внимания.

Движение небольшое. Может быть, если бы я не наблюдал за ними так пристально, я бы не заметил ловкости рук, когда высокий темноволосый чувак слева подсовывает придурку маленький пакетик с чем-то.

Я вскакиваю со своего места и в мгновение ока подхожу ближе, мои глаза никогда не отрываются от них, независимо от того, как сильно я хочу, чтобы они снова были на Айви.

Я натягиваю бейсболку пониже и подхожу ближе к мужчинам. Когда я подхожу достаточно близко, чтобы слышать, как придурок просит еще по кружке, я опускаю голову и украдкой наблюдаю, как Айви ставит на стойку три бутылки Bud и стакан чего-то прозрачного и протягивает руку для оплаты.

— И выпивку для леди, — ухмыляется придурок.

Она улыбается, но качает головой: — Нет, спасибо. Я не пью на работе, к тому же моему боссу это не понравилось бы. — она подмигивает, смягчая удар.

— Я понял. Как насчет содовой? Похоже, тебе не помешало бы, — он натягивает легкую улыбку. Даже я должен признать, что когда он включает свое обаяние, я вижу, как женщины могут на это клюнуть.

Вздыхнув и посмеиваясь, она достает из холодильника бутылку воды, открывает крышку и выпивает половину бутылки, прежде чем поблагодарить его и поставить на стойку, когда он протягивает ей свою карту.

Она берет ее и пропускает через кассу, но в ту секунду, когда она поворачивается спиной, он хватается за бутылку с водой и бросает что-то в нее, прежде чем поставить ее обратно на то же место, снова широко улыбаясь, когда она поворачивается обратно.

Я хочу схватить его за шею и бить головой о стойку бара снова и снова, пока от его лица не останется ничего, кроме кровавого месива, но тогда Айви узнала бы, что я здесь.

Я оглядываюсь в поисках охраны, готовый подать им сигнал, когда придурок предлагает ей тост, ожидая, пока Айви возьмет свой напиток.

Как только ее рука обхватывает бутылку, я расталкиваю людей, чтобы добраться до нее. Я замираю, когда она качает головой и выбрасывает бутылку в мусорное ведро, прежде чем

взять новую.

— Извини, чувак, но я никогда не пью то, что оставила без присмотра, — извиняется она. Чокается своей новой бутылкой о его бокал и переходит на другую сторону бара, чтобы обслужить стайку смеющихся женщин в неоновом-розовых лентах, идентифицируя себя как участниц девичника.

Меня охватывает чувство гордости. Я знал, что моя девушка умна, но здесь я недооценил ее. Это не значит, что этот мудака не заплатит за свои действия.

Я врезаюсь в него и ударяю о стойку. Пока он пытается удержаться на ногах, чтобы не расплескать напитки, я ловлю стакан локтем и наблюдаю, как жидкость стекает по его животу и промежности.

Я отодвигаюсь от него, пока он ругается, и направляюсь в коридор, ведущий к туалетам. Я достаю свой телефон и притворяюсь, что поглощен чем-то на экране, когда он пронесется мимо меня и сердито распахивает дверь.

Убирая телефон в карман, я следую за ним внутрь.

Здесь есть четыре туалетные кабинки, все пустые, двери широко открыты. Стена с писсуарами находится напротив раковин. Пьяный парень, покачиваясь на ногах, заканчивает мыть руки и вытирает их досуха, не обращая внимания ни на меня, ни на ругающегося придурка, его слова заглушаются, когда он нажимает кнопку сушилки, нацеленной на его штаны.

Я жду, пока пьяный чувак уйдет, затем достаю из кармана пару перчаток и подхожу к придурку сзади.

Черт возьми, как кто-то может быть таким невнимательным? Этот придурок умоляет меня убить его.

Я обхватываю его руками за шею и тащу в кабинку, самую дальнюю от входа, и захлопываю дверь в кабинку, запирая ее.

— Какого хрена, чувак? Отпусти меня!

Я сильно дергаю и разбиваю его голову о металлический держатель для рулонов туалетной бумаги, чувствуя себя оправданным, когда его бровь рассекается и по лицу течет кровь.

— Ты пытался накачать мою женщину наркотиками, — рявкаю я, мой голос звучит скорее демонически, чем по-человечески.

— Нет, нет, чувак, я бы никогда... — его слова прерываются, когда я заставляю его опуститься на колени и бью лицом о сиденье унитаза.

— Не ври мне, блядь. Выверни свои карманы.

— Пожалуйста, прости меня.

Я снова бью его по лицу, наблюдая, как его кровь растекается по сиденью и стекает по фарфору, капая на плитку внизу.

— Выверни свои гребаные карманы, пока я не отрезал тебе язык за то, что ты лжешь мне.

Он шарит, прежде чем выбросить содержимое своих карманов на пол. Бумажник, связка ключей, пачка сигарет и пакетик с чем-то, похожим на шесть или семь таблеток внутри.

Я наклоняюсь, беру пакет свободной рукой и зажимаю края, сжимая их вместе, пока пакет не откроется.

— Ты пытался трахнуть мою девушку? Ты хотел проникнуть в ее киску, да?

Я снова бью его по лицу, его рыдания как музыка для моих ушей.

— Мне жаль, — выдыхает он.

— Нет, тебе не жаль. Но ты, блядь, будешь. Открой рот.

Я скручиваю его, пока он не оказывается на заднице, моя рука движется от задней части его шеи к горлу.

— Пожалуйста, — умоляет он, но я сжимаю сильнее.

— Открой свой гребаный рот, пока я не вырезал твои глазные яблоки и насильно не скормил их тебе.

Он хнычет, но открывает рот. Я высыпаю таблетки из пакетика внутрь, прежде чем силой закрыть ему рот и зажать нос.

— Теперь глотай.

Он дрожит, и слезы текут по его лицу, но я не сдаюсь, пока не чувствую, как он сглатывает.

— О, прости. Это было немного суховато для тебя? Возможно, немного воды помогло бы, — я дарю ему улыбку, но, судя по выражению абсолютного ужаса на его лице, сомневаюсь, что это приносит ему утешение.

Схватив его еще раз, я разворачиваю его обратно и опускаю его лицо в вонючую воду унитаза, крепко сжимая его шею, пока он бьется.

— Ты действительно думал, что я отпущу тебя? — я смеюсь и прижимаю его крепче. Его ноги дергаются, а движения становятся хаотичными, когда легкие наполняются дерьмовой водой. Наконец, когда он перестает двигаться и его тело обмякает, я отпускаю его и смотрю, как его теперь уже мертвое тело оседает между унитазом и стеной.

Я перешагиваю через него и открываю дверь, закрывая ее за собой, прежде чем подойти к раковине. Открываю кран, снимаю перчатки, засовываю их в карман, затем мою руки.

Выходя из туалета с опущенной головой, я достаю свой мобильный телефон, нажимая кнопку быстрого набора 1.

— Мужской туалет. Последняя кабина слева, — я вешаю трубку и направляюсь в противоположном от бара направлении, перепрыгивая через две ступеньки за раз, пока не добираюсь до кабинета в конце коридора и не захожу внутрь.

Я закрываю за собой дверь и подхожу к огромному стеклянному окну, которое выходит на весь этаж, и наблюдаю за баром, пока не вижу ее в конце, наливающую текилу мужчине, который выглядит как байкер — минус стрижка — и женщине, которая выглядит так, будто ее только что трахнули в переулке снаружи. Кто знает, может быть, так оно и есть?

Отвернувшись, я снимаю джинсы и футболку и кладу их в сумку вместе с бейсболкой и перчатками, прежде чем направиться в смежную ванную и залезть под душ.

Я привожу себя в порядок и возвращаюсь в офис, где за дверью висит мой запасной костюм.

Стук в дверь заставляет меня поднять глаза.

— Войдите, — кричу я, зная, кто это будет.

Кензо открывает дверь и закатывает глаза, когда видит меня голым.

— Я вижу твой член чаще, чем свой собственный, — бормочет он, заставляя меня фыркнуть, когда я натягиваю чистые боксеры и брюки, прежде чем потянуться за отглаженной черной рубашкой и серым галстуком.

— Так кем же был тот мудаком?

— Понятия не имею, но с ним внизу трое приятелей, — я подхожу к окну и показываю на них. Их достаточно легко найти, они все еще в баре, только теперь они разговаривают с

двумя женщинами лет тридцати с небольшим.

— Те трое в конце бара. И проверь женщин. Кто знает, не подсыпали ли в их напитки что-нибудь.

— Ублюдки, — ворчит Кензо. — Хотя на тебя не похоже, что ты применяешь практический подход, — он прав. Обычно я бы вызвал его для чего-то подобного.

— Этот придурок подсыпал что-то в напиток Айви. Она просто была слишком умна, чтобы не выпить это.

— А, это все объясняет, — бормочет он. — Она видела тебя?

— Нет, она меня не видела. Там внизу слишком много народу, чтобы обращать внимание на толпу.

— Черт возьми, Атлас, как ты думаешь, сколько времени пройдет, пока она не узнает, что ты на самом деле ее босс?

— Она не узнает. Я прикажу ее уволить до того, как это когда-либо произойдет.

— Я надеюсь, ты знаешь, что делаешь. Мне она нравится.

— Мне тоже, Кензо. Вот почему все должно быть именно так.

Он вздыхает, но не возражает. Как бы сильно она ему ни нравилась, я знаю, когда дойдет до дела, он всегда прикроет мою спину.

Даже если это означает причинить вред Айви в процессе.

Я сбиваюсь с ног на работе, что отвлекает меня, но каждый раз, когда у меня есть пять минут, чтобы перевести дыхание, гнев снова охватывает меня.

— Что с тобой сегодня вечером? Подожди, только не говори мне, что ты Боб Марли, — дразнит Марвин, заставляя меня нахмуриться.

— Что?

— Знаешь, ты «глушишь». На борту «трусикового экспресса» красный код. Ты плывешь по багровой волне... — я закрываю ему рот рукой и заставляю замолчать.

— Прямо сейчас это объясняет, как ты можешь выглядеть как брат Хемсворта и все еще оставаться одиноким.

Он стряхивает мою руку и смеется: — Да будет тебе известно, дамам нравятся мое большое... — я тыкаю его локтем в ребра.

— Не заканчивай это предложение. Меня не волнует, насколько велико, по твоему мнению, твое... эго. Что-то явно повлияло на твою личность в период полового созревания.

Его ухмылка заразительна, когда я качаю головой и вытираю стойку бара.

— А если серьезно, что не так?

— Мужчины. Вот что не так.

— Я чувствую, что в этот момент я должен вступить за своих братьев и сказать, что не все мы плохие, просто склонны к случайным приступам глупости.

Я не так уверена в этом. То, что сделал Атлас, выходит за рамки приступа глупости. Это контроль и вторжение.

Как бы мне ни хотелось прямо сейчас жаловаться и стонать из-за этого мужчины, что-то меня останавливает. Я ничего не рассказывала об Атласе своим друзьям. Я, честно говоря, думала, что это сойдет на нет и им будет нечего сказать. Серьезно, когда вообще срабатывает сценарий "богатый мальчик — бедная девочка", кроме как в фильмах и книгах? Это не так. Но настойчивость Атласа вымотала меня, и когда я сдалась, я поняла, что мне нравится, что никто о нем не знает. Не потому, что я смущена, а потому, что мне нравится идея иметь что-то, что принадлежит только мне. Провести годы в приемной семье означало делиться всем, хотела я того или нет. Я не могу вспомнить, чтобы было, предназначенное только для меня, и я предполагаю, что в этом суть моей проблемы. Оказывается, Атлас не единственный, у кого есть собственные наклонности. Разница в том, что я, кажется, держу себя в руках, а Атлас принял безумие.

— Ладно, выкладывай. Что происходит?

— У меня вроде как, может быть, есть преследователь, — признаю я, говоря ему правду — просто не всю.

— Что? — он полностью поворачивается ко мне лицом, все следы поддразнивания исчезли с его лица.

— Это не имеет большого значения, — говорю я ему, что звучит неубедительно даже для моих ушей.

— Какого хрена, Айви? Ты не можешь сказать мне, что у тебя есть преследователь, и говорить, что это не имеет большого значения.

— Черт. Ты, конечно, прав. Я просто имею в виду... — мои плечи опускаются. — Я не знаю, Марвин. Он прислал цветы мне домой, и у меня такое чувство, что за мной наблюдают, но никого не вижу. По крайней мере, недостаточно близко, чтобы я могла заметить.

— Он знает, где ты живешь? Айви, это серьезное дерьмо, — он скрещивает руки на груди.

— Я встречаюсь кое с кем. Он ничуть не счастливее тебя. Он установил у меня дома новую, надежную дверь, и когда я с ним, я чувствую себя в безопасности. — я не говорю ему, что Атлас — причина, по которой мне вообще нужна эта чертова дверь, или что я зла на этого человека и предпочла бы спать одна, чем иметь с ним дело прямо сейчас.

— Ну, я думаю, это уже что-то. Я не знал, что ты с кем-то встречаешься. Я рад за тебя, Айви.

Я слабо улыбаюсь ему, прежде чем вытащить свой телефон: — Я не знаю, откуда этот парень знает мой адрес. Не мог бы ты взглянуть на это и сказать мне, есть ли на нем какие-либо шпионские программы? Можешь называть меня параноиком, но я лучше перестраховуюсь, чем потом пожалею.

— Конечно. Ты можешь дать мне десять минут?

— Конечно. Я все равно здесь закончила, так что просто подожду тебя.

— Как ты доберешься домой?

Дерьмо. Уже слишком поздно для автобуса, и я не хочу звонить Питу.

— Почему бы тебе не остаться у меня? Ты можешь переночевать в комнате для гостей, и это даст мне немного дополнительного времени, чтобы проверить телефон, если мне это понадобится.

На мгновение я колеблюсь, зная, что это разозлит Атласа еще больше, но потом вспоминаю, почему мне вообще нужно проверить мой телефон, и решаю, что пришло время ему попробовать собственное лекарство.

— Я приму твое приглашение, если ты сначала проверишь телефон. Я не хочу случайно привести парня к тебе домой.

Он хмурится и начинает смотреть на мой телефон, бормоча что-то о мудаках, пока идет прочь. Марвин — великолепный парень, но единственные чувства, которые я испытываю к нему, — это братские, и я знаю, что то же самое он испытывает ко мне. Он чрезмерно заботлив, какими могут быть только старшие братья, и я знаю, что если я засну в его комнате для гостей, это не значит, что я проснусь с его руками у меня в штанах.

Я выключаю свет, проверяю, что все остальное выключено, и направляюсь в комнату для персонала, чтобы взять свои вещи из шкафчика.

— Пока, Айви, — зовет Бекка, одна из новых девушек, которая кажется милой.

— Пока, — я машу рукой.

Я хватаю куртку и надеваю ее, распуская волосы, и собираюсь закрыть дверцу, когда замечаю листок бумаги, торчащий из угла книги, которую я держу здесь на перерывах.

Предположив, что это моя закладка выскользнула, я вытаскиваю книгу, чтобы засунуть ее обратно, но вместо этого обнаруживаю фотографию. Моя фотография, сделанная ранее вечером, на которой я улыбаюсь одному из клиентов — сомнительному парню, который купил мне бутылку воды, думая, что это может принести ему ночь со мной. Может, у меня и не так уже много денег, но у меня есть моя гребаная гордость.

Я переворачиваю фотографию, и моя рука непроизвольно подлетает ко рту.

Не раздавай улыбки, которые принадлежат мне.

Я комкаю фотографию в руке и бросаю ее в шкафчик, захлопывая дверцу.

— Эй, ты готова идти?

Я выпрыгиваю из собственной кожи при звуке голоса Марвина.

— Господи Иисусе, Марвин. Ты пытаешься убить меня?

— Я не подкрадывался, Айви. Ты в порядке?

Я качаю головой и открываю шкафчик, хватая скомканную фотографию и протягивая ее ему.

Он смотрит на меня в замешательстве. Разворачивая ее и переворачивая, его лицо краснеет, когда слова доходят до него.

— Этот ублюдок был здесь, — рычит он.

— Марвин, — я хватаю его за руку, когда он выглядит так, будто собирается броситься на поиски, что было бы глупо. Кем бы он ни был, он давно ушел. Если только он не ждет меня снаружи.

— Я просто хочу уйти. — И я действительно, действительно хочу, чувствуя себя странно незащищенной теперь, когда я знаю, что парень был здесь. Не имеет смысла, почему это должно меня так сильно пугать. Я уже знаю, что у него есть мой адрес, но там я могу принять меры предосторожности. Здесь, понятия не имея, кто этот человек, я вынуждена общаться с клиентами с улыбкой на лице, не зная, наблюдает ли за мной человек, с которым я разговариваю.

— Конечно. Вот, возьми, — он протягивает мне мой телефон, прежде чем открыть свой шкафчик и взять пальто.

— Плохая новость в том, что ты была права в своей паранойи. Телефон определенно прослушивался. Я отключил все приложения, которые могли бы позволить ему отслеживать тебя, и удалил это, — он показывает мне что-то, что немного похоже на контактные линзы.

— Мы оставим это в твоём шкафчике, чтобы он не смог найти тебя нигде, кроме как здесь. У меня был соблазн уничтожить это, но оно может понадобиться тебе для полиции. Ты ведь обратишься в полицию, верно?

Я уже общалась с детективом Майлзом, но я не могла продолжать бегать к нему с такими тривиальными вещами, не так ли? У этого человека были гораздо более важные дела, чем ненужные цветы и фотография в моем шкафчике. Оставалось позвонить в местный полицейский участок. Я не хотела их впутывать. Я не очень верю в «мужчин в синем», не потому, что я сделала что-то, чтобы привлечь их внимание, а потому, что дети, находящиеся под опекой, часто становятся мишенью для нарушителей спокойствия, хотя зачастую они сами становятся жертвами. Я видела, сколько раз закон подводил людей, иногда потому, что у них были просто связаны руки, а иногда потому, что у них было предвзятое представление о людях, с которыми они имели дело. С каждым разом я все больше теряла веру в систему.

Даже сейчас, будучи взрослым человеком, получающим доход, я не могу не задаться вопросом, будут ли они по-прежнему смотреть на меня так же, как раньше — как на

выброшенный мусор.

Вот что удерживало меня от того, чтобы сообщить об этом. Это, а также тот факт, что продолжать было особо нечего. Но, возможно, пришло время.

— Раньше у меня никогда не было поводов для волнений, но сейчас все по-другому. Даже я это знаю. Я просто не могу сейчас с этим справиться. У меня такое чувство, что моя голова может взорваться. Оставь это в моем шкафчике. Я заберу завтра и отнесу домой после своей смены, а потом позвоню в полицию. Я работаю в утреннюю смену, так что будет проще.

— Ты обещаешь?

— Да, Марвин, я обещаю. Теперь уведи меня отсюда. Давай оставим задний выход, хотя я не знаю, мог ли он околачиваться поблизости, — я нервно потираю руки.

— Я понял, Айви, не волнуйся. Вот, надень это, — он достает шапочку из кармана пальто и натягивает ее мне на голову, заправляя под нее мои волосы, прежде чем натянуть капюшон моей куртки.

— Твои светлые волосы — это что-то вроде маяка. Так будет легче выскользнуть.

Он прав. Он ведет нас вниз по лестнице и выводит из здания, как будто он телохранитель, защищающий Первую леди. Я не вижу ни единой души с того места, где он прижимает меня к сгибу своей руки.

Только когда мы выезжаем с парковки и проезжаем мимо главного входа, я вижу Пита, который ждет меня.

Закрывая глаза, чувствуя себя колоссальной стервой, я достаю свой мобильный и пишу ему, извиняясь, что сегодня вечером остаюсь у друга и он мне не понадобится. Я выключаю свой телефон, чтобы Атлас не начал его взрывать, когда поймет, что я не собираюсь домой.

— Все будет хорошо, Айви. Завтра ты позвонишь в полицию, а я присмотрю за тобой на работе. А как насчет твоего парня? Тебе нужно позвонить ему и сообщить, что происходит?

Я качаю головой, борясь с внезапным желанием заплакать.

— Нет, уже поздно. Он будет спать. Я позвоню ему завтра, — немного искажаю правду. Кажется, я много чего делаю сегодня вечером.

Он не заставляет меня говорить, возможно, чувствуя, что я на пределе. Он просто отвозит нас в свою квартиру, которая находится не так уж далеко от моей.

Он паркует машину, и я выхожу, не дожидаясь его, как я бы ждала Пита или Атласа. Сегодня вечером я просто нормальная девушка, а нормальные девушки сами открывают свои гребаные двери.

Квартира Марвина на первом этаже, так что мне не нужно подниматься по лестнице. Тяжесть всего этого давит на меня, и все, чего я хочу, это принять душ, рухнуть в обморок и, возможно, проспаться остаток года.

Включив свет, я осматриваю очевидную холостяцкую берлогу и ухмыляюсь беспорядку.

— Не осуждай. Я не ожидал компании. Хотя обещаю, что в комнате для гостей прибрано. Ею пользуется только моя сестра, когда приезжает в гости.

— Все хорошо, клянусь. Я просто готова заснуть стоя, — признаюсь я.

— Тогда давай я покажу тебе твою комнату, чтобы ты могла прилечь.

Я следую за ним через кухню в узкий коридор и вниз к двери в дальнем левом углу.

Он открывает ее и обнаруживает светло-мятную комнату с бело-зеленым постельным бельем и высоким белым комодом в углу.

— Вон там ванная с чистыми полотенцами. Хочешь футболку, чтобы спать в ней?

— Это было бы здорово. Спасибо тебе, Марвин. За все.

Он тянется ко мне и притягивает в объятия, крепко держа меня в течение минуты, прежде чем отступить и посмотреть на меня сверху вниз.

— Ты напоминаешь мне мою сестру. Мне хотелось бы думать, что если бы она оказалась в такой ситуации, кто-нибудь вмешался бы и помог ей. Конечно, это было бы после того, как я надрал бы ей задницу за то, что она не позвонила сначала мне, — признается он, заставляя меня усмехнуться.

— Ей повезло, что у нее есть ты.

— Обязательно скажи ей это, когда она придет в гости.

Я киваю и соглашаюсь, в то время как он исчезает в другом конце коридора и появляется через несколько минут с большой выцветшей футболкой какой-то группы.

— Отдохни немного. Увидимся утром, хорошо? И если тебе что-нибудь понадобится, просто позови. Я прямо напротив по коридору.

— Я в порядке, но все равно спасибо. Спокойной ночи, Марвин.

— Спокойной ночи, Айви.

Я принимаю самый быстрый в мире душ, натягиваю свежестыранную футболку Марвина и забираюсь на кровать. Моя голова едва касается подушки, как я вырубаясь.

Ранние утренние лучи отбрасывают теплый золотистый оттенок на ее гладкую обнаженную кожу, когда она лежит обнаженная, раскинувшись поперек кровати.

Я разминаю затекшую от долгого сидения в одном положении спину, но, как ни стараюсь, не могу заставить себя подняться с сиденья.

Я жду, когда она проснется, зная, что действие успокоительного, которое я ей дал, скоро закончится. Я использую его не в первый раз, но люди, на которых я обычно его использую, гораздо крупнее Айви, поэтому мне пришлось соответствующим образом скорректировать дозу. Как бы я ни был бесспорно зол прямо сейчас, я не хочу причинять какой-либо длительный ущерб.

Прошлой ночью, сидя на заднем сиденье машины после того, как я приказал Питу следовать за ней, моя кровь вскипела до такой степени, что все, что я хотел сделать, это что-нибудь разрушить.

И что может быть лучше для уничтожения, чем этот маленький гребаный придурок, который думает, что может прикоснуться к тому, что принадлежит мне?

Я не так терпеливо ждал на заднем сиденье машины, когда погаснут все огни и люди внутри уснут, пока пользовался своим мобильником, чтобы вычеркнуть этого человека, который жалеет, что он не трахает Айви.

Используя отмычку, я быстро справился с дверью, что чертовски забавно, особенно для живущих на первом этаже. Если это была его попытка уберечь Айви, то он потерпел неудачу на стольких гребаных уровнях. Вот почему я ей нужен. Я единственный, кто может защитить ее от монстров вроде меня.

Единственная причина, по которой я оставил его в живых, это то, что я нашел ее в отдельной комнате и обе их двери были закрыты. Я знаю, что они не трахались. Ни за что на свете он не смог бы заполучить Айви, а потом вышвырнуть ее из своей постели.

К счастью для него, на этот раз он останется в живых, но это единственная уступка, которую я могу предложить.

Я первым зашел в его комнату и вытащил шприц из кармана. Сняв зубами колпачок, я воткнул иглу ему в бедро и ввел лекарство в его организм, поймав его руку, когда он потянулся, чтобы отмахнуться от того, что, я уверен, он принял за укусы.

— Что за... — его голос прервался прежде, чем он смог закончить, поскольку он снова

потерял сознание.

Я оставил его там, где он был, зная, что с ним не будет проблем. Он проснется утром с головной болью и не вспомнит, что я был здесь или большую часть предыдущего вечера.

Затем я пересек коридор к комнате, в которой спала Айви, и достал второй шприц, перепроверив его, прежде чем задрать футболку к ее бедру. Благодаря тому, что в моем штате есть врач, в моем распоряжении все виды наркотиков. То, что я дал придурку в другой комнате, сработало как GHB, сделав его бесполезным и оставив его с ошибочной памятью, когда он, наконец, проснется.

Не желая, чтобы Айви что-то забыла, я вместо этого дал ей снотворное, мне нужно было только, чтобы она продолжала спать ради меня.

Я вонзил иглу ей в кожу, ее тело дернулось, когда она закричала. Она боролась и хныкала, прежде чем потерять сознание.

Я снова закрыл иглу и положил ее обратно в карман, успокаивая кожу в том месте, куда я ее воткнул.

Не в силах сопротивляться, я задрал футболку выше, переворачивая ее на спину, открывая ее обнаженную киску.

— Ублюдок. — Неужели я был неправ? Какого хрена ей быть голой под футболкой, если она не трахалась с ним?

Я взглянул на дверь и уже подумывал перерезать ему горло, когда заметил на комодке ее сверток с одеждой, включая нижнее белье.

Я поднял их и глубоко вдохнул, используя ее эссенцию, чтобы успокоиться.

Повернувшись к ней и увидев, что ее волосы были влажными, я понял, что она приняла душ. Кусочки головоломки встали на свои места. Она не хотела снова надевать свои грязные вещи. Хмуро глядя на футболку, я сопротивлялся желанию сорвать ее с ее тела, пока не вытащу ее отсюда.

Положив в карман ее стринги, я вернулся к кровати, мои руки в перчатках скользили вверх по ее бедру, пока я не достиг жара ее киски.

Я ввел в нее палец и некоторое время двигал им взад-вперед, прежде чем вытащить его и засунуть себе в рот.

Я помню, как застонал, когда вкус Айви взорвался у меня на языке, заставив мою голову закружиться. Мне едва удалось удержаться от того, чтобы не трахнуть ее тут же, пока она была распростерта и уязвима передо мной.

К счастью для нее, вкуса ее меда было достаточно, чтобы удержать монстра на расстоянии.

Я подхватил ее на руки в стиле невесты и понес к ожидающей машине.

Пит приготовил для меня открытую дверь, закрыв ее, как только мы оказались внутри.

Я набрал Кензо, как только нашел Айви, и дал ему адрес.

— Мне нужна одежда Айви из спальни слева и все остальное из ее вещей, что ты можешь увидеть.

— Сделано. Что-нибудь еще?

Я на мгновение заколебался. Мне действительно следовало просто убить его и покончить с этим.

— Поставьте пустую бутылку из-под любого алкоголя, который у него есть, рядом с его кроватью. Я хочу, чтобы он думал, что его избili. Я хочу его фотографии в компрометирующей позе. Кое-что, что мы можем использовать для шантажа, если

потребуется, и выясни о нем все, что сможешь. Имя Марвин, фамилия Кин.

— Понял. — Он повесил трубку как раз в тот момент, когда Пит отъехал от тротуара.

Я закрыл перегородку между нами, не желая, чтобы даже Пит смотрел на Айви.

Тишина тянулась, пока Пит вел нас по улицам города, но я не отводил глаз от Айви, чья голова лежала у меня на коленях, ее худощавое тело вытянулось поперек сиденья.

Поглаживая пальцем ее щеку, я воспользовался секундой, чтобы оценить тихое одиночество. Когда она проснется, это превратится в битву желаний, в которой у нее нет шансов победить. Не то чтобы это остановило бы ее. Явное упрямство Айви — такая же часть ее очарования, как и часть ее проклятия.

Наматывая прядь волос на палец, я наблюдал, как она выскользывает из моей хватки, и нахмурился из-за символизма. Но я не позволю Айви ускользнуть. Я просто усилю хватку.

Сунув руку под куртку, я вытащила нож из чехла, поднял прядь волос с затылка Айви, чуть выше затылка, и отрезал ее.

Держа прядь волос в руках, я поднес ее к носу и вдохнул, уловив слабый аромат кокоса и лайма, который она так любит.

Сунув прядь волос в карман к ее нижнему белью, я вернул нож в ножны и нежно провел пальцами по ее лицу.

Такая умиротворенная во сне, что было легко запомнить каждую веснушку. Когда она не спит, ее лицо такое оживленное, что я скусаю по мелочам, таким как крошечная родинка над ее губой, которую мне хочется лизнуть, и слабый шрам, пересекающий бровь пополам, где она, должно быть, когда-то ее порезала.

Ощущение грубой кожи у линии роста ее волос заставило меня остановиться и нахмуриться. Я не уверен, что могло быть причиной этого, но ощущение почти как от ожога.

Я пытался рассмотреть получше, но было слишком темно. Не то чтобы это имело значение. У нас есть все время в мире, чтобы я мог исследовать каждый дюйм ее тела.

Когда я почувствовал, что машина замедляет ход, я выглянул в окно и понял, что мы уже добрались до дома. Я подождал, пока машина остановится и Пит откроет дверь.

Он ничего не сказал, когда я вылез с Айви на руках. Его глаза быстро пробежались по ней, прежде чем он закрыл дверь и вернулся на водительское место.

— Отправляйся домой и отдохни. Я позвоню тебе, если ты мне понадобишься, — тихо сказал я ему. Он наклонил голову, давая мне понять, что услышал меня, прежде чем вернуться в машину и отъехать.

Занеся Айви внутрь, я отнес ее прямо наверх, в свою спальню, и осторожно положил на кровать, прежде чем оставить ее, пока я проверял, заперта ли остальная часть дома.

Когда я вернулся, она была в том же положении, наркотик все еще держал ее под действием.

Я снял костюм и боксеры, прежде чем принять душ и смыть с себя воспоминания о прошедшем дне. У меня бывали дни и похуже, но ни один из них не вызывал у меня такого чувства неудовлетворенности, как этот.

Я вытерся и отрегулировал обогрев, чтобы в комнате оставалось тепло.

Подойдя к кровати, я снова схватил свой нож и срезал футболку с ее тела, разорвав ее в клочья. Я никогда не позволю ей носить одежду другого мужчины. Она должна это знать.

Я сдернул испорченный материал и бросил его на пол, прежде чем уложить Айви на кровати в более удобное положение. Ну, удобное для меня.

Я положил ее голову на подушки и позволил своим глазам блуждать по ее телу.

Раздвинув ее ноги, я наклонился и глубоко вдохнул, прежде чем провести языком по ее входу.

С рычанием я оторвался от него, зная, что мой самоконтроль пошатнулся. Будь я проклят, если позволю маленькой лисице спать, пока я претендую на ее тело.

Вместо этого я схватил стул из угла комнаты и поставил его в изножье кровати, открывая себе идеальный вид на ее сладкую киску. Вытащив пистолет из кобуры, я положил его на комод позади себя, зная, что буду беспокоиться, если он не окажется в пределах досягаемости.

Откинувшись назад, я скрестил ноги, положив лодыжку на колено, и наблюдаю за ней, игнорируя свой пульсирующий член. С этим должна разбираться Айви.

Это возвращает нас к настоящему моменту, наблюдая, как она шевелится и двигается по кровати, пытаюсь поймать последние несколько мимолетных секунд своих снов, прежде чем вторгнется реальная жизнь. Наклоняясь, я медленно глажу свой все еще твердый член и облизываю губы в предвкушении.

Я вижу точный момент, когда она выскользывает из пелены сна и понимает, что она не в том месте, где заснула, и она обнажена.

Она резко выпрямляется, крик готов сорваться с ее губ, когда ее взгляд останавливается на мне.

— Сладкая Айви.

— Какого хрена, Атлас? — она орет, ее грудь вздымается, когда она пытается использовать свой гнев, чтобы скрыть свой страх.

Я встаю и подхожу к ней, все еще поглаживая свой член, и с удовлетворением наблюдаю, как она взбирается на кровать.

— Следи за своим языком, — предупреждаю я ее, мои слова мягкие, но угрожающие. Она, должно быть, слышит в них насилие, потому что ее рот закрывается со слышимым щелчком.

— Кажется, я был небрежен, в отношении правил.

Я подхожу к краю кровати и протягиваю руку, хватая ее за волосы, когда она пытается перелезть через край кровати.

— Итак, Айви, ты действительно не хочешь разозлить меня еще больше, не так ли?

Она делает паузу, ее дыхание учащенное и громкое во все еще тихой комнате, прежде чем она, наконец, отвечает тихим шепотом: — Нет.

— Хорошая девочка. Теперь подойди ближе.

Она не двигается, просто смотрит на меня широко раскрытыми от страха глазами.

— Или ты двигаешься, или я тебя потащу, — резко говорю я ей.

Она мудро придвигается ближе, пока не оказывается прижатой ко мне там, где я стою.

Я отпускаю ее волосы, беру с кровати подушку и бросаю ее на пол у своих ног.

— На колени, — приказываю я. Ее глаза вспыхивают, но она скрывает эмоции, прежде чем я успеваю понять, желание это или страх. Возможно, немного того и другого. Кажется, моему невинному ангелу нравится, когда ему говорят, что делать.

Она соскальзывает с кровати и опускается на колени на подушку, прежде чем посмотреть на меня, ожидая следующих указаний.

— Руки за спину.

Она заводит руки за спину, что отталкивает ее плечи назад и маняще выпячивает грудь.

— Ты повесила трубку, а затем выключил свой телефон, чтобы я не мог связаться с

тобой. Вместо того, чтобы дать мне шанс объясниться, ты убежала от меня и спряталась, как ребенок.

— Я не убегала от тебя, — перебивает она, но замолкает, когда я пристально смотрю на нее.

— Ты заставила меня волноваться. Ты даже не отправила мне сообщение, чтобы сказать, что ты в безопасности. У тебя есть гребаный преследователь, Айви, и ты подвергаешь себя опасности, просто чтобы доказать свою точку зрения.

— Ты отслеживал мой телефон. Кто так делает? — она огрызается.

Я хватаю ее за волосы и запрокидываю голову назад.

— Я. Когда ты принадлежишь мне, я должен тебя защищать, независимо от того, со мной ты или нет, и я, блядь, не могу этого сделать, если не знаю, где ты! — отрезаю я.

— Как ты нашел меня у Марвина? Боже мой, что ты с ним сделал?

— Я ничего не сделал твоему маленькому другу, но если ты упомянешь его еще раз, особенно в этой спальне, я вырежу его сердце и подарю его тебе. Может быть, тогда ты вспомнишь, кому ты принадлежишь, — рычу я и вижу, как слезы наполняют ее глаза.

— Позволь мне сказать одну вещь, тогда я никогда больше не буду упоминать его, — шепчет она, когда одна слеза скатывается по ее лицу. — У нас отношения брата и сестры. Ни меньше, ни больше. Мы никогда не были влюблены друг в друга в романтическом плане и никогда не будем. Возможно, я была зла на тебя, Атлас, но я бы никогда этого не сделала.

Я наклоняюсь и прижимаюсь своими губами к ее: — И именно поэтому, Айви, он все еще дышит.

Выпрямляясь, я сжимаю свой член свободной рукой и слегка дергаю ее за волосы.

— Открой.

Я жду, пока ее рот широко откроется, прежде чем просовываю свой член между ее губ.

Удерживая себя неподвижно, прижимая член к ее языку, я ласкаю ее лицо.

— Покажи мне, как сильно ты сожалеешь, Айви, и я, возможно, буду в настроении прощать.

Вынимая свой член обратно из ее горячего влажного рта, пока не остается только кончик, я даю ей секунду, чтобы перевести дыхание, прежде чем снова вонзиться, не останавливаясь, пока не услышу, как она давится.

Я поддерживаю устойчивый темп, никогда не давая ей больше, чем она может принять, но подталкиваю ее дальше, чем когда-либо подталкивали раньше, используя свою власть над ней, зная, что она капитулирует передо мной или столкнется с последствиями.

Держа руки за спиной, она наклоняет голову, посасывая достаточно сильно, чтобы впали ее щеки, прежде чем скользнуть языком по моему стволу, когда она отстраняется.

— Черт, так хорошо, — хриплю я, чувствуя, что уже близок к тому, чтобы кончить.

Усиливая хватку, я толкаюсь сильнее и быстрее, заставляя ее взять больше. Слезы текут из ее глаз, стекая по щекам и капая с подбородка. Она выглядит чертовски сексуально, и эта уязвимая невинность — моя погибель.

— Расслабь горло, Айви, и впусти меня.

Она сопротивляется и давится, но расслабляется достаточно, чтобы кончик проскользнул в ее горло. Когда она глотает, это сильно сжимает меня, отправляя за край.

Я кончаю, издавая предупреждающее проклятие, крепко держа ее, не оставляя ей другого выбора, кроме как выпить меня до дна.

Когда я выдыхаюсь, я высвобождаюсь и глажу ее по волосам, пока она пытается

восстановить дыхание.

Когда она снова смотрит на меня с равной долей уязвимости и вызова, я обнаруживаю, что мой член снова твердеет.

Я подхватываю ее на руки и бросаю на кровать, прежде чем забраться к ней сзади.

Я ложусь на спину, а она настороженно наблюдает за мной.

— Забирайся навверх. Я хочу, чтобы твоя прелестная киска оказалась у меня на лице.

Ее кожа краснеет, когда она кусает губы.

— Сейчас, Айви.

Она ползет вверх по моему телу, пока не оказывается верхом на моем лице и не хватается за раму кровати для равновесия.

— Господи, Айви, с тебя течет. Тебе нравится, когда я трахаю твое лицо, да? Так чертовски идеально, — я хватаю ее за бедра и притягиваю ближе, накрывая ртом ее клитор и сильно посасывая, заставляя ее бедра выгибаться.

Я чувствую, как ее соки покрывают мой подбородок, когда она теряет контроль и начинает кататься на моем лице, растирая его, добиваясь большего трения.

Я трахаю ее своим языком, пока не чувствую, что ее ноги начинают дрожать, а стенки начинают сжиматься, затем я переворачиваю ее на спину и забираюсь между ее ног.

Пришло время.

Все еще дезориентирована, я оказываюсь распластанной на спине, Атлас нависает надо мной, а его твердый член прижимается к моей киске.

— Атлас, — хнычу я, не уверенная, от нужды это или в знак протеста.

— Скажи мне, что ты моя, Айви.

Я стону, когда он скользит своим членом по моему клитору: — Пожалуйста, Атлас.

— Скажи мне, Айви. Скажи мне, что ты меня понимаешь. Это тело мое, это сердце мое и если будет моя воля, я украду твою душу у самого жнеца, чтобы привязать тебя ко мне на вечность. Теперь скажи мне, что ты, блядь, понимаешь меня, — рычит он.

— Я понимаю, о черт, пожалуйста, просто трахни меня уже! — я кричу, и это переходит в визг, когда Атлас вонзает свой член в меня по самую рукоятку.

Мои стенки вздрагивают и протестуют, пытаюсь вытеснить его, но Атлас не дает мне времени приспособиться.

Он выскальзывает почти полностью только для того, чтобы вонзиться обратно с жестокой дикостью, которая одновременно причиняет боль и доставляет удовольствие.

— Теперь ты моя, Айви. Это будет мое кольцо на твоем пальце и мое семя в твоем животе. Если ты попытаешься убежать от меня снова, я запру тебя, приковав к себе в переносном и буквальном смысле, чтобы ты была рядом со мной. Не дави на меня, детка, потому что ты никогда не победишь, только не у меня, — предупреждает он, прежде чем слизывает мои слезы.

Я ощущаю страх, который пронизывает меня, таким, какой он есть. Я не глупа, даже когда борюсь с притяжением к нему, которое притягивает меня. Я знаю, что эти отношения — образец дисфункциональности, но уходить от него — все равно что пытаться остановить вращение луны вокруг солнца. Мне в любом случае будет больно, так почему бы не погрузиться в пылающий восторг?

— Ты собираешься кончить, милая Айви? Ты собираешься покрыть мой член своей влагой, заклеить меня, как я заклею тебя?

— Да, да.

Его рот накрывает мой, пока он трахает меня в постели. Я чувствую свой вкус на его губах, что только подталкивает меня ближе к краю.

Я посасываю его язык, вызывая у него рычание, когда он отрывает свой рот от моего и впивается зубами в мое плечо. От болевого шока мои стенки плотно сжимаются вокруг него, когда я брыкаюсь и кричу, увлекая его за собой через край. Я царапаю ногтями его спину, когда он рычит и кончает.

Он наваливается на меня, его вес пригвозждает меня к месту, становится трудно дышать,

но мне это нравится. Что-то в том, что я заставляю этого мужчину сломаться, заставляет меня чувствовать себя могущественной. Слишком быстро он скатывается с меня и тащит меня вверх по своему телу, вытягивая одну из моих ног так, чтобы она перекинулась через его бедро. Он кладет руку мне на задницу, другой откидывает мою голову, чтобы я могла смотреть на его серьезное лицо.

— Не пытайся сбежать снова.

— Я не убегала, Атлас. Клянусь. Если бы у меня была моя машина, я бы поехала домой и просто проигнорировала бы тебя, когда ты пришел, чтобы сексом заставить меня подчиниться. Я была зла, и это правильно. Мы будем сражаться, Атлас. Это то, что делают люди в отношениях, но это не значит, что я собираюсь тебя бросить. Иногда девушке просто нужно пространство, чтобы все обдумать и разобраться во всем этом дерьме.

Он на мгновение замолкает, обдумывая мои слова. Почему-то я сомневаюсь, что что-то из этого усвоится и мы не раз окажемся в тупике. Но если он собирается наказывать меня именно так, я уверена, что смогу справиться с последствиями.

Проведя его пальцами по моей спине, я чувствую, как мои глаза снова начинают тяжелеть, прежде чем мне приходит в голову мысль.

— Как тебе удалось вытащить меня от Марвина так, что я даже не проснулась?

Его руки замирают, заставляя меня посмотреть на него.

— Я дал тебе снотворное, — спокойно отвечает он.

— Что? — потрясено шепчу я. — Пожалуйста, скажи мне, что ты шутишь.

Он смотрит на меня сверху вниз и хмурится: — Я не шучу.

Я вырываюсь и собираюсь слезть с кровати, когда обнаруживаю, что лежу на спине, а Атлас лежит на мне сверху.

— Ты спятила?

— Я спятила? Ты, блядь, сейчас издеваешься надо мной? — я кричу и пытаюсь освободиться, но Атлас намного сильнее, он с легкостью удерживая меня. Единственное, к чему привело мое извивание, это еще раз разбудить Атласа-младшего.

— Я мог бы убить Марвина и вырубить тебя, — отмечает он.

Мое сердце колотится в груди, пытаюсь убедить мозг, что он шутит, но я уже не так чертовски уверена.

— Ты шутишь. Боже, пожалуйста, скажи, что шутишь. Как насчет того, чтобы в следующий раз, когда мы поссоримся, ты подождал, пока мы оба успокоимся, а затем поговорил со мной на следующий день? Никаких наркотиков или замыслов убийства, — огрызаюсь я, закрывая глаза и отгоняя от себя его слишком красивое, чтобы быть человеческим, лицо, чтобы сосчитать до десяти.

Однако из-за того, что мои глаза были закрыты, я не смогла прочесть выражение его лица. Когда он входит в меня, мои глаза широко распахиваются, чтобы увидеть его грозное выражение, дающее мне понять, что то, что я сказала, толкнуло его через край.

— Следующего раза не будет, Айви. Считай это своим предупреждением. Выкинешь что-нибудь подобное еще раз, и все, что случится потом, будет на твоей совести.

Он сердито входит и выходит из меня. Даже несмотря на то, что я раздумываю над тем, чтобы ударить его кулаком в горло, мое тело реагирует на этого засранца, как и всегда.

Опираясь всем своим весом на одну руку, он обхватывает свободной рукой мое горло, демонстрируя, как легко ему было бы причинить мне боль. Его удерживает только его сдержанность, и даже я вижу, насколько она сейчас изношена. Не будучи достаточно

смелой, чтобы давить на него еще больше, я закрываю рот и свирепо смотрю на него, когда он толкается достаточно сильно, чтобы я немного приподнялась на кровати.

Прижимаясь губами к моему уху, он говорит: — Тебе повезло, милая Айви, что прямо сейчас я нахожусь в своем счастливом месте.

— Твоя спальня — твое счастливое место? — я издеваюсь, крепко сжимая его руки, держась за них изо всех сил.

— Твоя киска — мое счастливое место, — стонет он, замедляя свои движения.

Отдаваясь ощущениям, я неохотно стону, обещая себе, что позже побью себя за слабость.

Мне требуется некоторое время, чтобы понять его мотивацию, когда он замедляет движения, осыпая нежными поцелуями мое ухо и плечо. Атлас занимается со мной любовью. Или, по крайней мере, его версия этого.

Твою мать.

Его рука на короткую секунду сжимается на моем горле, как будто беспокоясь, что я разгадала его слабость, но не нужно быть гением, чтобы понять, что его слабость — это я.

Моя спина выгибается, когда я отвечаю ему, впиваясь в его губы и хватая за волосы, прижимая его к себе, заставляя его одобрительно рычать. Его толчки становятся более сильными, но он не ускоряет темп, сводя меня с ума потребностью в большем.

Он не торопится, поклоняясь каждому дюйму меня, пока мое тело не становится похожим на провод под напряжением. Только тогда он протягивает руку между нами и обхватывает пальцами мой чувствительный комочек нервов.

— Кончи для меня, сладкая, — шепчет он, крепко прижимая меня к себе, и я позволяю его словам захлестнуть меня, вырывая оргазм из моего тела за секунду до того, как он присоединяется ко мне.

Я чувствую, как слезы снова текут по моему лицу, когда он поднимает голову, чтобы посмотреть на меня. Я даже не знаю, почему я плачу.

Смахивая их поцелуями, он на минуту прижимается своим лбом к моему, укрепляя связь между нами, прежде чем отстраниться.

— Пойдем. Давай примем душ, а потом сможем поспать несколько часов. Я устал.

— Ты вообще спал прошлой ночью? — спрашиваю я, обвивая руками его шею, когда он поднимает меня с кровати.

— Я должен был убедиться, что с тобой все в порядке, — он ведет нас в ванную и включает душ, ожидая, пока он нагреется, прежде чем зайти внутрь.

Я размышляю над его словами, пока вода стекает по моим ноющим конечностям.

Он присматривал за мной всю ночь, чтобы убедиться, что я в безопасности, но мне бы не причинили вреда, если бы он с самого начала не накачал меня наркотиками.

Это плохо. Очень, очень плохо и чертовски незаконно. Его, очевидно, это не волнует, но тогда, если он такой плохой, почему он ждал, пока я приду в сознание, чтобы трахнуть меня? Я уже была полностью в его власти. Если бы ему было наплевать на мои чувства, он бы остановил себя? Или я просто пытаюсь оправдать его ебанутые действия? Я знаю, что плохой человек может творить добро, а хороший человек может совершать плохие поступки, но я понятия не имею, какое место в этой шкале занимает Атлас. Ни одна из частей этой головоломки не складывается, и вместо того, чтобы находить ответы, я просто получаю еще больше вопросов. Среди неразберихи выделяется только один факт.

— В тебе есть гораздо больше, чем то, что ты мне рассказал, не так ли? — тихо

спрашиваю я, не ожидая ответа.

Он осторожно ставит меня на ноги и методично моет, очищая каждый дюйм моего тела, прежде чем вымыться самому.

Мы не обмениваемся ни словом, пока он не выключает воду и не прикладывает ладонь к моей челюсти.

— Я нехороший человек, Айви, но я могу быть добр к тебе, — выдыхает он мне в губы. Он говорил мне это раньше, в самом начале, но я никогда не обращала особого внимания. Я чертовски уверена, что слушаю сейчас.

— Насколько плохим ты можешь быть? Ты, конечно, напугал меня, но в тоже время проявил сдержанность и нежность. Ты хочешь причинить мне боль?

— Иногда, — он признается. — Мне нравится, когда ты кричишь.

Я тяжело сглатываю, когда он хватается полотенце и вытирает нас обоих, прежде чем бросить полотенце в раковину и подхватить меня на руки.

Возвращаясь в спальню, он откидывает одеяло, прежде чем уложить меня в центре кровати.

Ожидая, что он заберется ко мне рядом, я удивляюсь, когда он забирается между моих ног и натягивает на нас одеяло, прежде чем положить голову мне на сердце и обхватить мою грудь.

Я провожу пальцами по его волосам, успокаивая монстра, в очередной раз задаваясь вопросом, почему я до сих пор не сбежала. Моя неспособность уйти говорит больше обо мне, чем о нем. Конечно, он мог заставить меня остаться, запереть в башне, как чертового сказочного персонажа. Если бы я была в здравом уме, я бы кричала, вопила и боролась за свободу, какими бы призрачными ни были шансы.

Запускаю пальцы в волосы дьявола, который возвышается надо мной, как дракон, охранявший свое сокровище, заставляет меня усомниться в своем здравомыслии.

Если то, что происходит между нами, так же токсично, как сейчас, то, несомненно, чем дальше мы продвигаемся, тем больше это будет становиться порочным. И все же... Я вздыхаю, зная, что с воскресенья я облажалась шестью способами.

Я даже не могу претендовать на то, чтобы быть одной из тех женщин, которые остаются в надежде, что смогут изменить его. Я не питаю иллюзий, что *могу* изменить его, больше я этого не хочу. Это его дикая жестокость, к которой меня влечет, как мотылька к пламени, и я продолжаю возвращаться, надеясь, что не обожгусь.

Он — яд, но прямо сейчас ничто и никогда не было слаще на вкус.

— Насколько плохим ты можешь быть? — я повторяю свой предыдущий вопрос. — Переход на красный и неоплаченные штрафы за превышение скорости? — с надеждой спрашиваю я.

Он поднимает голову и пристально смотрит на меня.

— Ты хочешь знать правду или хочешь, чтобы я солгал тебе?

Я провожу пальцем по изгибу его носа, прежде чем провести по губам. Кладу руку на его щеку и шепчу: — Солги мне.

Он поворачивается и запечатлевает поцелуй на моей ладони.

— Штрафы за парковку и переход на красный свет, — тихо отвечает он, прежде чем снова прислонить голову к моему сердцу.

Я крепко закрываю глаза, сдерживая волну эмоций.

Я могу попросить его солгать мне тысячу раз, но я никогда не смогу солгать самой себе.

Пребывание с Атласом не изменит мужчине, которым он является, но это изменит женщину, которой я стала.

Все надежды и мечты моих родителей о маленькой девочке, которую они вырастили, обратятся в пепел, если я возьму за руку дьявола, и все же я знаю, что уже слишком поздно.

Боюсь, нет ничего такого, чего бы я не сделала для Атласа, включая прогулку в огненные бездны ада.

Когда я просыпаюсь, то с удивлением обнаруживаю, что я одна.

Потягиваясь, я поднимаюсь с кровати, хватаю одну из рубашек Атласа и надеваю ее, прежде чем отправиться на его поиски.

Запах кофе заставляет меня направиться на кухню, но прежде чем я добираюсь туда, я слышу сердитый голос Атласа. Когда я не слышу ответа, я делаю вывод, что он разговаривает по телефону. На мгновение я колеблюсь и подумываю о том, чтобы повернуть назад, но думаю, что если бы он хотел, чтобы его не беспокоили, он бы перенес это на свое закрытое рабочее место.

Кухня пуста, хотя кофейник полон, поэтому я наливаю себе кружку и смотрю в окно на потрясающий сад, наполненный цветами всех форм и оттенков. У меня возникает искушение выйти наружу, чтобы получше рассмотреть, но я отказываюсь от этого, когда слышу приближение Атласа.

Увидев, что я стою на островке, он подходит ко мне, прижимая телефон к уху, и крепко целует меня в губы, прежде чем забрать мой кофе.

Он делает глоток и морщится, заставляя меня усмехнуться. Для него слишком много сливок и сахара. Что ж, так ему и надо. Я имею в виду, я знала, что этот человек сумасшедший, но он, должно быть, психопат, раз крадет у человека кофе.

— Я сказал "нет". У тебя что-то не так со слухом, старик? Возможно, тебе нужно обратиться к врачу, — рычит он в трубку, прежде чем вздохнуть.

— Ты у меня в долгу. — Он вешает трубку и снова целует меня, прежде чем схватить свою пустую кружку с подставки позади меня и снова наполнить ее.

— Все в порядке?

— Просто мой отец выводит меня из себя. Ничего нового.

Я чуть не давлюсь своим кофе: — Ты так разговариваешь со своим отцом? Черт возьми. Я была бы наказана пожизненно.

— Мне тридцать пять, Айви, — он усмехается.

— Да, и я все еще была бы наказана в тридцать пять, если бы так разговаривала.

Он качает головой, как будто это мило, но я серьезна. Мои родители не были чрезмерно строгими, но им не нравились резкие высказывания, или дерзость, как называл это мой папа.

— В любом случае, мне нужно уехать из города на ночь. Но я вернусь завтра. Я хочу, чтобы ты пообещала мне, что воспользуешься услугами Пита для работы сегодня вечером и для любых других поездок, которые тебе нужно будет совершить.

Я с лёгкостью киваю. Я стала немного избалованной тем, что Пит в моем распоряжении, и мне не хочется снова пользоваться автобусом.

— Почему бы тебе не остаться здесь на ночь?

— Не хочу быть здесь без тебя, но я останусь у тебя завтра, если ты этого хочешь.

— Я хочу, чтобы ты была в моей постели каждую ночь, Айви, — он ставит свой кофе на стойку, берет мой и ставит рядом со своим.

— Я не делаю ничего наполовину. Это..., — он указывает на пространство между нами, прежде чем схватить меня за бедра и притянуть к своей эрекции — ... настолько реально, насколько это возможно. Я никогда ни к кому не испытывал таких чувств, какие испытываю к тебе. Мне абсолютно похуй, насколько это быстро. Когда ты знаешь, ты знаешь. Это ты и я, Айви. Вчера, сегодня, завтра.

Я прижимаюсь головой к его груди и вздыхаю.

— Я хочу посмотреть, к чему это приведет, Атлас, но мы движемся так быстро, что я боюсь, что в конечном итоге получу удар хлыстом. Давай просто делать это день за днем. Никаких ожиданий, никаких ярлыков.

— Нет. Блядь, нет. Я хочу все ярлыки. Черт возьми, я бы поставил свое имя на твоей заднице, если бы... — он замолкает, словно обдумывает эту идею, поэтому я тыкаю его пальцем в грудь.

— Если ты попытаешься заклеить меня, я подожгу тебя.

Он раздражается смехом. Видите? Сумасшедший.

— Ладно, никакого клеймения... пока. Я соглашусь, если ты наденешь мое кольцо, — он шлепает меня по заднице, прежде чем уйти, оставляя меня брызгать слюной.

— Атлас! Атлас! — я кричу, но единственный звук, который я слышу, — это смех.

Я улыбаюсь, когда он исчезает, но мои мысли проносятся со скоростью миллион миль в минуту.

Он накачал меня наркотиками. Он. Накачал. Меня. Наркотиками. Я повторяю себе это снова и снова, потому что просто не могу уложить это в голове. И все же, вот я стою здесь, потягивая кофе на его кухне, как будто это нормально.

Мне нужен психотерапевт или, может быть, священник, потому что со мной что-то серьезно не так.

Я высаживаю Айви у дома и оставляю ее с поцелуем, который удерживает меня в двух секундах от того, чтобы сказать «к черту все», но, зная моего отца, он появился бы у моей двери, и это нарушило бы мои планы.

Я стучу в дверь управляющего на первом этаже и жду, когда он ответит. Он распахивает ее с хмурым видом, который исчезает, когда видит, что это я.

Я пихаю ему пачку стодолларовых банкнот и прижимаю их к его груди.

— Отключи звонок в квартире Айви. Сегодня также придет кое-кто, кому нужно будет войти, не общаясь с тобой.

— Хорошо. Неважно. Я ничего не видел. Я ничего не знаю, — он пожимает плечами, отчего мне хочется врезать кулаком ему в лицо.

Одно дело подчиняться моему слову, но быть таким равнодушным к безопасности Айви? Что ж, это просто выводит меня из себя.

— Я ожидаю, что ты будешь держать ухо востро. Если с ней что-нибудь случится, пока меня не будет, я разрежу тебя от грудины до горла и вырву твои кишки, прежде чем задушить ими тебя.

Его румяное лицо становится белым, немного успокаивая мой гнев.

— Конечно, мистер Монро. В ваше отсутствие с мисс Брукс ничего не случится. Или вообще не случится, — быстро отступает он.

— Хорошо. Тогда ты проживешь еще один день, — я резко отвечаю ему пощечину, прежде чем направиться к своей машине.

Обычно я бы попросил Пита отвезти меня, чтобы я мог поработать по дороге туда, но мне нужно оставить Пита здесь с Айви. Кроме того, вождение успокаивает меня, дает мне возможность сосредоточиться на чем-то.

Я не оглядываюсь на дом Айви, не доверяя себе, чтобы не вернуться. Вместо этого я выезжаю из города и направляюсь к автостраде, включая радио, чтобы послушать местные новости.

Ничто особенно не привлекает моего внимания: пропавший турист, разгромленная пиццерия и пожар на складе в доках. Должно быть, это относительно медленный новостной день. Я переключаю станцию и оставляю ее на какой-то смутно знакомой песне, которая крутится по кругу, и готовлюсь к тому, чего старик хочет от меня сейчас.

Если мне предстоит лететь обратно в Великобританию, то ему не повезло. Обычно я бы не колебался, но оставить Айви прямо сейчас — это не вариант.

Кроме того, сейчас это больше его работа, чем моя. Я пробыл здесь дольше, чем когда-либо жил там. Я никогда не считал ни то, ни другое место домом, но теперь у меня есть Айви, и я знаю, что такое дом.

Дорога до долины занимает три часа, движение на дорогах ужасное из-за столкновения трех машин и объезда.

Я сворачиваю на длинную подъездную дорожку, посыпанную гравием, не обращая внимания на стук камней по моей покраски. Если я сказал ему починить это один раз, я говорил ему это сто раз. Клянусь, он получает какое-то болезненное удовлетворение, выводя меня из себя.

Я паркуюсь перед чертовски претенциозным фонтаном перед домом и избегаю по ступенькам, расстегиваю пуговицу на куртке, снимаю ее и вешаю на вешалку у двери после того, как вхожу.

Из кондиционера дует прохладный воздух, пока я иду по коридору в заднюю часть дома, зная, что мой отец в это время дня будет либо в своем кабинете, либо на террасе.

Наполовину отошедший от дел означает, что ему наполовину скучно и он постоянно чем-то недоволен.

Когда в поле зрения появляются стеклянные двери, я замечаю его, сидящего на одном из деревянных стульев с запрокинутой головой и закрытыми глазами.

На несколько шагов ближе видна женщина, которая, вероятно, ровесница Айви, обнаженная, стоящая на коленях между ног моего отца с его членом во рту.

При более пристальном взгляде на ее лицо видны морщинки вокруг глаз и рта, показывающие, что она старше, чем притворяется, судя по косичкам, которые она заплетает, и сброшенной школьной форме на палубе.

Вместо того, чтобы заскочить на кухню выпить, чтобы у меня было пять минут успокоиться, я распахиваю французские двери с такой силой, что они врезаются в стену. Если бы стекло не было пуленепробиваемым, оно бы разбилось.

— Атлас, мой мальчик. Мило с твоей стороны присоединиться ко мне.

— Ты знал, что я приду. Не мог дождаться, чтобы тебе отсосали член, позже?

Его глаза вспыхивают от моего неуважительного тона, но он больше не король замка, а я не тот пехотинец, которым был когда-то.

— Присаживайся. Я подойду к тебе через секунду, — он отпускает меня и снова закрывает глаза.

— Извини, старик, но у меня полно дерьмовых дел, которые не включают в себя наблюдение за тем, как стареющие проститутки притворяются, какой ты замечательный.

Я разворачиваюсь и возвращаюсь тем же путем, каким пришел, игнорируя своего отца, когда он выкрикивает мое имя. Я добегаю до входной двери и хватаю свою куртку, прежде чем он рывкает что-то, что заставляет меня остановиться.

— Было замечено. Деннис Макнелли клянется, что Эмма Уолш вошла в его бар в Сохо.

Я разворачиваюсь к нему, когда он засовывает свой член обратно в штаны.

— Как, черт возьми, он может быть так уверен? Она чертовски сильно изменилась с тех пор, как ей было шесть.

— Потому что он сказал, что это было похоже на видение призрака ее матери. Он довольно хорошо знал Луизу до того, как она умерла. Сказал, что эта женщина была ее

двойником.

— Ты хоть представляешь, сколько этих зацепок я отследил за эти годы? Тысячи. Ни одна из них не увенчалась успехом.

— Я не считал тебя гребаным лодырем, парень.

Я подхожу к нему и свирепо смотрю на него сверху вниз, хотя ему на это похуй.

— Следи за тем, как ты со мной разговариваешь, отец, — огрызаюсь я. — Если ты так чертовски уверен, что это она, то почему бы тебе не пойти и не проверить?

— Я стар, Атлас. Ты хочешь руководить, тогда, блядь, руководи, или я найду кого-нибудь другого, кто заменит тебя.

Я фыркаю. Например, кого? Я его единственный наследник, и как бы мы ни бились лбами, для него нет ничего важнее верности.

— Я пошлю Кензо проверить. Если окажется, что это она, я прилечу и покончу с этим раз и навсегда сам. Это все? Как я уже сказал, мне нужно кое-что сделать.

Его плечи опускаются, и впервые за целую вечность я уделяю время тому, чтобы посмотреть на него и по-настоящему увидеть его. За последнее десятилетие он состарился не по годам, потери от уничтожения линии Уолша были намного больше, чем любой из нас мог предсказать.

— Когда ты собираешься подарить мне внука? Я здесь не становлюсь моложе, — я смотрю в окно и вижу обнаженную женщину, которая теперь плавает в бассейне.

— Если ты не будешь осторожен, у меня в конечном итоге будет брат или сестра. Говоря о сестрах, ты слышал что-нибудь от Эбигейл? — я уклоняюсь от разговора об Айви. Он только вмешается и все испортит.

— По-прежнему ничего. Я скажу кое-что в ее защиту, женщина может затаить злобу, особенно за то, что она сама себе причинила.

Я издаю сардонический смешок.

— Ей было пятнадцать. Она облажалась, но это не она открыла стрельбу на свадьбе невинного человека. Это наша вина. Это был твой выбор — забрать у нее ребенка, — напоминаю я ему. — Если ты ищешь прощения, ты его там не найдешь.

Он отмахивается, как будто это не имеет большого значения. Возможно, это не для нас, но я видел ее в больнице в тот день, когда у нее забрали мальчика. Что-то сломалось в маленькой девочке, которую я когда-то знал, что-то, что никогда нельзя было исправить.

— Я ожидал, что к этому времени у нее уже будет много детей, но ее муж бросил ее и уехал на следующий день после свадьбы. Источники сообщают мне, что с тех пор он не возвращался.

Он посмотрел на меня так, словно у меня могли быть ответы на вопросы, почему мужчина уходит, когда у него дома есть молодая жена, которую можно трахнуть.

— Их брак меня не касается. Если она протянет руку, что ж, возможно, однажды все будет по-другому, но ты должен смотреть фактам в лицо: Эбигейл умерла в тот день, когда ты всадил пулю в голову ее матери и любовника.

— Часто самые важные уроки усваиваются труднее всего, — он пожимает плечами, цитируя то, что он говорил на протяжении всего моего детства.

Я хлопаю его по плечу и направляюсь к двери.

— Я дам тебе знать, если Кензо что-нибудь найдет. Если услышишь что-нибудь еще, позвони мне, как нормальный гребаный человек.

— Отвали. Никогда не знаешь, кто может нас подслушивать, — отвечает он, пока я

спускаюсь по ступенькам к машине.

Мысль о том, что мне придется ехать домой еще три часа после того, как я только что приехал, должна заставить меня чувствовать себя уставшим и взбешенным, но перспектива увидеть Айви того стоит. Она думает, что меня не будет всю ночь, а это значит, что у меня будет время немного поиграть.

С усмешкой я строю планы, прежде чем позвонить Кензо.

Я говорю, как только он берет трубку: — Мне нужно, чтобы ты вылетел для меня в Лондон. Сегодня вечером, если сможешь достать билет.

— Я думал, ты хотел, чтобы я присмотрел за Айви.

— Я возвращаюсь, так что я ее прикрою. Появилась еще одна зацепка.

— Еще одна? О радость, — огрызается он в ответ, повторяя мои предыдущие мысли.

— Мой отец, кажется, совершенно уверен в этом. Он говорит, что свидетель заслуживает доверия, но я думаю, ты сам это узнаешь.

— Черт. Мне нужен отпуск, — ворчит он, прежде чем повесить трубку.

Я смеюсь, зная, что, сколько бы он ни ворчал по этому поводу, он сделает свою работу.

Дорога домой пролетает незаметно. Когда я подъезжаю к своему дому, на часах только начало восьмого. Я захожу внутрь, замечая, что машины Кензо уже нет.

Быстро приняв душ, я переодеваюсь в черные джинсы и черную рубашку Хенли на пуговицах. Я натягиваю черную кепку и направляюсь в офис, собирая вещи, которые мне понадобятся, и бросая их в сумку.

Закрыв дверь, я выхожу, меняю машину на джип, зная, что Айви его еще не видела.

Я направляюсь напрямик к Айви, паркуюсь на боковой улице и устраиваюсь, зная, что скоро придет Пит, чтобы забрать Айви на работу.

Конечно же, пятнадцать минут спустя подъезжает Пит, а еще через пять минут Айви выскакивает за дверь с улыбкой на лице, ее растрепанные волосы падают свободными волнами на плечи.

Мой член твердеет при виде нее, как это происходит всегда. Не в первый раз я задаюсь вопросом, какие чары наложила на меня эта женщина.

Я жду, пока машина выедет на дорогу, повернет налево на перекрестке и скроется из виду, прежде чем вылезать из джипа и беру свою сумку.

Я поднимаюсь в квартиру Айви и открываю дверь ключом, который оставил для себя.

Ее знакомый аромат обволакивает меня, как только я закрываю дверь, заставляя меня остановиться, когда я делаю глубокий вдох и позволяю ему наполнить мои легкие, очищая меня от всего дерьма оставшегося дня.

Я задвигаю сумку под диван, чтобы ее не было видно, и направляюсь в спальню. Обнаружив ее постель в беспорядке, я улыбаюсь, когда я представляю, как она трогает себя на ней.

Видения Айви с запрокинутой головой, выкрикивающей мое имя, заставляют мой член стонать от признательности.

Расстегнув ширинку, я вытаскиваю свой твердый член из джинсов и глажу себя, прокручивая в голове образы, каждый из которых более эротичен, чем предыдущий. Это не занимает много времени, прежде чем я кончаю, изливаясь на ее смятые простыни и подушку.

Знание того, что она будет спать сегодня ночью, не замечая, что моя сперма просачивается на ее кожу, означает, что мой член не размягчится полностью. Я добавлю еще

до окончания ночи с такой скоростью.

Пока ее простыни сохнут, я хожу по ее квартире, изучая каждый дюйм, открывая ящики и шкафы, читая почту, проверяя ее банковские выписки и все остальное, что попадает мне под руку. К тому времени, как я заканчиваю, я мало чего не знаю о своей женщине, которая, по сути, просто существовала и не жила по-настоящему, пока я не появился и не встряхнул все это дерьмо.

Вернув все на место, я отправляю Айви сообщение «спокойной ночи», сообщая ей, что увидимся завтра, прежде чем выключить телефон.

Я вытаскиваю сумку из-под дивана и расстегиваю молнию, ищу, пока не нахожу маску, прежде чем запихнуть сумку обратно, оставив ее открытой на потом.

Посмотрев на часы, я думаю, что у меня есть около десяти минут, поэтому надеваю простую черную маску на лицо, достаю из карманов перчатки и натягиваю шапочку чуть пониже, прежде чем отправиться обратно в ее спальню.

Простыни давно высохли, я замечаю это, ложась на пол рядом с кроватью и проскальзываю под нее.

Я слегка дремлю, полностью удовлетворенный, когда слышу, как открывается и закрывается дверь, прежде чем Айви запирает ее на ночь.

Хорошая девочка.

Она бы не хотела, чтобы кто-то проскользнул внутрь незамеченным, не так ли? Я усмехаюсь про себя.

Я слушаю, как она возится, прежде чем включить душ. Представляя ее, я понимаю, что это моя погибель, когда представляю ее гладкую влажную кожу по другую сторону стены. К счастью, это не отнимает у нее много времени, она быстро смывая остатки дня, прежде чем вернуться в спальню.

Я вижу ее босые ступни и изящные лодыжки рядом с кроватью, прежде чем она садится, и кровать прогибается.

Прикусив язык, мне удается сдержать стон, хотя мысль о том, что она лежит на простынях, испачканных моей спермой, сводит меня с ума.

Лампа гаснет, оставляя нас в темноте, пока она двигается, пытаюсь устроиться поудобнее. Или это то, что я предполагаю, пока не слышу тихий стон и не понимаю, что моя девочка трогает себя.

Господи блядь.

Расстегивая ширинку так тихо, как только могу, я слегка приподнимаю бедра и стягиваю джинсы и боксеры достаточно, чтобы освободить свой ноющий член.

Поглаживая себя под звук ее тяжелого дыхания, я задаюсь вопросом, что бы она подумала, если бы знала, как я близок к ней? Подумала бы она, что я ненормальный, или была бы так чертовски возбуждена, что раздвинула бы ноги и пригласила меня войти?

Она влажная, я слышу чмокающие звуки ее пальцев,двигающихся в ее узкой дырочке.

Мои движения набирают скорость, желая кончить с ней, если я не могу кончить в нее.

Наши руки танцуют вместе, один из нас в такт, другой безучастно, но в великолепно поставленной синхронности, пока Айви не шепчет мое имя и не кончает со стоном. Мое имя, сорвавшееся с ее губ в момент страсти, бросает меня через край.

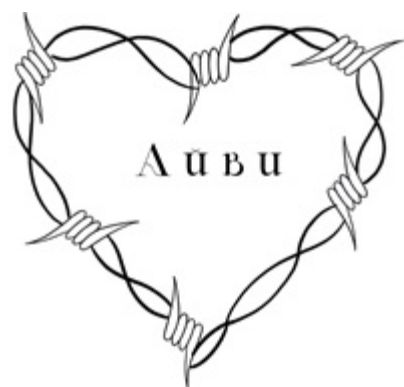
Мне удастся повернуться ровно настолько, чтобы большая часть спермы оказалась на полу, поэтому я не покрыт спермой, когда мы оба ложимся на спину и устраиваемся на ночь.

Требуется час, чтобы ее дыхание выровнялось до того глубокого мелодичного тона,

который сигнализирует, что она уснула.

Как можно тише я выкатываюсь из-под кровати и крадусь обратно в гостиную, чтобы достать камеру из сумки. Это дорогостоящее оборудование, которым я пользуюсь не так часто, как хотелось бы, но благодаря специальным фильтрам для ночного видения оно идеально подходит для съемки в темноте.

Такого рода фотографии, на которые она могла бы не согласиться, если бы не спала.

Я проснулась, чувствуя себя не в своей тарелке. Я не знаю, что со мной не так, но что-то не так. Не в силах понять, в чем дело, я пытаюсь игнорировать это и с головой погружаюсь в свою работу, прежде чем понимаю, что Генри снова на тропе войны. Я не дала ему ответа по поводу сверхурочной работы. Назовите это трусостью, но мне удавалось в основном избегать его. Этот мужчина подл как змея и отчаянно нуждается в сексе, и это заметно.

Я беру последнее из сложенных полотенец и раскладываю их на полке, прежде чем проверить кабинки на наличие бесплатных туалетных принадлежностей, наполняя те, которые в этом нуждаются. Большинство так и делает — невозможно смотреть на бесплатные вещи и не взять их с собой домой, даже если они, скорее всего, будут пылиться на полке.

Закончив, я поднимаюсь в комнату для персонала, чтобы перекусить. Благодаря тому, что мой будильник не сработал, обед состоит из яблока, лапши быстрого приготовления и плитки шоколада. Мысленно я убеждаю себя, что яблоко уравнивает все, но на самом деле я знаю, что, вероятно, даже не буду есть эту чертову штуку.

Комната для персонала пуста, когда я прихожу туда, что означает, что я могу для разнообразия насладиться тишиной и покоем, пока закипает чайник для моей лапши.

Я беру свой телефон из шкафчика, решив немного почитать, когда вижу сообщение от Атласа.

Атлас: *Что вы скажете, мисс Брукс, сначала десерт, а затем ужин?*

Я сжимаю бедра при этой мысли, прежде чем ответить.

Айви: *Вы заключили выгодную сделку, мистер Монро*

Я переключаюсь на свое приложение Kindle и снова погружаюсь в историю, которую читала, но обнаруживаю, что мои мысли продолжают блуждать. Я сдаюсь и просто ем безвкусную лапшу, глядя на часы, которые, кажется, ползли весь сегодняшний день.

Я заканчиваю, когда дверь распахивается и входит Генри.

Черт. Он редко сюда заходит. Он пользуется своим собственным кабинетом или выходит куда-нибудь пообедать.

— Ах, Айви, я искал тебя. Клиент запросил твои услуги.

Я хмурюсь, услышав это: — Они хотят, чтобы я забрала их полотенца и пополнила их запасы?

Какая, черт возьми, разница, кто это делает?

— Ты делаешь все, о чем они тебя просят. Это очень важный клиент. Меня не волнует, если тебе скажут прыгать на одной ноге, пока ты приносишь чай с пузырьками, сделай это, если хочешь продолжать здесь работать.

Черт. Я действительно, действительно ненавижу этого человека.

— Конечно, Генри.

— Хорошо. У них отдельный номер, так что тебя никто не побеспокоит. Если понадобится помощник, чтобы принести что-нибудь, и он захочет, чтобы ты осталась, тогда позвоните Анджеле. Она будет прикрывать тебя здесь сегодня.

Мне это совсем не нравится. Я понятия не имею, кому я должна помогать, и Атлас сойдет с ума, если этот человек попытается что-нибудь сделать. Не раньше, чем я сойду с ума, конечно. На всем этом написано «плохая идея», но если Генри говорит прыгать, мне приходится стиснуть зубы и спросить, как высоко.

— Во сколько меня ожидают?

— Через пять минут. Приведи себя в порядок, пожалуйста. Ради всего святого, ты представляешь наш бренд, — он вручает мне ключи от частного VIP-номера, которым пользуются в основном известные спортсмены, пользующиеся удобствами, прежде чем повернуться и потопать прочь, как угрюмый подросток.

— Черт, — я выбрасываю остатки лапши в мусорное ведро, мой желудок сводит от мысли о том, что должно произойти. Возможно, я слишком остро реагирую, но никогда не было случая, чтобы сотрудника службы поддержки просили присматривать за VIP-персоной и удовлетворять их прихоти. Что-то во всем этом кажется неправильным.

Я направляюсь в ванную, умываю лицо и руки и разглаживаю свой "конский хвост", зная, что оттягивала столько, сколько могла. Если я опоздаю, это даст Генри повод, который ему нужен, чтобы уволить меня.

Я иду по коридору и вместо того, чтобы спуститься по ступенькам в главную зону, поднимаюсь вверх, вытирая вспотевшие ладони о шорты.

Используя ключ, который дал мне Генри, я захожу внутрь. Меня разворачивают и прижимают к двери, зажимая рот рукой.

На мгновение все останавливается. Звук моего сердца, колотящегося в груди, — единственный звук, который я слышу, когда другая рука протягивается и расстегивает пуговицу на моих шортах.

Это то действие, из-за которого я изо всех сил пытаюсь освободиться.

Мои шорты спущены на задницу, трусики прямо за ними, когда я прикусываю руку, прикрывающую мой рот.

Он ругается, но не отпускает меня, используя свой вес, чтобы прижать меня к двери, пока он возится с застежкой-молнией.

— Перестань бороться со мной, милая. Будь хорошей девочкой ипусти меня.

Моя кровь становится ледяной, затем горячей, когда голос Атласа рычит мне в ухо за секунду до того, как я чувствую его головку у своего входа.

Борьба покидает меня, но мой гнев вспыхивает, вытесняя страх.

— Приподними свою задницу, Айви.

Я хватаюсь за стену и немного прогибаюсь для него, выгибая спину, меняя угол, чтобы он мог скользнуть прямо внутрь, что он и делает одним сильным толчком.

Его рука зажимает мне рот, заглушая мой крик, когда он берет меня жестко и быстро.

Он трахает меня так, как будто наказывает меня, и все же все, что он дает мне, — это восхитительный вкус удовольствия.

Я так долго была сама по себе, пытаюсь сбалансировать тысячу вещей, зная, что если я откажусь хотя бы от одной, все рухнет. Давление изматывает. Но Атлас лишает меня этого

контроля. Он не оставляет мне иного выбора, кроме как подчиниться его воле. Как бы это ни было страшно, это также освобождает в том смысле, который я не уверен, что действительно понимаю.

Он убирает руку с моего рта и скользит ею вниз к моей киске, играя с моим клитором, пока трахает меня до беспамятства.

Я кончаю со стоном, прикусывая губу так сильно, что чувствую вкус крови.

Атлас кончает со стоном, его сперма брызжет внутри меня, когда мои ноги начинают дрожать.

Когда он, наконец, выдыхается, он высвобождается и кладет голову мне на плечи.

— Я скучал по тебе, — признается он.

Я не отвечаю, не доверяя себе, чтобы не оторвать ему голову и не начать орать как банши за то, что он напугал меня до чертиков.

Наклоняясь, он стягивает с меня шорты и нижнее белье и по очереди поднимает мои ноги, чтобы освободить мои ягодицы, прежде чем повернуть меня к себе лицом.

— Что, черт возьми, это было, Атлас? — я шиплю, когда он хватается край моей футболки и снимает ее через голову.

Он не отвечает мне. Он расстегивает мой лифчик и снимает его с моих рук, оставляя меня в одних белых туфлях-лодочках, которые я раздраженно скидываю.

— Атлас, если ты, блядь, не ответишь мне, клянусь богом... — он засовывает в меня два пальца, заставляя меня задохнуться от удивления.

— Следи за своим языком, — приказывает он, вставая и наклоняясь надо мной, дверь теперь прижата к моей спине.

Используя свои пальцы, теперь обильно покрытые его спермой, он проводит по моим соскам, прежде чем снова погрузить их в меня. На этот раз он втирает свою сперму в мой живот и грудь.

— Мне нравится моя сперма на твоей коже. Мне нравится знать, что ты носишь меня.

— Мне нравится знать, что я в безопасности на работе. Ты напугал меня до чертиков, Атлас. Не круто.

Он замолкает, глядя мне в глаза. Для чего, я понятия не имею.

— Тебе понравилось, — тихо говорит он мне.

— Мне понравилось, когда я узнала, что это ты. До этого я, честно говоря, думала, что меня вот-вот изнасилует какой-нибудь накачанный мудака.

— Я назвал твоему боссу свое имя. Он не сказал тебе, что это я?

Я сдаюсь от его слов. Черт, он думал, что я все это время знала, что это он.

— Генри — придурок. Он сказал мне, что я присматриваю за какой-то важной персоной и должна делать все, что он захочет, несмотря ни на что.

Затем он замирает, его спокойное выражение лица становится мертвенно-бледным. Не нужно быть гением, чтобы понять, куда делась его голова.

— Эй, я в порядке. Я бы ушла, если бы мне предложили такое, — спешу заверить его я.

— Да? А что произойдет, если они все равно решат взять тебя? Я мог бы легко взять тебя, когда ты боролась со мной.

Я ничего не могу возразить, потому что он прав. Если бы Атлас был нападающим, мне был бы пиздец, потому что моя сила не шла ни в какое сравнение с его.

— Расскажи мне об этом Генри.

— Нет, Атлас, перестань. Оставь это. Он того не стоит. Что ты вообще здесь делаешь?

— Ты должна была работать, а я хотел увидеть тебя. Два зайца одним выстрелом.

Я кладу голову ему на грудь и вдыхаю его запах, когда он обнимает меня. Я чувствую себя крошечной в его объятиях, защищенной его силой, в которой я никогда не признаюсь вслух. У него и так достаточно большое эго.

— Я скучала по тебе прошлой ночью, — шепчу я.

— Хм... Скажи мне, Айви, ты трахнула себя, воображая, что это я?

Я смеюсь и качаю головой. У него однонаправленный ум: — Может быть. А как насчет тебя? Ты гладил себя, думая обо мне? — я смотрю на него и прикусываю губу, задаваясь вопросом, когда я влюбилась в него также сильно, как и он в меня.

— Айви, с того момента, как я встретил тебя, я трахал кулаком твой образ. Я мечтал о том, как это будет внутри твоей тугой киски, а реальность, блядь, намного лучше. Ты всегда в моих мыслях. Вместе или порознь, ты все, что я вижу.

— Атлас, — шепчу я, протягивая руку и прижимаясь поцелуем к его губам. Он естественно углубляет поцелуй, но останавливается, прежде чем мы заканчиваем горизонтальное мамбо.

— Ты поела?

— Я съела лапшу. Сегодня утром я немного опоздала.

Он хмуро смотрит на меня: — Скажи мне, чего ты хочешь, и я пошлю Пита.

— Атлас, все в порядке. Я могу... — его палец прижимается к моему рту, заставляя меня замолчать.

— Спасибо, Атлас, звучит здорово, — говорит он, повышая тон, чтобы подражать мне. — Это все, что мне нужно от тебя, Айви.

— Гррррр, прекрасно. Могу я сначала хотя бы принять душ?

— Нет.

— Атлас, я отвратительна.

— Ты чертовски идеальна, — ворчит он. — Но я хочу, чтобы ты носила меня на своей коже до конца дня.

Я моргаю, но выражение его лица говорит мне, что он абсолютно серьезен.

— Могу я хотя бы пописать, о великий и могущественный, Оз?

— Я разрешаю это, — великодушно соглашается он.

— Спасибо. Может быть, мне повезет, я щелкну каблуками и окажусь дома, — я закатываю глаза.

— Пока твой дом там, где я, щелкай дальше, сладка.

Он шлепает меня по заднице, когда я прохожу мимо него в ванную, заставляя меня взвизгнуть и послать ему убийственный взгляд через плечо.

Естественно, у него к этому иммунитет.

Я закрываю дверь с большей силой, чем необходимо, и использую ванную, чтобы привести себя в порядок, за исключением моей груди. Мне неприятно это признавать, но он прав. Есть что-то очень эротичное в том, что он кончает на меня. Это похоже на бренд, и хотя никто, кроме меня и Атласа, не знает о его существовании, я чувствую себя востребованной первобытным способом, о котором раньше только читала.

Открывая дверь, я обнаруживаю Атласа прислонившегося к косяку, его глаза устремлены на мою грудь.

— Всё еще там, — мягко отвечаю я на его безмолвный вопрос.

— Хорошо. А теперь расслабься со мной. Скоро придет Пит с едой. Я думаю, мы можем

посмотреть телевизор, прежде чем лечь спать.

— Предполагается, что я работаю, — напоминаю я ему.

— Так и есть. Твой босс сказал тебе удовлетворять все мои потребности, верно? Что ж, это то, что мне нужно. Я должен сказать, Айви, твой сервис безупречен, пять звезд. — он ухмыляется, заставляя меня смеяться.

— Отлично, ты победил. С тобой у меня никогда не будет шансов.

— Это из-за моего дьявольски красивого лица и большого члена, верно?

Я качаю головой, теперь и сама улыбаясь. Мне нравится светлая сторона Атласа. Это такой разительный контраст с его темнотой.

Это то, чего людям не хватает. Когда откровенное зло стучится в твою дверь, легко оттолкнуть его и спрятаться под кроватью, пока оно не пройдет. Это так естественно ненавидеть кого-то, когда он изначально плох.

Но они не замечают, что редко кто бывает совсем плохим. Если бы это было так, они бы жили одинокой жизнью.

Люди, в жилах которых течет тьма, тянутся к свету, независимо от того, культивируют они его или вычеркивают из существования. Чтобы сблизиться, им нужно иметь что-то, что привлекает к ним внимание, и это обычно бывает в форме харизмы, красивого лица и сексуального тела. Что-то, от чего даже умные женщины теряют рассудок.

— На самом деле, Атлас, дело вот в чем, — я протягиваю руку и провожу кончиками пальцев по его губам.

Он хмурится в замешательстве.

— Ты, Атлас Монро, морочишь мне голову. Я так часто сомневаюсь в себе рядом с тобой, что больше не доверяю себе. Ты делаешь меня безрассудной, и хотя логически я понимаю, что это неразумно, я не могу отрицать, что ты заставляешь меня чувствовать себя живой. Но как бы сильно ты ни морочил мне голову, именно твоя улыбка творит странные вещи с моим сердцем. Ты не часто улыбаешься, но знаешь, что когда ты это делаешь, это для меня? Да, это может заставить хорошую девочку чувствовать то, на что она не имеет права.

— Такие вещи, как что? Что это заставляет тебя чувствовать?

— Это заставляет меня чувствовать, что я падаю. Нет крыльев, чтобы спасти меня, нет сети, чтобы поймать меня, просто свободное падение и надежда, что каким-то образом я выживу.

Он берет мое лицо в ладони, прижимаясь своими губами к моим: — Я не хочу причинять тебе боль.

Я закрываю глаза и киваю.

— Я знаю, но мы оба знаем, что ты все равно это сделаешь. Что я могу сделать? — я пожимаю плечами.

— Держись за меня, и когда ты упадешь, возьми меня с собой. Я не знаю, что такое любовь, Айви, но если я когда-нибудь и смогу кого-нибудь полюбить, это будешь ты. Я просто не знаю, как упасть.

Я улыбаюсь: — Все в порядке. Я просто возьму Атлас и подтолкну тебя (*прим. Атлас-игра слов*).

Он заливается смехом и тащит меня к большому мягкому дивану как раз в тот момент, когда звонит его телефон.

— Это, должно быть, Пит.

— Это было быстро.

Он подмигивает и голым идет к двери, заставляя меня застонать и схватить простыни с массажного стола, чтобы спрятаться под ними.

— Клянусь, если кто-нибудь увидит тебя, они подумают, что мы трахались.

— Мы трахались, — он открывает дверь и забирает еду, прежде чем закрыть ее, не сказав ни слова.

— Знаю, но я не хочу, чтобы все остальные здесь знали об этом, — фыркаю я, когда он ставит сумку на диван и начинает распаковывать огромные сочные сэндвичи и бутылки с соком.

Он пожимает плечами, несколько не обеспокоенный, заставляя меня вздохнуть. Он этого не понимает, и я сдаюсь.

Я откусываю от сэндвича, который он протягивает мне, и стону от удовольствия.

К черту все, я перейду этот мост, когда и если я до него дойду. Прямо сейчас я собираюсь получать удовольствие.

— Эй, Айви, Кевин попросил меня отправить тебя в его офис сразу, как ты придешь, — говорит мне Джессика, выглядя обеспокоенной.

Я хмурюсь, услышав это. Нет ничего хорошего, когда тебя вызывают в кабинет менеджера.

— Наверное, это как-то связано с Марвином. Его перевели в новый клуб, открывающийся в Финиксе.

— Вау, серьезно? Когда он уезжает? — я рада за него, но знаю, что буду скучать по нему.

— Уже. Им нужно было, чтобы он приступил к работе немедленно, поэтому они отказались от двухнедельного срока.

— Хорошо, спасибо, что сообщила. Я догоню тебя, — я отмахиваюсь от нее, прежде чем она поймет, что мои чувства были задеты.

Насколько сложно попрощаться с кем-то, особенно с тем, о ком ты утверждал, что заботишься?

— Конечно, Айви, — она улыбается и выходит из комнаты для персонала, оставляя меня на минуту одну.

— Господи, у меня такое чувство, будто я направляюсь в кабинет директора, — бормочу я себе под нос, захлопывая дверцу своего шкафчика. Может быть, мне повезет из-за ухода Марвина, и они предложат мне больше часов. Где-то здесь должна быть светлая сторона. Это не помешает мне позже написать этому парню и высказать ему все, что я думаю. Я избегала его. Атлас фактически похитил меня из его дома. Ладно, возможно, я не могу винить этого парня за то, что он сбежал.

Я взбегаю по ступенькам и сворачиваю налево, направляясь в конец коридора, где находится кабинет Кевина.

Я осторожно стучу и жду, когда Кевине ответит.

Он поднимает глаза, когда я вхожу, и его улыбка исчезает.

Вау, ладно, кто помочился в твои хлопья?

— Айви. Присаживайся, — он указывает на стулья перед своим столом, поэтому я подхожу к ближайшему и сажусь.

— На тебя подана жалоба.

Мои глаза расширяются от шока при этих словах.

— Хорошо, — мягко отвечаю я. Это дерьмово, но жалобы случаются, особенно когда пьяные люди не добиваются своего.

— Обычно ты получила бы устное предупреждение, если бы я решил, что это

оправдано, но, похоже, это не первое твое нарушение.

— Извини? Если кто-то еще жаловался, то я впервые слышу об этом. Я делаю свою работу, Кевин, и делаю ее хорошо, — твердо говорю я ему.

— Как бы то ни было, была подана жалоба на домогательства со стороны VIP-клиента, утверждающего, что ты сделала ему грубое предложение, а когда он отказался, то ты придумала историю о нападении.

У меня от шока открывается рот

— Ты серьезно?

— Похоже, что я шучу, Айви? Я понимаю, что работа в VIP-кругах позволяет легко стать звездой... — я поднимаю руку, чтобы остановить его, потому что это чушь собачья.

— Мужчина, о котором ты говоришь, приставал ко мне всю ночь. Он был груб и неприятен, и Марвину пришлось вмешаться и вызвать охрану. Когда я уходила домой, он напал на меня снаружи.

— Ты подавала жалобу? В твоём деле ничего нет.

— Марвин сказал мне, что служба безопасности запретила ему возвращаться. Я позвонила детективу, которого знает мой друг. Он сказал, что у парня было алиби, что, очевидно, не соответствует действительности, поскольку он был здесь.

Он пристально смотрит на меня, приподняв бровь: — Хорошо... Отложим это на минуту, была подана еще одна жалоба. На этот раз сотрудник сказал, что ты опоздала и ушла раньше, никому не сказав. Или, по крайней мере, они так предполагали, но камеры показали тебя в баре после того, как здание было заперто.

— Я не опоздала на свою смену. На самом деле я пришла раньше и не уходила, меня заперли в этой долбаной кладовке. Типа, кто-то запер меня чертовым ключом, — подчеркиваю я, потому что в ярости.

— Как ты выбралась?

— Кто-то выломал дверь.

— И ты сообщила об этом?

Я вздыхаю: — Нет, потому что я не хотела, чтобы у моего парня были неприятности. Это он меня вытащил.

Он зажимает переносицу.

— Твой парень был здесь в нерабочее время?

— Он спас меня, Кевин. Ты хотел, чтобы я осталась на складе на всю ночь?

— И дверь, которую он вышиб, она чудесным образом починилась сама собой, да? Поскольку у меня не было никакого чека за оказание услуг, и поскольку я сам ранее был на складе, я знаю, что дверь в идеальном рабочем состоянии.

Я хмурюсь, потому что действительно понятия не имею, как починили дверь. Я даже не задумывалась об этом.

— И я полагаю, ты можешь рассказать мне, почему в баре в тот вечер не хватило 300 долларов. В конце концов, ты была последней, кто обналичил деньги.

— Подожди? Ты думаешь, я украла у тебя? — я хмурюсь, когда его слова доходят до меня.

— Возможно, это был твой парень — герой, — отвечает он, ехидно шокируя меня. Возможно, Кевин никогда не был моим лучшим другом, но он всегда был справедливым, и до этого я уважала его.

— Поверь мне, моему парню незачем грабить этот чертов бар. Он мог бы купить все это

долбаное заведение, если бы захотел, — я вздрагиваю, как только произношу эти слова, понимая, насколько высокомерно они звучат.

Судя по его лицу, ему это понравилось не больше, чем мне.

— Ну, тогда это не должно быть слишком большой проблемой, когда я сообщу тебе, что должен тебя уволить.

Я сажу ошарашенная.

— Ты увольняешь меня? У тебя нет доказательств, и я знаю это, потому что я не брала деньги, — огрызаюсь я, разрываясь между гневом и слезами. Что вообще происходит?

— Мне жаль, Айви, но мы должны подумать о том, что лучше для «Дрифт», и прямо сейчас ты просто не подходишь.

Я открываю рот, чтобы возразить, но он поднимает руку, останавливая меня.

— Приказ поступил сверху. Прости, Айви. Я не смог бы изменить свое решение, даже если бы захотел.

— Но ты не хочешь? — я шепчу.

Когда он не отвечает, я встаю и обхватываю себя руками.

— Мне всегда нравилось здесь работать. Я нахожу общий язык с большинством людей, и я хорошо справляюсь со своей работе, Кевин. То, в чем меня обвиняют, — ложь, но тот факт, что ты так быстро в это поверил... — я с отвращением качаю головой, не в силах закончить.

Я вылетаю из офиса и хватаю свои вещи из комнаты для персонала, прежде чем уйти, не сказав никому ни слова, отчасти от смущения, хотя мне нечего стыдиться. Отчасти потому, что я боюсь, что разрыдаюсь в ту же секунду, как открою рот.

Я знаю, что мне следует позвонить Атласу, но сначала нужно взять себя в руки, иначе он ворвется и сожжет «Дрифт» дотла.

Смахивая гневные слезы, я закутываюсь в куртку и крепко сжимаю свою сумку, направляясь к метро.

Воздух сегодня холодный, предвещают снегопад, поэтому я опускаю голову и обещаю себе горячее какао, когда вернусь домой. Мне просто нужно держать себя в руках, пока я не доберусь туда.

Метро переполнено, но мне удастся найти место рядом с женщиной, яростно стучащей по своему мобильному телефону.

Прислонив голову к окну, я закрыла глаза с победенным вздохом.

Почему это ощущается как два шага вперед, три шага назад?

Полагаю, я должна быть благодарна, что Генри все-таки хочет, чтобы я работала больше часов, потому что при нынешнем положении дел я не могу позволить себе платить за квартиру, не говоря уже о еде без дохода от «Дрифт».

Я не понимаю, что произошло. Атлас никак не мог взять деньги. Если бы мне пришлось выбирать кого-то, я бы назвала Джанет, но я не смогла бы на сто процентов сказать, что это не потому, что мне не нравится эта женщина, а потому что она на самом деле воровка. В конце концов, она проработала там гораздо дольше, чем я, и, насколько я знаю, других проблем с пропажей денег не было.

Может быть, подстава? Она могла бы запереть меня внутри и взять деньги, чтобы подставить меня, но все это не сходится воедино. Атлас видел, как они уходили, когда запирали дверь, так что, если это была она, то она планировала оставить меня там на ночь. Тогда у меня были бы доказательства, что я стала жертвой глупого розыгрыша и я точно не

смогла бы ограбить заведение, если бы была заперта на складе.

Но кто, черт возьми, еще мог это сделать? Ощущение, что за мной наблюдают, заставляет меня напрячься.

Я сажусь прямее и оглядываюсь по сторонам, но не вижу никого знакомого. Мой преследователь сейчас здесь и наблюдает за мной? Рад ли он моим слезам — подождите. Это не мог быть преследователь, не так ли?

Я вспоминаю ту ночь. Ничего особенного, но на данный момент это мало что значит. Он мог бы запереть меня в кладовой. Черт возьми, он хотел прийти за мной, как только место опустеет, и я бы ничего не смогла с этим поделаться. Может быть, получение денег было просто бонусом?

Мое дыхание учащается, когда я пытаюсь найти причины, почему это не может быть правдой, но я не могу, и зная, что он знает, где я работаю, из-за записки, найденной в моем шкафике. Еще раз, что там говорилось? Что-то насчет того, чтобы улыбаться людям, используя улыбку, предназначенную только для него?

Господи, неужели это все? Из-за него меня уволили, чтобы я больше так не делала?

Я перебираю все варианты, пока не добираюсь до дома и мои ноги не оказываются на коврике у моей двери.

Повозившись с ключом, я захожу внутрь и запираю за собой дверь, прежде чем опуститься на задницу и уткнуться лицом в колени.

Мой сотовый звонит, но я игнорирую его, крепче обхватывая руками ноги, пытаюсь найти хоть какое-то утешение. Но что мне нужно прямо сейчас, так это руки Атласа, обнимающие меня.

Телефон перестает звонить только для того, чтобы начать снова, поэтому я роюсь в своей сумке, пока не нахожу его и вижу, что это Атлас. Наивная часть меня надеялась, что это «Дрифт» скажет мне, что они ошиблись, и предложат мне вернуться на мою работу, но этого не произойдет.

— Алло? — отвечаю я, мой голос звучит хрипло от слез.

— Айви? Что случилось?

— Почему ты звонишь? — я задаю вопрос. Он знает, что я должна быть на смене прямо сейчас.

— У меня встреча, которая затянется, поэтому, когда Пит заедет за тобой, просто ложись спать. Я разбужу тебя, когда вернусь домой. Теперь скажи мне, что не так.

Выдохнув, я хочу рассказать ему, что произошло. Но мне так неловко, что я решаю оставить это до тех пор, пока не смогу встретиться с ним лицом к лицу.

— У меня начинается мигрень. Я не приду сегодня. Мне нужно поспать. Хочу побыть в тишине, — мягко говорю я ему, нуждаясь лишь в небольшом количестве времени, чтобы зализать свои раны.

— Я не хочу, чтобы ты оставалась одна. Я пошлю Пита...

— Нет, Атлас. Я уже дома. Они... они разрешили мне уйти пораньше. Я просто собираюсь отдохнуть. Я в безопасности, дверь заперта, и я никуда не уйду, обещаю.

Он спокоен, слишком спокоен. Я почти слышу, как вращаются шестеренки в его мозгу.

— Прекрасно. Отдохни. Мы поговорим об этом завтра.

— Атлас...

— Завтра, Айви. А теперь немного отдохни. Мы бы не хотели, чтобы тебе стало еще хуже, не так ли?

Он вешает трубку, заставляя меня чувствовать себя последней сукой. У меня просто нет сил разобраться с ним прямо сейчас. Мои защитные щиты пострадали, и в том состоянии, в котором они находятся, Атлас смог бы сбить их за считанные секунды.

Мне ненавистна мысль о том, чтобы быть настолько ментально и эмоционально уязвимой перед человеком, который уже взял под контроль большинство других аспектов моей жизни.

Я готовлю какао и несу его на диван. Я сворачиваюсь калачиком и смотрю последние тридцать минут какой-то программы про выпечки, прежде чем решаю лечь спать. Мое внимание в любом случае рассеяно, и поскольку карма ненавидит меня, у меня начинается головная боль.

Завтра я стисну зубы и поговорю с Генри и узнаю, хочет ли он по-прежнему, чтобы я работала больше часов. Как бы я ни ненавидела там работать, мне нужно иметь возможность есть и оплачивать счета.

По большому счету, это не конец света, но сейчас чертовски похоже на это.

Я засовываю свой мобильный обратно в карман и смотрю в окно, когда движение начинает замедляться.

— Я так понимаю, она не сказала тебе, что ее уволили, и вместо того, чтобы поплакать на твоём плече, выбрала поплакать в одиночестве, — замечает Кензо, как мудака, которым он и является.

— Ей трудно впускать людей.

— Интересно, почему? — саркастически бросает он.

— Мне нужно, чтобы она доверяла мне, Кензо.

— Ты только что уволил ее, Атлас. Или ты уже забыл?

— Но она этого не знает. Она должна была прийти прямо ко мне, — киплю я, разозленный, что обо мне даже не подумала.

— Ты когда-нибудь задумывался о том, что это не имеет никакого отношения к тебе, а исключительно к ее чувствам? Держу пари, ей больно и стыдно. В смысле, ее уволили за воровство, Атлас. Как ты думаешь, что она чувствует?

Я ему не отвечаю. Возможно, он прав, но это не меняет того, что она должна была позвонить и сказать мне.

— Послушай, женщины, которые были до Айви, были другими. Для начала, старше, с большим опытом за плечами. Для тебя они были игрой, и, как пешки, ты передвигал их по доске, пока не выигрывал то, чего добивался. Вот тогда ты переходил к следующей женщине. То, что есть у вас с Айви, с самого начала отличалось, так что тебе, возможно, захочется немного пересмотреть свою стратегию.

— Отвали, Кензо. Мне не нужны твои советы насчет женщин.

— Если это всего лишь игра, как и другие, прекрасно, продолжай. Но если ты планируешь сохранить это, будь осторожен, чтобы причиняемый тобою ущерб не был непоправимым. Ты можешь многое, Атлас, но даже ты не можешь контролировать ее чувства. И если она узнает об этом...

Он качает головой.

— Не недооценивай меня, Кензо, — бормочу я, но думаю о том, что он сказал. Айви для меня бесполезна, если все, что останется в конце, — это оболочка девушки, которая привлекла меня.

— Во сколько приезжает мой отец?

— Его рейс должен прибыть с минуты на минуту. Джек и Дейл заберут его из аэропорта.

— Он взбешен тем, что зацепка было пустой тратой времени, как и всегда. Я сто раз говорил ему, что награда за информацию только выявляет жадных до денег придурков, но этот упрямый ублюдок никогда не слушает.

— Похоже, упрямство у вас семейное, — бормочет Кензо, прежде чем мы подъезжаем к клубу.

— Знаешь, Кензо, я думаю, что если отрежу тебе язык, ты, возможно, будешь нравиться мне больше.

— Я не уверен, чувак. Кто-то вырезал твое сердце, и я все еще думаю, что ты придурок, — он усмехается, напоминая мне уволить его сегодня. Снова.

После того, как мы оба выходим из машины, я разглаживаю лацканы пиджака и направляюсь к черному входу в свой офис.

Звуковой сигнал на сотовом Кензо заставляет нас обоих остановиться, пока он проверяет его.

— Рейссер уже здесь. Донна проводит их в VIP-зал и принесет напитки.

— Хорошо. Понаблюдай за ними. Найди слабое звено. Один из них знает, где Джейкобс. Сейчас за его голову назначена крутая цена в миллион долларов.

— Что он сделал?

— Похитил и продал племянников Майкла десяти и двенадцати лет. Один из них умер. Они нашли второго, но он уже никогда не будет прежним после того, что с ним сделали.

Кензо нахмурился. Он может быть хладнокровным убийцей, но у него есть свои пределы, и продажа маленьких мальчиков для группового изнасилования — один из них.

— Я позвоню тебе, когда у меня что-нибудь будет. Я отправлюсь туда прямо сейчас. Если твой отец захочет увидеть меня, когда вернется, просто напиши мне.

Я киваю и жду, пока он уйдет, прежде чем налить себе выпить.

Опуская раздвижные жалюзи на панорамном окне, я смотрю вниз на сцену через тонированное одностороннее стекло и наблюдаю, как Сильвер начинает свое выступление на сцене.

Она разворачивается, прежде чем сесть на шпагат в воздухе, мельком бросая взгляд на свою голую киску, но на меня это не действует.

Дело не в том, что она не великолепна. Все девушки, которые работают здесь, в «Даймондс», такие, но во всех них есть жестокость и отчаяние, скрытые под макияжем и соблазнительными улыбками.

Я предпочитаю, чтобы мои женщины были милыми. Я хочу, чтобы они краснели и запинаясь в разговоре. Я понятия не имел, что это мой типаж, пока не появилась Айви.

Звонит мой телефон, вырывая меня из размышлений. Увидев Деклана, дежурного по этажу, я нажимаю кнопку ответа. Я жду, когда он заговорит.

— Ваш отец здесь.

— Отправь его наверх, — я вешаю трубку и наливаю себе еще выпить, прежде чем взять стакан для моего отца и налить ему тоже изрядную порцию.

Я несу напитки на стойку и жду своего отца, который входит без стука только потому, что знает, что это выводит меня из себя.

Я киваю Джиму, его охраннику и другу, прежде чем Джим закрывает дверь и остается

наблюдать снаружи.

— Сын. Я вижу, у тебя там потрясающая киска. Похоже, у нас одинаковый вкус на женщин, — он ухмыляется, садясь в кресло напротив меня.

Я думаю о женщине, которая делала ему минет в тот день, а затем думаю об Айви, и кривая усмешка появляется на моих губах.

— Почему-то я в этом сомневаюсь. Итак, чему я обязан таким удовольствием?

— Разве твой старик не может заскочить и повидать своего сына просто так, ради всего святого?

— Прекрати нести чушь. Ты ненавидишь покидать свой дом. Так скажи мне, что такого важного, что этим нужно было поделиться лично.

— Я хочу поговорить с Кензо.

Я делаю глоток из своего стакана, прежде чем поставить его обратно на стол: — Думаю ты можешь, — достав свой мобильный из кармана куртки, я отправляю сообщение Кензо и бросаю его на стол.

— Дай ему пять минут, и он будет здесь. Прямо сейчас он работает кое над чем для меня.

— А, все еще играешь в героя?

У меня вырывается смешок: — Ты думаешь, я играю в героя?

— Раньше было достаточно продавать киску и таблетки. Теперь ты должен спасать людей? — он хмурится, как будто чувствует вкус чего-то плохого.

Я ухмыляюсь глупому ублюдку: — Я не знаю, чем, по-твоему, я занимаюсь, но я чертовски уверен, что не спасаю людей. Я нахожу их за определенную плату, а затем отправляю обратно либо мертвыми, либо в отличном состоянии, чтобы тот, кто меня нанял, мог оказать мне честь.

Он хмуро смотрит на меня: — Ну, черт возьми. Почему ты мне не сказал?

— У меня нет привычки бегать к папочке со своими делам.

— Нашими делами.

— Больше нет, старик.

Он ворчит, хватая свой стакан и выпивает содержимое из одного, прежде чем налить себе еще.

Стук в дверь не даёт ему сказать что-либо еще, когда входит Кензо, кивает моему отцу, прежде чем встать рядом со мной, показывая моему отцу, в чем именно заключается его преданность.

Каким бы проницательным он ни был, он ничего не упускает, с ухмылкой отмечая этот ход, прежде чем опрокинуть в себя еще один стакан.

— Мой сын сказал мне, что твое путешествие оказалось безрезультатным.

— Я бы так не сказал. Теперь мир избавился от еще одного бесхребетного мошенника.

— Этот человек был моим другом.

Я фыркаю на это: — У тебя нет друзей. И даже если бы они у тебя были, это не гарантировало бы им никакой амнистии с твоей стороны. У тебя была возможность поехать самому, но ты отказался. Теперь слишком поздно жаловаться на то, как была разрешена ситуация, — говорю я ему.

— Ошибки могут случиться...

— Я не совершаю ошибок. Я усвоил этот урок на собственном горьком опыте, отец, и Кензо устроен точно так же. Несмотря на это, приказ об убийстве исходил от меня. В

следующий раз, когда ты попросишь меня или кого-то из моих людей еще раз пролететь полмира в погоне за дикими гусями, убедитесь, что твой друг заслуживает доверия, как о нем говорят.

— Знаешь, если бы я не знал тебя лучше, я бы сказал, что ты не заинтересован в поиске наследницы Уолша.

— Я потратил двенадцать лет, делая все возможное, чтобы найти ее, но она исчезла с лица земли вместе с полицейским, который ее похитил. Она либо счастливо живет где-то за пределами сети, либо мертва.

— Если она мертва, мне нужны доказательства! — шипит он.

— Если они существуют, то я найду их. Но я отказываюсь посвящать этому еще двенадцать гребанных лет.

— Тогда ты дурак, и это станет твоим падением.

— Ты когда-нибудь думал, что, возможно, преследуя ее, ты заставляешь ее действовать? Если она действительно вне этого, пытается жить нормальной жизнью после того, что произошло, то твоя погоня за ней угрожает этому. Не все животные злобны, но загони одного из них в угол, и оно нападет на тебя, — предупреждает его Кензо, скрещивая руки на груди.

— Ты мыслишь как идиот.

— А ты мыслишь как хладнокровный серийный убийца. Не все посвящают свою жизнь мести.

— Объясни это ему, — рявкает на меня отец.

— Я не ребенок и не один из твоих приспешников, так что смотри, как ты, блядь, разговариваешь со мной в моем собственном кабинете. Если хочешь расспросить Кензо о том, что произошло, сядь на свою задницу и спроси. Но если ты просто хочешь проявить себя, то вот дверь.

Он вздыхает и подходит к стулу, тяжело опускаясь на него.

— Я знаю Денниса много лет, — он качает головой. — Это просто показывает, что ты никому не можешь доверять. — Он опрокидывает еще один стакан, из-за чего Кензо смотрит на меня, проверяя, заметил ли я. Он должен знать меня лучше. Я замечаю все. Кажется, дорогой папочка сегодня особенно сильно приложился к бутылке.

— Кензо, ты можешь возвращаться к работе, — Кензо кивает и уходит, не обращая внимания на моего отца, который все равно сейчас смотрит в пространство.

— Ты когда-нибудь задумывался, как бы все сложилось, если бы в тот день мы сделали другой выбор?

— Нет. Мы сделали то, что сделали. Мы облажались не меньше, если не больше, чем когда-либо Эбигейл. Я не могу вернуться назад и изменить то, что было сделано. Я понимаю твое желание покончить с этим, но я отказываюсь позволять этому управлять остальной частью моей жизни.

— Ты совсем не понимаешь этого, Атлас. Тебе нечего терять. Ты ни к кому ничего не чувствуешь, и все же, потеря тебя убила бы меня. Разве ты не видишь, все, чего я когда-либо хотел, это защитить тебя?

Я пожимаю плечами; — Я большой мальчик и могу постоять за себя. В какой-то момент тебе просто придется отпустить это дерьмо.

— Я не знаю, смогу ли. Это преследует меня, ты знаешь. Не столько то, что я сделал, сколько мысль о том, что твоя мать смотрит вниз и видит это. Соль земли, эта женщина. Она

могла закрыть глаза на что угодно, но из-за этого перевернулась бы в могиле.

— Кензо прав в том, что если мы продолжим давить, то можем спровоцировать самореализующееся пророчество. Эта жизнь, которую ты так сильно хочешь защитить, тратится впустую, пока мы гоняемся за призраком. Ты должен это увидеть.

— Может быть, — и это самая большая уступка, которую я, вероятно, когда-либо получу от этого мужчины. Завтра, когда в его крови будет меньше виски и он почувствует меньше меланхолии, он снова передумает и снова будет гореть желанием отомстить. Так было всегда.

Когда звонит мой мобильный, на экране появляется фотография Айви, обнаженной, если не считать красных стрингов.

Я тянусь к нему и выключаю, засовывая в карман, надеясь избежать каких-либо вопросов. Но старик слишком проницателен для этого.

— Айви, да? Подружка?

— Айви для тебя под запретом. — Я хорошо осведомлен о его долбоебизме.

Он поднимает руку, сдаваясь, но от меня не ускользает любопытный блеск в его глазах.

— Серьезно, отец. Айви — не твоя забота. Я даже не хочу слышать ее имя из твоих уст.

— Ну, она, должно быть, особенная, раз ты так... защищаешь ее. Скажи мне, она знает, с каким мужчиной трахается, или она занимается этим только ради денег?

Я поднимаю его за шиворот и открываю дверь, прежде чем вытолкнуть его наружу.

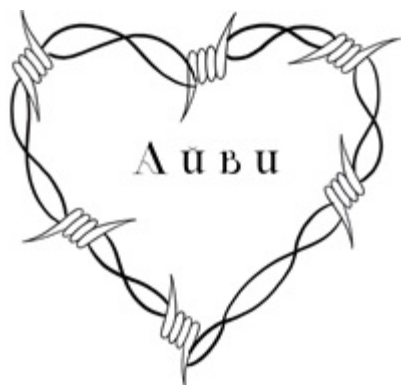
Джим поддерживает его, пристально глядя на меня, но мой отец усмехается.

— Ну, будь я проклят. Похоже, я все-таки могу получить от тебя внука или двух.

Он поворачивается и уходит, прежде чем я успеваю сказать что-нибудь еще.

Врываясь в кабинет, я бью кулаком в стену. Я знаю, что лучше не выдавать слишком многого, но он точно знает, на какие кнопки нажимать.

Ему лучше прислушаться к моим словам, потому что отец он мне или нет, я закопаю его в землю, если он причинит ей боль.

Я улыбаюсь Питу, когда он приезжает за мной, но у меня нет сил на пустую болтовню, не тогда, когда в голове полный сумбур.

Я прислоняюсь головой к окну и еще раз прокручиваю в голове речь, которую планирую произнести Генри. Я знаю, какой он. Он предлагает мне работу, когда знает, что я с ней не справлюсь, но если я пойду туда сейчас и буду вести себя отчаянно, он назло отнимет у меня эту возможность.

— Ты притихла, Айви. Все хорошо? — спрашивает Пит, когда мы подъезжаем к фитнесцентру.

— Да, все прекрасно. Просто устала. Я мало спала прошлой ночью.

— Мне жаль это слышать. Ты работаешь сегодня вечером? — он озабоченно хмурится, когда я сглатываю.

— Нет, не сегодня. Я заканчиваю здесь в обед, и на сегодня с меня хватит.

— Что ж, хорошо. Это должно означать, что ты можешь немного отдохнуть. Напиши мне, когда закончишь, и я приеду за тобой.

— Напишу. Хорошего дня, — я вылезая и направляюсь к двойным стеклянным дверям, открываю одну и оглядываюсь, чтобы посмотреть, кто сегодня на ресепшене. Я морщусь, когда замечаю Генри. Господи, я не могла получить пятиминутную отсрочку приговора, не так ли?

Он смотрит на часы и качает головой, прежде чем подойти ближе.

— Мы немного перебарщиваем, не так ли, мисс Брукс?

— Моя смена начнется только через десять минут, Генри, — мягко говорю я ему с вежливой улыбкой, которая, надеюсь, скрывает тот факт, что я хотела бы ткнуть вилкой в глаз этого ужасного человека.

— Ты знаешь, подобное отношение — разница между экономкой и сотрудником администрации. Если ты не можешь пройти лишнюю милю... — его голос затихает, но угроза подразумевается.

— Да, конечно, Генри. Я буду усердно работать над своими навыками хронометража.

— Хм... Ну, убедись, что ты это сделаешь.

Он поворачивается, чтобы уйти, и как только он скрывается из виду, все мое тело расслабляется.

— Босс, как я вижу, сегодня очарователен, — Лайл, один из парней, которые работают в фито-баре, подходит ко мне и сжимает мою руку в знак солидарности.

— Как и в любой другой день недели. На данный момент, я думаю, можно с уверенностью предположить, что у этого человека нет других установок, кроме как

«сварливый убудок» и «капризный мудак».

Он усмехается, прежде чем направиться к бару с соками.

— Позволь мне угостить тебя выпивкой, прежде чем ты начнешь.

— Лучше не буду. Мне просто повезло бы, если бы он вернулся и поймал меня. Я почти уверена, что он просто ищет повод уволить меня. Что прямо сейчас является моим худшим кошмаром.

— Разумно. Может быть, сходим куда-нибудь выпить после работы или еще что-нибудь?

Подожди, он что, приглашает меня на свидание?

— Хм, это действительно мило с твоей стороны, но я кое с кем встречаюсь.

— Расслабься, милая, я имею в виду только как друзья.

Да, я не уверена, что Атлас воспринял бы это таким образом.

— Может быть, в другой раз? Мне нужно поискать работу после того, как я закончу здесь.

— Разве ты уже не работаешь в "Дрифт"?

Я замолкаю на минуту, поднимая голову, чтобы оглядеть его: — Не думала, что ты знал, что я там работала.

— Люди болтают. В этом месте нет ничего святого. Ладно, мне лучше заняться делом, пока босс не увидел, что я отдыхаю, и не начал гоняться за моей задницей.

— Конечно, увидимся, Лайл.

— Заходи в фито-бар в перерыве, и я приготовлю тебе один из своих фирменных. Ты выглядишь так, будто тебе не помешало бы расслабиться.

— Хочешь сказать, что я выгляжу уставшей, Лайл? — я качаю головой.

— Ты выглядишь прекрасно, как всегда, но немного витамина С тебе точно не повредит.

— Ладно, ладно, но я плачу, — бросаю я через плечо. Я спешу в комнату для персонала и бросаю свои вещи в шкафчик, прежде чем отправиться в прачечную.

Я делаю глубокий вдох, когда добираюсь туда. В запахе свежих чистых простыней есть что-то такое, что успокаивает меня.

Когда я была ребенком, я провела время в нескольких хороших приемных семьях, но я также проводила время и в настоящих лачугах. Все либо ничем не пахло, либо пахло плохо. Одна из приемных матерей отказалась стирать наши простыни. Сказав, что в этом нет необходимости, пока мы не уедем и не появится очередной ребенок.

В школе я узнала о постельных клопах и столько ночей провела в страхе, что в конце концов придумала, как стирать свои простыни самостоятельно. Я тайком проносила их с собой в душ, когда мне разрешали его принимать.

Меня все полотенца, пока мои мысли витают в прошлом, я ловлю себя на том, что работаю на автопилоте, пока кашель не вырывает меня из моих грез наяву.

— О, привет, Айви, в приемной произошла неприятность. Не могла бы ты принести мне пару табличек с надписью «мокрый пол»? — позади меня раздается взволнованный голос Мэг.

— Несу! — кричу я в ответ, зная, что ей нужно бежать.

Роясь в шкафу, я достаю две неоновно-желтые таблички и беру их наверх, когда по комнате разносится сердитый голос

Я вижу, как Мэг пытается сохранять хладнокровие, напоминая женщине в ярко-

фиолетовом велюровом спортивном костюме, что это она пролила свой напиток, и мы убираем его за нее. Подать на нас в суд за то, что она споткнулась действительно не получится.

Я расставляю таблички и убираю беспорядок, пока Мэг отвлекает сердитую женщину. Я подмигиваю ей, давая понять, что я за нее.

Спускаясь обратно к раздевалкам, я сталкиваюсь с Генри, который останавливается прямо передо мной, скрестив руки на груди.

— У тебя сегодня еще одно VIP-дежурство. Те же правила, что и раньше, — он вручает мне ключ, прежде чем удалиться куда-то.

Крепко сжимая его, я облегчено вздыхаю.

Возможно, Атлас делает это только ради утреннего секса, поскольку прошлой ночью мы не виделись, но я не могу найти в себе сил обижаться. Не сегодня. Сегодня это именно то, что мне нужно. Надеюсь, он позволит мне немного поспать, после того, как он меня тупо оттрахает.

Я спешу наверх, взволнованная встречей с ним, уверенная, что смогу задать вопросы о прошлой ночи, немного отвлекшись. Обычно у него это срабатывает, так что, возможно, пришло время посмотреть, как ему нравится быть на стороне собеседника.

Я открываю дверь и замираю, ожидая, что на меня бросятся или развернут и прижмут к стене, как в прошлый раз. Меня встречает абсолютная тишина.

Может быть, он опаздывает? Заперев дверь, я подхожу к дивану и сажусь на краешек, чувствуя себя странно, оттого, что мне нечего делать, пока я жду.

Через десять минут я решаю лечь на спину и немного дать глазам отдохнуть.

Я больше ничего не помню, пока руки медленно не двигаются по моему телу и не обхватывают мою грудь, прежде чем губы скользят по моей челюсти.

Я извиваюсь, изо всех сил пытаюсь полностью проснуться. Только тогда я понимаю, что запах не тот. Я открываю глаза и замираю, готовая закричать о помощи, но чья-то рука зажимает мне рот.

— Сейчас, сейчас. В этом нет необходимости. Я просто хотел зайти и посмотреть, из-за чего вся эта шумиха. Должен сказать, ты не такая, как я ожидал, — странный мужчина рассказывает мне об этом с ухмылкой на лице.

— Сейчас я уберу свою руку. Если ты закричишь, я задушю тебя. Поняла? — я энергично киваю головой, когда он убирает свою руку.

— Ты, блядь, кто такой? — огрызаюсь я, используя гнев, чтобы скрыть пробирающий до костей ужас от того, что мой худший кошмар разыгрывается у меня на глазах, и я главная актриса в том, что этот парень задумал.

— Язык. Ты целуешь свою мать этим ртом? — его голос срывается, словно мое ругательство оскорбляет его.

— Моя мать мертва, и я бы хотела, чтобы ты был таким же. Итак, кто ты такой и почему ты здесь?

— Ах, вот оно. Ты выглядишь такой кроткой и мягкой, но у тебя стальной хребет. Тебе это понадобится рядом с моим сыном.

— Сын. Боже мой. Ты отец Атласа?

Он кивает с улыбкой.

— Раскусила.

Я съезживаюсь, вспоминая его руки на моей груди. Мне нужен душ и, возможно,

немного отбеливателя.

Он без сожаления пожимает плечами, прежде чем его глаза скользят по моему телу, на секунду задерживаясь на моей груди.

Я сажусь и крепко обхватываю себя руками.

— Сиськи немного маловаты, но у тебя хорошие детородные бедра, — говорит он, выглядя довольным.

— Не мог бы ты, пожалуйста, уйти? Я жду Атласа, и тебе лучше поверить, что он взбесится, обнаружив тебя здесь со мной, даже если ты его так называемый отец.

Он запрокидывает голову и смеется, как будто я комик или что-то в этом роде, заставляя меня задуматься, может ли этот человек говорить правду. Я не хочу, чтобы он видел, как я из-за него нервничаю. Временами Атлас может быть холоден, но я знаю, что у него горит огонь любви ко мне. Этот мужчина — чистый лед. Его веселый смех и широкая ухмылка — не более чем маска, скрывающая что-то темное.

— Скажи мне, Айви. Скажи мне, что, по-твоему, такая девушка, как ты, может предложить такому мужчине, как мой сын? Если только у тебя нет каких-то скрытых талантов, которых я не вижу?

На этот раз его глаза скользят по мне медленнее, отчего у меня мурашки по коже. Я никогда так сильно не хотела отмыться, как сейчас.

— Тебе придется спросить своего сына, что он находит во мне, и пока ты этим занимаешься, спроси его, что он чувствует по этому поводу, — я указываю на пространство между нами, быстро поднимаясь с дивана и отходя от него.

— Расслабься, малышка. Если ты собираешься быть с моим сыном, тебе нужно стать более толстокожей.

— Нет, что мне нужно сделать, так это начать носить с собой бутылочку средства для отпугивания мудаков, — огрызаюсь я, ненавидя чувство, что меня держат в клетке.

Он снова смеется, подходя ближе. Я отступаю, пока не оказываюсь прижатой к стене. Поглядывая на дверь, я пытаюсь прикинуть, смогу ли я быть достаточно быстрой, чтобы убежать. Звонок мобильного телефона заставляет нас обоих посмотреть на диван, где, должно быть, мой телефон выскользнул, когда я спала.

На экране высвечивается имя Атласа, и волна облегчения захлестывает меня.

Все еще ухмыляясь, как гребаный психопат, которым он и является, отец Атласа указывает мне ответить.

— Ты не написала мне этим утром, — ворчливо приветствует меня Атлас.

— Атлас, — я произношу только его имя, но легкая дрожь в моем голосе подсказывает ему, что что-то не так.

— Что случилось?

— Твой отец здесь. В VIP-номере, со мной во "Флекс".

Звук рычания, сопровождаемый прерывистым дыханием, словно он пытается взять себя в руки, приносит мне небольшое утешение. Атлас не позволит, чтобы со мной что-нибудь случилось. Это я знаю точно.

— Айви, я хочу, чтобы ты передала свой сотовый моему отцу. Я уже в пути, милая, хорошо?

— Хорошо, Атлас, — шепчу я, прежде чем передать свой телефон его скользкому отцу. Я никогда не думала о знакомстве с родителями Атласа, и после знакомства с его отцом, я могу честно сказать, что жалею об этом. Если на День Благодарения собирается вся семья, я

могла бы рискнуть разбитым сердцем и порвать с Атласом прямо сейчас.

— Ах, Атлас. Я встретил твою маленькую женщину. Я понимаю, почему она тебе нравится, — его голос наполнен намеками. Я слышу повышенный голос Атласа по телефону, но не могу разобрать, что он говорит. Все, что я знаю, это то, что пока Атлас отвлекает его, то внимание не сосредоточено ко мне.

К черту телефон. Он может забрать его. Я подкрадываюсь к двери и, когда он поворачивается спиной, спешу открыть ее. Я открываю ее, но снаружи стоит высокий мужчина неприятного вида, блокирующий выход.

— Извините, мне нужно уйти.

— Я провожу тебя. Мне пора уходить, тем более что Атлас в ярости, — говорит отец Атласа позади меня.

Придурок. Больше похоже на то, что Атлас готов оторвать голову собственному отцу.

Не оставляя мне выбора, он берет меня под руку и тянет за собой по главной зоне спортзала, которая довольно оживлена для этого времени дня. Мы привлекаем всеобщее внимание, когда входим в вестибюль. Этого трудно не сделать. Отец Атласа, может быть, и мудака, но он хорош собой для своего возраста, как и телохранитель огромного телосложения рядом с ним.

Прежде чем он вытащит меня на улицу, я упираюсь пятками, заставляя его со вздохом остановиться.

— Как жаль, что у меня не было времени узнать тебя получше, — бормочет он, целуя меня в щеку, когда я сцепляю ноги вместе.

Он засовывает мой телефон в задний карман джинсов, затем похлопывает меня по заднице, прежде чем громко объявить: — Спасибо за услуги. Ты стоила каждого пенни, — он ухмыляется.

Ты гребаный придурок. Я оглядываюсь вокруг и вижу, что все слышали его небольшую реплику. Некоторые смотрят на меня в шоке, другие с отвращением.

Отец Атласа только что намекнул, что я проститутка на единственной оставшейся у меня работе.

— Извините, но не намекайте, что произошло что-то такое, чего абсолютно не было. Моя работа — следить за тем, чтобы полотенца и туалетные принадлежности были в наличии. Мне платят не за то, чтобы я была чьей-то шлюхой, — огрызаюсь я, дойдя до предела.

— Айви! Кабинет! — Генри кричит с другого конца комнаты.

Мои плечи опускаются, зная, что мне крышка.

— О, не волнуйся, киса. Мне всегда пригодится хорошее чистящее средство. Да, я уверен, что смогу найти тебе что-нибудь что можно отполировать, — он смеется, прежде чем повернуться и уйти, словно это не он только что испортил мне жизнь.

Телохранитель даже не замечает моего существования, но все остальные смотрят на меня, как на циркового уродца.

Я изо дня в день работала с этими людьми и считала большинство из них друзьями, но то, как они все смотрят на меня сейчас, заставляет задуматься, видела ли я только то, что хотела видеть. Я, черт возьми, уверена, что никогда не думала, что они будут так осуждать. Ни один из них не вступился за меня и не обвинил отца Атласа в его вранье. Они должны знать, что я бы никогда этого не сделала.

С высоко поднятой головой я поворачиваюсь и направляюсь к кабинету Генри, постучав

один раз, прежде чем войти.

— Сидеть, — приказывает он, как будто я собака. Я сильно прикусываю язык, зная, что не могу позволить своему рту распускать язык, не тогда, когда моя работа так ненадежно балансирует на острие ножа.

— Послушай, Айви, ты трудолюбивая. Я знаю это, но здесь, во «Флекс», мы должны установить определенный стандарт.

— Я не спала с этим мужчиной. Мне все равно, что он говорит. Он скользкая свинья.

Взяв пульт со стола, Генри нажимает на что-то, и монитор безопасности в углу оживает, застывая на изображении меня, лежащего на диване в VIP-комнате с закрытыми глазами и слегка приоткрытыми губами, спящего. Я знаю, что спала, но для кого-то другого это выглядит так, будто я просто наслаждаюсь рукой, обхватывающей мою грудь, и телом, склонившимся надо мной.

— Я спала. Его поведение не нормально. Я должна выдвинуть обвинения, — возмущаюсь я. Генри качает головой.

— Так ты спала на работе? — мой рот захлопывается, понимая, что я попалась на уловку. Что бы я ни сказала, это не поможет. Он искал повод поиздеваться надо мной, а я только что преподнесла ему один на блюдечке с голубой каемочкой.

Он снова нажимает кнопку на пульте, и следующее изображение — это снимок меня обнаженной, сидящей верхом на Атласе с откинутой в восторге головой.

— А как насчет этого, Айви? Ты тоже здесь спала?

Я сижу в ошеломленном молчании, в ужасе уставившись на экран.

Я вот-вот потеряю еще одну работу. Это как дежа-вю, блядь, снова и снова.

— Я должен тебя уволить.

Я резко разворачиваюсь к нему лицом при использовании слова *должен*. В моей груди расцветает надежда, которую он растоптал следующим предложением.

— Однако, возможно, я мог бы воспользоваться твоими специфическими услугами. Для меня крайне важно, чтобы клиенты были довольны. Может быть, ты хотела бы показать мне, что ты можешь предложить?

Он поворачивает свой стул, чтобы мне было лучше видно его твердый член через штаны, когда он откидывается назад, такой уверенный в себе.

— Я лучше буду жить на улице, чем стану твоей шлюхой. Иди нахуй.

Я вылетаю из комнаты и хватаю свои вещи из комнаты для персонала, вытирая слезы, потому что я отказываюсь доставлять кому-либо удовольствие видеть, как я плачу.

Как только я все забрала, я спускаюсь обратно вниз. Вместо того, чтобы выйти через главный вход, где все будут говорить обо мне, я выхожу через заднюю дверь и, опустив голову, обхожу здание. Я спешу к автобусной остановке, но сталкиваюсь с очень твердым телом и снова отскакиваю назад.

Руки, обхватывающие мои плечи, останавливают меня от падения, заставляя взглянуть в грозные глаза, которые я никогда раньше не была так счастлива видеть.

— Атлас.

Проводив ее до машины, я наклоняюсь над ней и прижимаю к двери.

— Что он сделал?

— Генри или твой отец? Кажется, сегодня национальный день мудака, и никто не подумал предупредить меня.

— Мой отец. Что он тебе сказал? — я пытаюсь держать себя в руках, но это невозможно. Я знаю, что потерпел неудачу, когда это сквозит в моем голосе.

— Атлас, я в порядке, — она проводит ладонями по моим рукам, пытаюсь успокоить, когда я тот, кто должен утешать ее.

— Что он сказал? — я тихо повторяю.

— Я не знаю. Я не обращала особого внимания на то, что он говорил. Я была сосредоточена на попытке уйти, хотя он предложил мне место в своей бригаде уборщиков, — саркастически добавляет она.

— Он прикасался к тебе?

Ее голова опускается, но она кивает: — Думала, это ты снова забронировал номер, но ты опоздал, и я устала... — она затихает, словно что-то обдумывает, прежде чем поднять на меня остекленевшие глаза.

— Я проснулась и обнаружила его на диване рядом со мной, его руки исследовали мою грудь.

Она говорит это с какой-то клинической отстраненностью, словно отсутствие у нее эмоций не даст моим выйти из-под контроля.

Теперь, когда джинн выпущен из бутылки, нет ни единого гребаного шанса.

— Пит отвезет тебя домой.

— Атлас, подожди, — она хватается за мою руку, когда я смотрю на нее сверху вниз.

— Он того не стоит, — шепчет она. Она до сих пор понятия не имеет, кто я на самом деле или кто мой отец. Из-за этого она понятия не имеет, на что кто-либо из нас способен или что могло случиться с ней в той комнате.

— Айви, отправляйся домой. — Мой голос звучит пусто даже для моих ушей. Я замечаю, как она морщится, но она настойчива. Я отдаю ей должное. Она хватается за ворот рубашки и тянет вниз, пока ее губы не скользят по моим.

— Не делай ничего, от чего ты не сможешь оправиться.

— О, сладкая, если бы ты только знала мужчину, которого ты впустила между своих бедер. Я натворил столько дерьма в своей жизни, что нет ничего такого, от чего я не мог бы оправиться. Не беспокойся обо мне. Беспокойся о себе, потому что, когда я приду к тебе позже, я не смогу сдерживаться.

— Мне все равно, главное, чтобы ты вернулся, — шепчет она, хватая меня за запястья, когда я обхватываю ладонями ее лицо.

— Я всегда приду за тобой, — я целую ее. Мой гнев переполняет меня слишком сильно, чтобы сдерживаться, и к тому времени, как я отстраняюсь, на ее губе кровь, которую я слизываю.

Я отвожу ее в сторону и открываю дверь.

— Садись и езжай домой.

Мудро, что она не спорит. Она забирается внутрь и садится, пока я закрываю дверь.

Я поворачиваюсь и иду к Кензо, который стоит у своей машины, скрестив руки на груди, темные очки закрывают его глаза, но я могу сказать, что он тоже зол.

Я оборачиваюсь, когда слышу, как Айви зовет меня, и вижу, как ее голова высовывается из окна.

— Это была проверка.

Я киваю, ее предположение верно: — Он хочет знать, насколько глубоки мои чувства к тебе. Он пытается понять, изменилась ли моя преданность.

— Нет, Атлас, он не проверял тебя. Он проверял меня. Он знал, что ты будешь бороться за меня, иначе он не стал бы разыгрывать этот спектакль. Он проверял, насколько глубоки мои чувства к тебе. Он хотел увидеть, достаточно ли я сильна, чтобы стоять рядом с тобой или убегу при первых признаках опасности.

Я подхожу ближе, обдумывая ее слова.

— Он знает, что я бы никогда не позволил тебе сбежать.

Она закатывает на меня глаза, заставляя мою руку чесаться от желания отшлепать ее по вишнево-красной заднице.

— Он также знает, что я никогда не буду рядом с тобой, как бы сильно я ни старался. Не в твоем характере так подставлять меня. Ты всегда будешь идти на шаг впереди меня, используя свое тело, чтобы прикрыть мое.

Я наклоняюсь и снова целую ее, на этот раз нежно, растягивая момент, когда она забирает у меня часть моего гнева.

Отстраняясь, я стучу в дверь и говорю Питу, чтобы он уходил, наблюдая, как она мягко улыбается мне и садится обратно. Я смотрю в след отъезжающей машине, прежде чем вернуться к Кензо.

— Куда едем, босс?

— Он будет ждать меня дома. Не в его стиле прятаться, особенно если он думает, что ему нужно что-то доказать.

Я забираюсь на пассажирское сиденье и жду, пока Кензо заведет машину, прежде чем продолжить.

— Его действия сдвинули сроки.

— Я почему-то сомневаюсь, что у тебя с этим проблемы, — фыркает он.

— Вовсе нет. Но с Генри нужно будет разобраться после моего отца. Позвони Кейну. Скажи ему, чтобы он проснулся, и подготовь команду уборщиков. Они будут заняты сегодня вечером.

Кензо использует Bluetooth для совершения звонков, в то время как я использую свой телефон для перемещения вещей, что освобождает меня на остаток ночи.

К тому времени, как мы возвращаемся в поместье, все в порядке.

Кензо идет со мной к дому, проходя мимо машины моего отца. Мы направляемся прямо в мой кабинет и обнаруживаем, что он пуст. Один взгляд в окно показывает местонахождение моего отца.

— Он в саду с Джимом. Я больше никого не вижу, и он редко путешествует более чем с одним охранником, но все равно держи ухо востро.

— Это не первое мое родео, босс.

Мы выходим на улицу и спускаемся к каменной скамье, где сидит мой отец, как будто ему на все наплевать. Джим стоит прямо за ним, опустив руки по швам.

— Ах, Атлас, я думал, ты будешь здесь раньше. Возможно, я неправильно понял, как много эта девушка значит для тебя.

Я отвожу руку назад и ударяю кулаком ему в лицо, когда Кензо вытаскивает пистолет и направляет его на Джима.

— Ты облажался, старик, — киплю я, когда он ухмыляется мне, кровь покрывает его зубы.

— Хм... может быть, я не ошибся. Ты злишься. Я понимаю, но как твой отец, я должен был увидеть, достаточно ли она сильна, чтобы быть твоей королевой.

Я наклоняюсь и смотрю ему в лицо.

— И я должен последовать твоему совету насчет свиданий, да? Насколько я помню, женщина, на которой ты женился, закончила тем, что ее мозги были разбрызганы по кухонным шкафчикам.

— Я не хочу, чтобы ты повторял мои ошибки, — он пожимает плечами, вытирая губы тыльной стороной ладони.

— Чушь собачья. Тебе не нравится, что ты не можешь контролировать каждую мелочь. К сожалению для тебя, это конец пути. Ты больше не являешься чьим-либо боссом, и на данный момент твое имя удалено из всех документов и открытых контрактов. Ты будешь получать пособие, чтобы продолжать жить той жизнью, к которой ты привык, но весь бизнес принадлежит мне. У тебя нет контроля, и если ты попытаешься снова переступить черту, я не оставлю тебе ничего, кроме одежды.

— Я твой отец, — рычит он, заставляя меня смеяться.

— Ты думаешь, это делает тебя неприкасаемым? Я позволяю тебе жить из-за того, кто ты есть, но не путай верность с любовью. Я позволял тебе слишком долго дергать за ниточки, потому что доверял тебе. Но теперь моя очередь, и ты можешь либо согласиться, либо идти нахуй.

— У тебя нет надо мной власти, маленький засранец, — рычит он, когда я хватаю его за челюсть и вытаскиваю пистолет.

— Ты прикоснулся к тому, что принадлежит мне, — я поднимаю пистолет, направляю его на Джима и нажимаю на спусковой крючок. Я с ликованием наблюдаю, как в его голове появляется дыра, красный туман окутывает Кензо, который даже не вздрагивает.

— Теперь я коснулся твоего. Шах и мат. — Я толкаю его и наблюдаю, как он падает со скамейки, приземляясь на задницу.

— Это твое единственное предупреждение. Держись подальше от Айви.

Он смотрит на скрюченное тело Джима, лежащее в грязи.

— Он был тебе как дядя, — тихо говорит мне мой отец, пытаясь сдержать свои эмоции. Возможно, Джим когда-то был для меня псевдоотцом, но он был лучшим другом моего отца.

— Помни об этом в следующий раз, когда захочешь перейти мне дорогу.

Наклоняясь, я хватаю его за воротник и хладнокровно ударяю прикладом пистолета, вырубая его.

— Ты уверен, что хочешь оставить его в живых? Я знаю, что он твой отец, но он может стать для тебя проблемой.

— Сейчас он зол, но он подчинится. А если он этого не сделает, я убью его сам.

Я поднимаю взгляд, когда краем глаза замечаю движение, и обнаруживаю команду уборщиков, направляющуюся в нашу сторону.

Тревор, глава группы, смотрит на Кензо и качает головой, прежде чем вытащить пачку салфеток и бросить их ему.

— У тебя что-то на лице.

Кензо ухмыляется и приводит себя в порядок.

Тревор снова сосредотачивается на мне: — Обычная утилизация?

Я киваю, прежде чем указываю на своего отца: — Убедись, что он доберется домой еще дышащим.

— Я не управляю службой доставки, — огрызается он, заставляя меня вздохнуть.

— Я заплачу тебе премию.

С ворчанием засранец соглашается. Если бы он не был лучшим в своем деле, я бы пристрелил его, но он лучший, поэтому я сдерживаюсь.

Я поворачиваюсь и ухожу, зная, что Кензо последует за мной.

Я не утруждаю себя переодеваниями. Нет особого смысла портить что-либо еще, когда праздник далек от завершения.

Направляясь тем же путем, которым мы пришли, на этот раз я направляюсь к одному из гаражей и выбираю невзрачный серый грузовик. Я забираюсь на водительское сиденье и беру ключи с козырька, в то время как Кензо садится рядом со мной.

— Ты заплатишь за мою химчистку, — жалуется Кензо.

— Я куплю тебе новый костюм.

Он больше ничего не говорит, просто откидывается на сиденье и закрывает глаза, пока я везу нас к следующему пункту назначения.

Дом Генри — это небольшая двухкомнатная квартира в дальнем конце тупика. После грязного развода, в ходе которого его жена забрала все остальное, Генри скатился к образу жизни, состоящим из проституток и секса, который он не мог себе позволить. К счастью для него, я сделал ему предложение, от которого он не смог отказаться.

Но теперь его польза сошла на нет.

Я еду вдоль дома, машина сейчас вне поля зрения с улицы, но я знаю, что по крайней мере один из тех, кто подергивает занавески, вспомнит, что видел ее. Они не увидят, кто был внутри.

Натягивая перчатки, мы вылезаем и пробираемся к задней двери и взламываем замок. В доме темно, единственным шумом является гудение холодильника.

— Ты осмотришься здесь, а я поднимусь наверх. Возьми все, что может связать его с нами или Айви. Единственной связью должен быть фитнесклуб. И заведи его ноутбук, если он здесь.

Я поднимаюсь по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки за раз, и начинаю с

комнаты для гостей, методично проверяя каждый дюйм комнаты, прежде чем перейти к ванной и, наконец, к спальне Генри.

Обнаружив, что в квартире чисто, я возвращаюсь к Кензо и нахожу его сидящим за кухонным столом и поедающим гребаный сэндвич.

— Что? Я голоден, — огрызается он, когда я пристально смотрю на него.

— У меня ничего нет, только если ты ничего не нашел.

— Ящик полон неоплаченных штрафов за парковку и нескольких просроченных счетов за коммунальные услуги, но это все. Такое ощущение, что парень здесь никогда не жил.

— У него есть женщина? Где еще он мог остановиться?

— Я попросил Гранта разобраться. Я жду звонка.

Я пожимаю плечами. В любом случае, нам здесь не о чем беспокоиться.

— Поехали. Я хочу покончить с этим дерьмом, чтобы я мог вернуться к своей женщине.

— По крайней мере, один из нас будет трахаться, — ворчит Кензо.

— Не похоже, что у тебя проблемы с поиском киски на ночь.

— Нет, но с тех пор, как я встретил Айви, ты превратился в самого большого блокировщика члена на планете. Я собираюсь начать игнорировать твои звонки или, может быть, я просто уволюсь.

Я качаю головой и иду обратно к машине, зная, что он полон дерьма. Кроме того, Кензо оставит меня только в мешке для трупов. Он слишком много знает.

— На этот раз поведешь ты. Мне нужно позвонить. — я бросаю ключи через плечо и разминаю шею, готовясь к тому, что этот день закончится.

Когда мы подъезжаем, здесь тихо, хотя фитнесцентр закрывается только через несколько часов.

Используя VIP-вход, я отправляю Кензо стереть записи и направляюсь прямо в кабинет Генри.

Я не утруждаю себя стуком. Широко распахиваю дверь и наблюдаю, как Генри поворачивает ко мне багровые глаза за секунду до того, как его лицо бледнеет. Он отчаянно нажимает кнопку на пульте дистанционного управления в своей руке, но слишком поздно. Я уже видел экран, на котором я, блядь, трахаю Айви у стены.

Закрыв за собой дверь, я достаю пистолет и направляю его на него.

— Возьми трубку и скажи, что вы закрываетесь раньше из-за чрезвычайной ситуации.

Его лицо бледнеет еще больше, прежде чем он поднимает дрожащую руку и делает звонок.

— Отлично. Теперь давайте поболтаем, хорошо? Пока мы ждем, когда все уйдут.

— Я сделал все, о чем вы меня просили, мистер Монро, — его голос дрожит.

— Ты это сделал? Забавно. Я не помню, чтобы просил тебя гладить свой жалкий маленький член перед изображением моей женщины. Скажи мне, Генри, ты прикасался к ней?

— Нет! Никогда. Я бы никогда этого не сделал.

— Но ты все же наблюдал за ней, не так ли? — я машу пистолетом в его сторону и наблюдаю, как его глаза следят за мной, когда я подхожу к экрану и провожу пальцем по

лицу Айви.

— Сколько мой отец заплатил тебе за то, чтобы ты предоставил ему доступ в VIP-номер?

— Нисколько, — он так сильно трясет головой, что это должно быть, причиняет боль. — Это было недоразумение. Один из людей на стойке регистрации записался на встречу к мистру Монро, и я подумал, что это вы. Я клянусь.

— Что произошло после?

— Я... здесь. У меня есть запись. — Он краснеет, когда переключает видео на главный вход в спортзал и перематывает на тот момент, когда мой отец тащит Айви в кадр.

Он нажимает кнопку воспроизведения и делает звук погромче, чтобы я мог слышать каждую дерьмовую мелочь, которую он ей говорит. Он такой придурок, но я ничего не могу с этим поделать, кроме как двигаться вперед.

— Ты начал слишком рано. Ты должен был обнародовать запись нас с Айви, когда я подам тебе сигнал.

— Я думал, ваш отец был сигналом. Видите, все это было недоразумением, — он поднимает руки, слегка расслабляясь, когда дверь позади нас открывается.

— Стер все, кроме карандаша, который здесь хранил этот мудака, — говорит мне Кензо.

— Проведи осмотр. Убедись, что все ушли.

— Сделано.

Я жду, пока он закроет дверь, прежде чем снова обратиться к Генри.

— Я хочу все копии, которые у тебя есть, прямо сейчас, прежде чем я отрежу тебе член и задущу тебя им.

Он секунду возится, прежде чем показать мне пульт.

— У меня нет никаких копий, кроме этой. Она записывается отдельно в остальную часть системы в качестве резервной копии. Если другой контур будет удален, этот останется незатронутым, если не будет очищен вручную.

— Сделай это. Я хочу, чтобы все исчезло, и тогда я, возможно, проявлю великодушие и оставлю тебя в живых.

Как можно быстрее, он удаляет все следы улики, не осознавая, что лишает себя единственного рычага воздействия, который у него есть. Отчаявшиеся глупцы принимают отчаянные решения.

— Ну вот, все сделано.

— Отлично. Теперь трудовую книжку...

— Айви нет в системе. Я плачу ей наличными, как вы меня просили, но в моем досье она указана как Кристал Джонс.

— Итак, с сегодняшнего дня Айви не существует.

— Совершенно верно, мистер Монро. Что касается записей о приеме на работу, Айви никогда здесь не работала.

Дверь снова открывается. На этот раз Кензо ставит замок на место.

— Все ушли, и у меня есть все, что ты спрятал в VIP.

Я киваю, но не спускаю глаз с Генри.

— Значит, все в порядке, верно?

— Да, Генри, ты был очень полезен. Когда я попросил тебя занять это место, я знал, что ты идеально подходишь для этой работы. Я хотел, чтобы ты не понравился Айви, и ты сделал это на удивление легко. Я, честно говоря, думаю, что ты проделал здесь отличную работу.

Он сияет от гордости, когда я встаю и подхожу к нему.

— Так что представь мое удивление, когда Айви рассказала мне, что ты с ней сделал, что ты ей сказал, — я вздыхаю и качаю головой.

Это, конечно, чушь собачья. Айви еще не рассказала мне всего, но я видел, как она съежилась при упоминании имени Генри.

— Я просто пошутил. Клянусь. Я просто хотел, чтобы она ушла, как ты сказал. Я не хотел, чтобы она умоляла о своей работе, и это сработало. Клянусь, она меня совсем не интересуется в этом смысле.

Я улыбаюсь, стараясь говорить как можно дружелюбнее: — Лжешь с ходу, Генри. Мне это нравится, и благодаря этому следующую часть пройдет более гладко.

Кензо заходит ему за спину и удерживает его на месте, когда я дотягиваюсь до его запястья и крепко сжимаю его, поднимая и вкладывая свой пистолет в его руку. Я накрываю его пистолет своим и прижимаю к его виску.

— Ты знал, что у Айви есть преследователь? Это так ужасно, когда тебе всего восемнадцать и ты совсем один в этом мире. Надеюсь, это принесет ей душевное спокойствие. Конечно, она будет в моем доме и в моей постели, так что на самом деле это не имеет значения, но мне нравится сводить концы с концами.

— Нет. Пожалуйста. У меня есть дети.

— Похоже, это твоя проблема, — я нажимаю на его палец, и пистолет стреляет, от шума у меня звенит в ушах, а кровь забрызгивает Кензо и меня.

— Рад, что я не потрудился переодеться, — замечает Кензо, когда мы устраиваем Генри, навалившегося на стол с пистолетом в руке.

— У меня были те же соображения.

Открывая сумку, которую Кензо принес с собой, я вытаскиваю фотографии и кладу несколько на его стол, пока Кензо разбрасывает кокаин и прочую компрометирующую дрянь по комнате.

Я добавляю несколько фотографий в файл в его верхнем ящике стола, а также множество снимков случайных женщин, переодевающихся в раздевалке.

— Я думаю, этого должно хватить, — заявляет Кензо, оглядывая комнату.

— Согласен. Давай убираться отсюда.

Ожидание — это не моя сильная сторона. Немного покусав ногти, походив взад-вперед, переключив каналы и прочитав одну и ту же страницу книги четыре раза, я сдаюсь и встаю у окна.

Прошло несколько часов с тех пор, как я оставила Атласа в фитнесцентре, и мой разум прокручивал все варианты развития событий, от самых вероятных до чертовски нелепых.

Я думала, что смогу использовать логику, чтобы успокоиться, но я довела себя до такого состояния.

Как бы сильно мне не нравился отец Атласа, я не хочу быть причиной того, что их отношения рушатся. Будучи сиротой, я знаю, что простила бы почти все проступки родителей, если бы у меня была возможность вернуть их. Вы не можете наладить отношения с призраками. Не то чтобы я думала, что Атлас убьет своего отца, верно?

— Господи, Айви. Больше никаких криминальных сериалов. Что с тобой не так? Я же не встречаюсь с серийным убийцей. — Я посмеиваюсь над своей паранойей, когда замечаю фигуру во дворе, смотрящую в окно.

В ней есть что-то знакомое, но отсюда сложно разглядеть черты.

Кто бы это ни был, у него гипс на левой руке, и когда он выходит под уличный фонарь, я вижу множество синяков, украшающих левую сторону его лица, когда он смотрит на дорогу.

Только когда он оборачивается, чтобы посмотреть на меня, и свет освещает профиль, я узнаю в нем Макдуша, придурка, который напал на меня возле "Дрифт".

Я замираю, мое дыхание учащается, пытаюсь понять причины, по которым он мог быть здесь, когда он лезет в карман и вытаскивает долбаный фиолетовый цветок.

Отпрянув от окна, я спешу к кофейному столику, хватаю свой мобильный и трясущимися руками набираю номер Атласа.

— Я уже в пути, Айви.

— Он здесь, — шепчу я, словно мой преследователь каким-то образом может меня услышать.

— Что? Кто там? Что происходит?

— Парень, который напал на меня в "Дрифт", находится снаружи, и у него фиолетовый цветок. Боже, это звучит нелепо, но я думаю, что он мой преследователь.

— Убедись, что дверь заперта, и не открывай ее никому, кроме меня или Кензо.

— Она заперта, — говорю я ему, но все равно перепроверяю.

— Ни в коем случае не выходи из квартиры. Мне плевать, если ты увидишь гребаный торнадо, направляющийся в твою сторону. Твоя задница не выйдет из квартиры.

— Хорошо, Атлас.

— Хорошая девочка. Я отключусь, чтобы сделать несколько звонков. Я буду с тобой через мгновение, сладкая.

Спокойствие его голоса помогает мне успокоиться: — Я люблю тебя, — шепчу я, прежде чем повесить трубку.

Я бросаю телефон и сажусь на диван, обхватив себя руками.

Не могу поверить, что сказала ему, что люблю его по телефону. Еще слишком рано, он слишком самоуверенный, и я вляпалась по уши. И все же это ничего не меняет. Я влюбилась в тот день, когда он сказал мне, что строит для меня библиотеку. Я просто не хотела этого признавать.

Все, что я знаю, это то, что если мой преследователь доберется до меня до того, как сюда доберется Атлас, я хочу, чтобы он знал, что я чувствую.

— Нет, к черту это, — шиплю я на себя, отказываясь сидеть здесь, как перепуганная кошка. Я спрыгиваю с дивана и роюсь в кухонном ящике, пока не нахожу разделочный нож. Я крепко сжимаю его, направляясь обратно к окну, чтобы выглянуть во двор.

Сейчас в поле зрения нет ни души, но это не мешает мне вглядываться в тени...

Кажется, что прошло несколько часов, когда подъезжает изящная серебристая машина и Кензо и Атлас выходят. И вот так я чувствую, что мое тело начинает расслабляться.

Кензо отходит, и Атлас на секунду поднимает на меня взгляд. Он не машет и не улыбается в знак приветствия, но это не то, что мне нужно. Он снова показывает мне свою поддержку. Каждый раз, когда я нуждалась в ней, он прибегал. Я не могу вспомнить никого, кто бы позаботился о том, чтобы сделать что-то подобное для меня раньше.

Он отводит взгляд и направляется внутрь. Я остаюсь у окна, гадая, сможет ли Кензо найти парня. Я не могу сказать, что я большой поклонник насилия — черт возьми, я даже не могу смотреть бокс без содрогания, — но прямо сейчас я чувствую небольшую жажду крови.

Этот мерзкий человек заставил меня почувствовать себя уязвимой в моем безопасном пространстве, и именно поэтому я не стала бы заступаться за него. В каком мире это нормально? Как он оправдывает свои действия перед самим собой, не говоря уже о том, чтобы спать по ночам?

Стук в дверь заставляет меня оторваться от окна и поспешить впустить Атласа. Я дважды проверяю, что это он, прежде чем открыть дверь. Я замираю на месте, когда замечаю мозаичную вазу у его ног с огромным букетом цветов. Разница между этими и обычными фиолетовыми в том, что они мертвые, увядшие и обесцвеченные, и свешивают бутоны, словно плачут.

— Ступай, Айви, собери сумку. Ты не можешь здесь оставаться, — он достает свой сотовый и набирает номер, прижимая его к уху, прежде чем я успеваю запротестовать, пока он подталкивает меня обратно внутрь.

— Ты нашел его? — спрашивает Атлас — я полагаю, Кензо — делая паузу, пока он ждет ответа.

— Блядь. Ладно, поднимайся в квартиру, — он вешает трубку и возвращает сотовый в карман, прежде чем обхватить ладонями мой подбородок.

— Ты не можешь оставаться здесь. — его голос мягкий, но твердый. В этом споре не победить, но я должна попытаться. Я потеряла все — свою семью, свою машину, свою работу. Я не могу потерять и свой дом тоже.

— Внутри я в безопасности. Ты позаботился об этом с помощью этой двери. Я не хочу покидать свой единственный дом.

Он ударяет рукой по кухонному столу, заставляя меня подпрыгнуть, когда кофейная чашка, из которой я пила ранее, падает на пол.

— Твой дом со мной, где я могу обеспечить твою гребаную безопасность, — рычит он, когда раздается еще один стук в дверь. Он подходит к ней и распахивает, открывая Кензо, который заходит внутрь с приподнятой бровью.

— Айви переезжает ко мне. Собери ее барахло. Если она не хочет брать его с собой, она может оставить всё здесь, или я сдам на хранение. Ты начинаешь здесь, мы начнем в спальне. — он тащит меня прочь и захлопывает за нами дверь спальни, прежде чем бросить меня на кровать и прижаться ко мне.

— Будут времена, когда я сдамся тебе. Это будет не часто, но я дам тебе все, что смогу. Твоя безопасность — это не то, о чем когда-либо можно будет вести переговоры. Я был более чем справедлив, позволив тебе оставаться здесь все это время...

Я обрываю его, его слова разжигают огонь внутри меня.

— Позволив мне остаться? Ты позволил мне остаться здесь? Это мой дом, Атлас. Ты не имеешь права приходить сюда, ведя себя как король, и обращаться со мной как с крестьянкой, которая должна подчиняться твоим приказам.

Он сжимает мои волосы в кулаке и резко тянет их, заставляя меня зашипеть, когда он наклоняет голову и прикусывает мою губу достаточно сильно, чтобы выступила кровь.

Он слегка приподнимается и стягивает с меня шорты и трусики, прежде чем расстегнуть пуговицу и освободить свой член.

Широко раздвигая мои ноги, он проводит головкой своего члена по моему клитору.

— Ты думаешь, что ты моя крестьянка? — рычит он. — Если бы ты не была такой чертовски упрямой, ты бы поняла, что ты моя гребаная королева. — он шлепает своим членом по моему клитору, заставляя меня задыхаться. Он делает это снова и снова, каждый раз немного жестче, чем раньше.

— Но если ты хочешь, чтобы я относился к тебе как к чему-то меньшему, тогда это тоже можно устроить. Что скажешь, Айви? Хочешь, чтобы с тобой обращались как с крестьянкой? Или, может быть, как с прислугой? — я извиваюсь под ним, когда он трется головкой своего члена о мою влажность.

— А еще лучше, как насчет того, чтобы я обращался с тобой как со своей шлюхой? — он врывается в меня, вырывая крик из моих легких.

— Да, мне нравится эта идея. Я мог бы запереть тебя и обращаться с тобой как с сексуальной рабыней. Я бы держал тебя на коленях и заставлял умолять о моем члене. Я бы взял тебя в каждую дырочку и покрыл своей спермой. Я бы позаботился о том, чтобы ты больше никогда не задавалась вопросом, кому ты принадлежишь. Это то, чего ты хочешь? — рычит он, вбиваясь в меня так сильно, что я знаю, что у меня останутся синяки. Грубость и жестокость его слов, должно быть, нажимают какую-то кнопку самоуничтожения внутри меня. Через несколько минут я падаю через край в забвение. Я хрипло выкрикиваю его имя, когда он прикусывает верхнюю часть моей груди, чтобы заглушить свой собственный рев, когда он изливается в меня.

Мгновение тянется между нами. Он пристально смотрит мне в глаза, провоцируя меня на спор, пока наше тяжелое дыхание наполняет комнату.

Прежде чем кто-либо из нас успеет что-либо сказать, нас прерывает стук.

— Если вы закончили, возможно, вам захочется взглянуть на это, — выкрикивает Кензо, заставляя меня покраснеть.

Атлас отстраняется от меня, заставляя меня застонать. Возможно, мне понадобится пакет со льдом, если я планирую завтра быть в состоянии ходить.

— Одевайся и собирай вещи.

— Атлас.

— Айви, черт возьми, не испытывай меня. — он застегивает молнию, прежде чем направиться к двери.

Я быстро прикрываюсь и жду, пока он закроет дверь, прежде чем поспешить в ванную, чтобы привести себя в порядок.

Когда я вхожу в гостиную, Кензо и Атлас поворачиваются ко мне, у каждого из них непроницаемое выражение на лицах.

— Что?

— Кензо нашел пару камер, — говорит мне Атлас, делая шаг вперед, когда его слова проникают внутрь.

— Что? — шепчу я, надеясь, что ослышалась.

Он проводит ладонями вверх и вниз по моим рукам, когда Кензо проходит мимо меня в спальню.

Я бы умерла от смущения, зная, что он увидит смятые простыни, влажные от наших занятий любовью, если бы до меня только что не дошло, почему он там.

Я смотрю в глаза Атласу, желая, чтобы он сказал мне, что я делаю неправильные выводы. Он вообще ничего не говорит, пока Кензо не окликает.

— Еще две здесь и одна в ванной.

Чувствуя, как комната раскачивается, когда Атлас обнимает меня, я вижу, как шевелятся его губы, но не слышно ни звука, кроме грохота моего сердца.

Я никогда не чувствовала себя такой униженной, как сейчас, зная, что кто-то наблюдал за мной в мои самые сокровенные моменты.

Я не пытаюсь сдержать слезы. Какой в этом смысл? В конце концов, мой преследователь победил. Он забрал последнее, что принадлежало мне и только мне, и испачкал это.

— Держись, сладкая. Просто держись за меня. Я не позволю тебе упасть. — Глубокий голос Атласа окутывает меня, как одеяло, когда он притягивает меня к своей груди и держит, пока я рыдаю.

Я слышу, как Кензо тихо ходит вокруг нас, когда они что-то шепчут друг другу, прежде чем дверь открывается и закрывается. Я держу глаза закрытыми и хватаюсь за рубашку Атласа, как за спасательный круг, потому что, как только я снова открою их, реальность снова обрушится на меня.

— Айви?

Прерывисто вздохнув я отстраняюсь и смотрю на него снизу вверх.

Он вытирает мои слезы подушечками больших пальцев и смотрит на меня, подбирая слова.

— Я знаю, ты чувствуешь, что теряешь все, но это не так. Я хочу этого, нас. Я, блядь, не могу дышать без тебя, Айви. Каким бы хреновым ни было все это, ты не можешь позволить этому омрачить тот факт, что это только начало нашей совместной жизни.

Я медленно киваю. Он прав. Мои слезы сейчас ничего не изменят. Я могу либо погрязнуть в этом и дать своему преследователю повод для гордости, либо я могу стремиться к своему «долго и счастливо» и подняться над всем этим.

У него есть власть надо мной только в том случае, если я ему позволю.

— Ты прав. Мне здесь больше нечего делать. Не говоря уже о том, что теперь, когда я безработная, я даже не могу позволить себе это чертово жилье, — я фыркаю. — Думаю, этот мудака все-таки оказал мне услугу.

Атлас ухмыляется: — Видишь, нет худа без добра. Так случилось, что я знаю потрясающе красивого мужчину, который ищет жену.

Взрыв смеха вырывается у меня, удивляя нас обоих.

— Как насчет того, чтобы сейчас ты просто поиграл в моего папочку, а я постараюсь быть хорошей девочкой, чтобы меня не отшлепали?

Улыбка сразу становится темнее, отчего мои соски твердеют, а дыхание перехватывает в горле.

— Хм... Мне нравится эта идея, — шепчет он, когда его нос скользит по моей щеке.

Дверь квартиры распаивается, заставляя меня отпрыгнуть назад. Это просто Кензо с охапкой плоских упаковочных коробок и рулоном скотча.

— Где, черт возьми, ты их нашел в такое время? — я не могу не впечатлиться.

— Магия, — он шевелит пальцами свободной руки, прежде чем собрать коробки и бросить их на пол.

— Есть что-нибудь, что ты хочешь оставить себе? — Атлас тихо спрашивает меня.

Я оглядываю место, которое сделала своим домом, и проглатываю новую порцию слез. Мне хочется завывать от несправедливости всего этого, но я расправляю плечи, резко втягиваю воздух и отвечаю слегка дрожащим голосом.

— Квартира была полностью меблирована. Единственное, что принадлежит мне, — это одежда и книги, несколько безделушек в спальне, постельное белье и полотенца, а также кофейные кружки.

— Хорошо, тогда это не займет много времени. Мы сможем передать твой ключ домовладельцу и убраться отсюда к чертовой матери.

Я киваю и иду в спальню, чувствуя себя странно отстраненной. Теперь, когда моя судьба решена, я просто хочу убраться отсюда.

Я собираю вещи и мысленно подбадриваю себя. Что угодно, лишь бы перестать заикливаться на том факте, что в миллионный раз меня снова заставляют покидать место, которое я сделала своим домом.

Я думала, что все это осталось позади после того, как я вышла из системы. И все же я здесь, возвращаюсь к исходной точке.

Принимая стакан воды, который протягивает мне Атлас, я медленно отпиваю из него, когда он садится рядом со мной.

— Ты уверена, что не хочешь чего-нибудь покрепче?

Я качаю головой: — У меня болит голова, и я не хочу усугублять ситуацию. Думаю, мне просто нужно забраться в постель и попытаться стереть сегодняшний день из своей памяти.

— Иди сюда.

Я ставлю свою воду на кофейный столик и переползаю через диван к нему на колени, утыкаясь головой ему в подбородок.

Вернувшись к Атласу на пару часов, я все еще чувствовала, что нахожусь в подвешенном состоянии.

Атлас потерял галстук, и несколько верхних пуговиц его рубашки расстегнуты, поэтому я вдыхаю его запах и нахожу утешение там, где могу.

Его руки скользят вверх по моим бедрам, рукава рубашки закатаны чуть выше локтей таким образом, что у меня в мозгу происходит короткое замыкание.

— У тебя все в порядке?

— Да. Спасибо. У меня не было возможности сказать тебе раньше, но мне нужно, чтобы ты знал, я так благодарна за все.

Он запускает руку в мои волосы и откидывает мою голову назад.

— Ты правда имела в виду то, что сказала ранее?

Я могла бы прикинуться дурочкой, списать это на то, что было сказано сгоряча, но в его глазах есть что-то, что держит меня в плену, требуя, чтобы я сказала правду.

— Еще слишком рано.

— Это не то, о чем я спрашивал.

Сдаваясь, я поднимаю руку и обхватываю его подбородок, запечатлевая поцелуй на его губах.

— Да, Атлас. Я люблю тебя. Ты нанес сокрушительный удар по стенам, которые я построила, чтобы защитить себя. У меня действительно никогда не было ни единого шанса, не так ли?

— Я всегда получаю то, что хочу, Айви. Помни об этом.

Я невольно усмехаюсь: — Правда? Я никогда не замечала.

Он целует меня в шею, заставляя дрожать. Он сжимает меня крепче, притягивая к своему твердеющему члену, когда перекидывает бретельку моей майки через плечо.

Наклонив голову, он целует отметину, которую оставил ранее.

— Такой пещерный человек, — поддразниваю я.

— Мне нравится моя метка на тебе.

— Хм... — Бормочу я, мое тело реагирует на поцелуи бабочки вдоль моей ключицы.

— Выходи за меня замуж, Айви.

Я застываю, мои глаза, которые были закрыты, резко открываются.

— Что? — это звучит гораздо более пронзительно, чем я хотела, но вполне возможно, что у меня сердечный приступ.

— Будь моей женой, Айви. Я хочу просыпаться рядом с тобой в течении следующих столетий лет, сколько бы мне ни посчастливилось провести с тобой. Я не хочу тратить время на встречи друг с другом, свидания или какие-то там дерьмовые шаги, которые, по мнению общества, должны последовать дальше. Я бы женился на тебе в тот день, когда встретил тебя, если бы ты попросила, потому что уже тогда я знал, что тебе суждено быть моей.

— Но... — он прижимает палец к моим губам, его лицо такое серьезное, каким я его когда-либо видела, когда его глаза скользят по моему лицу, запоминая каждую веснушку и изъясн.

— Я никому и никогда раньше не признавался в любви. Честно говоря, я думал, что любовь — это просто куча дерьма. Вымышленная сказка, которую рассказывают детям вместе с историями о драконах и магии. Я никогда не верил в это до тебя. То, что я чувствую к тебе, может быть только любовью, потому что никто в этой жизни не имеет надо мной никакой власти, кроме тебя. Я бы вырвал свое сердце из груди и вручил его тебе, просто

чтобы показать, что оно твое, если бы мог. — он целую меня в течение минуты, прежде чем отстраниться, оставляя меня затаившей дыхание.

— Хоть раз в жизни рискни, Айви. Выходи за меня замуж.

Я потрясено смотрю на него, а затем смотрю еще немного, пока он терпеливо ждет, когда я закончу.

Я не могу. Это безумие, но все же...

— Я пожалею об этом, ты сумасшедший, но ладно. Да, я выйду за тебя замуж.

Он подхватывает меня и перекидывает через плечо, заставляя меня громко смеяться, когда он тащит меня в спальню, как пещерный человек, которым он и является.

— Я не разговариваю с тобой, — шипит Айви, когда я провожу пальцами по ее бедру. Она отворачивает от меня голову и с раздражением смотрит в окно самолета.

Кензо фыркает на нас обоих, прежде чем отстегнуть ремень безопасности и направиться в переднюю часть самолета, где тихо похрапывает Пит.

— Ты сказала, что выйдешь за меня замуж, — напоминаю я, мои губы подергиваются вместе с моим членом от ее отношения.

— Я имела в виду через год или около того. После того, как мы потратим некоторое время на планирование этого и узнаем друг друга лучше. Не прямо сейчас.

— Ты любишь меня?

Она резко поворачивает голову и рычит на меня: — Ты знаешь, что люблю, иначе я бы уже выбросила тебя из самолета.

Расстегнув ее ремень безопасности, я сажаю ее к себе на колени и крепко держу, пока она извивается.

— Мне нужно трахнуть тебя снова?

— Нет! Мне нужно, чтобы ты, черт возьми, остыл. Все движется с огромной скоростью, и это выводит меня из себя.

Я чувствую, как бешено бьется ее сердце, как трепещущая птичка, запертая в клетке.

— Айви, я отказываюсь прожить еще один день без того, чтобы ты не носила мое кольцо или фамилию. Я хочу, чтобы весь мир знал, что ты моя.

— Мне не нужно, чтобы эти вещи были твоими, Атлас. Я уже принадлежу тебе. Не разве ты не видишь, у нас не было времени купить те кольца, о которых ты говоришь, или у тебя не было времени составить брачный контракт, или... — я целую ее, потому что это самый простой способ заставить ее замолчать, и потому что, если я слишком долго не пробую ее вкус, я начинаю сходиться с ума, как наркоман, ищущий свою следующую дозу.

— Мне не нужно, чтобы ты подписывала брачный контракт. То, что принадлежит мне, принадлежит и тебе.

Я бы все равно никогда не позволил ей уйти от меня. Брак — это на всю жизнь. Единственный выход — смерть.

— Что касается твоего кольца, ты знаешь меня лучше, чем это, — я качаю головой. Кольцо было у меня с самого начала, мне просто нужно было дождаться подходящего

момента, чтобы сделать свой ход.

— Атлас, — она раздраженно вздыхает, но я чувствую, что она сдается.

— Должно ли все быть борьбой между нами?

— По-видимому, да, — она слегка смеется, кладя голову мне на плечо. — Прекрасно. Ты победил. Надеюсь, твое кольцо на моем пальце немного успокоит твое сумасшествие.

— Не рассчитывай на это, сладкая. Когда дело касается тебя, я теряю свой гребаный рассудок.

— А как насчет твоей семьи? — она напрягается, когда поднимает голову, и я знаю, что это потому, что она думает о моем отце.

Если бы дерьмо не обернулось так, как оно обернулось, он был бы на моей стороне.

— Единственный человек, который мне нужен, это ты, — говорю я ей честно. Мы с отцом и раньше ссорились, но нам всегда удавалось уладить это дерьмо, прежде чем оно перерастало в то, чего ни один из нас не мог простить. До сих пор.

Айви проскользнула в трещины наших отношений и расширила пропасть. Пока она жива, она всегда будет отвлекать мое внимание, что моему отцу будет ненавистно.

Это еще одна причина, по которой я хочу, чтобы у нее на пальце было мое кольцо. Наш брак обеспечивает ей уровень защиты, которого у нее нет как у моей девушки.

— А как насчет тебя? Ты могла бы пригласить кого-нибудь. Я знаю, что это было в последнюю минуту, но в этом прелесть частного самолета. — я подмигиваю, когда она откидывается назад и смотрит на меня, сдувая прядь волос с лица.

— Оба моих родителя были единственными детьми. Родители моего отца умерли до моего рождения, а родители моей мамы умерли, когда я была еще маленькой. Нас всегда было только трое, пока они не умерли, — она вздыхает. — Работая на двух работах означает отсутствие времени на то, чтобы заводить друзей вне работы, а друзья, которые у меня были на работе... ну...

— Ну, что?

Она пожимает плечами: — Думаю, они в конце концов, не были настоящими друзьями. Марвин ушел, даже не попрощавшись. Я ничего не слышала о Джессике с тех пор, как меня уволили из «Дрифт», и я видела, как все смотрели на меня вчера во «Флекс». Ни один человек не вступился за меня. Они осудили меня, не потрудившись выяснить правду. Я заслуживаю большего.

— У тебя есть я, — говорю я ей, и это правда. Я — все, что ей нужно. Это всегда было частью моего плана отдалить ее от всех остальных, потому что я не хочу делиться ею. Но если бы кому-то из них действительно было не все равно, они бы не сделали это так просто.

— А у меня есть Кензо и Пит.

Она улыбается: — Действительно.

Спустя два часа я надеваю ей на палец кольцо. Я чувствую такой сильный прилив похоти, что мне приходится бороться с желанием спустить ее трусики с ног и взобраться на нее перед священником. Священник, который находится в опасной близости от того, чтобы я наступил ему ногой на лицо, судя по тому, как он продолжает смотреть на мою жену.

Мы повторяем наши клятвы друг другу, Айви хмуро смотрит на меня из-за слова

"подчиняться", пока он не объявляет нас мужем и женой.

— Теперь вы можете поцеловать невесту.

Я низко наклоняю ее и целую, заставляя ее улыбнуться мне в губы.

— Жена, — напеваю я.

— Муж, — она закатывает глаза, но усмехается, зная, как мне чертовски нравится это слышать.

Кензо и Пит кричат и подбадривают, заставляя нас обоих смеяться.

Я снова поднимаю ее и после последнего поцелуя тащу ее по проходу с Питом и Кензо позади нас.

— Итак, каков план? Мы летим обратно домой или мы с Питом играем в азартные игры, пока ты любишь свою жену? — Кензо подмигивает Айви, заставляя ее покраснеть.

— Подмигни моей жене еще раз, и ты проведешь ночь в реанимации, придурок, — предупреждаю я его, заставляя смеяться.

— Мы забронировали пентхаус в отеле «Цезарь». Вы двое будете жить в одном люксе. Зарегистрирован на имя "Том и Джерри".

— Я ненавижу тебя, — жалуется Кензо.

Вернувшись к машине, я придерживаю дверцу для Айви и жду, пока она проскользнет на заднее сиденье, подоткнув свой маленький белый сарафан вокруг загорелых бедер.

— Подожди. Я забыл фотографии. Сейчас вернусь, — я быстро целую ее и закрываю дверь, направляясь обратно внутрь с Кензо рядом со мной.

Священник все еще там, наводит порядок в комнате, вероятно, для следующей пары.

Кензо выбрасывает замок, когда я топаю вперед и хватаю его за воротник.

— Что за... — удар кулаком по его шокированному лицу останавливает его от завершения этого предложения.

— Вы не можете...

Еще один удар, и его нос ломается, из него хлещет кровь, заставляя его вопить.

— О, видишь, я могу, и я это сделал. Ты смеешь смотреть на мою жену с похотью в глазах?

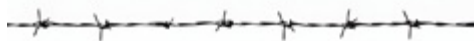
— Я не...

Я бью его еще дважды и бросаю на пол, прежде чем пнуть по голове.

Поправляя костюм, я вытираю кровь с рук носовым платком и засовываю его в карман.

— Убедись, что мы получили флэшку с фотографиями. Увидимся утром.

Кензо смеется, когда я открываю дверь и оставляю его снова убирать за мной.

— Счастлива?

— Хммм, — бормочет она, высывая язык, чтобы слизнуть шоколад с губы.

Не в силах удержаться, я подношу клубнику в шоколаде к ее рту и жду, пока она откусит, прежде чем поцеловать ее, пробуя ягоду на ее губах.

— Это безумие, верно? Вчера все казалось концом света. А сегодня это похоже на начало. Я знаю, мы не можем вечно оставаться в этом маленьком пузырьке, но приятно ненадолго уйти от всего того дерьма, с которым нам приходится иметь дело.

— И мне нравится, когда ты принадлежишь только мне, — признаюсь я, протягивая

руку, чтобы ущипнуть ее за сосок.

— О, правда? Я никогда не замечала.

— Умная задница.

— Тебе нравится моя задница, — дразнит она, когда я целую ее в шею, вызывая дрожь.

— Чертовски, блядь, нравится.

— Во сколько у нас завтра рейс домой? — что-то замирает у меня в груди при слове "домой", потому что я знаю, что она говорит о моем доме, а не о своей дерьмовой квартире.

— После завтрака. Скоро у нас будет настоящий медовый месяц, я обещаю. Но прямо сейчас...

Она подносит клубнику к моим губам, чтобы я заткнулся. Ее глаза вспыхивают, когда я высовываю язык, чтобы попробовать ее, прежде чем откусить.

— Я понимаю. Это было в последнюю минуту, а ты занятой парень. Кроме того, мы не можем прятаться вечно, и мне нужно поискать какую-нибудь работу.

— Ты не...

Она обрывает меня свирепым взглядом; — Не заканчивай это предложение, Атлас Монро. Я не буду маленькой содержанкой. Я сойду с ума. Мне нужно чем-то заняться. Возможно, я не зарабатываю столько, сколько ты, но я внесу свой вклад, — выпаливает она, заставляя меня покачать головой. Я ничего не говорю, не желая портить ей нашу брачную ночь.

Взглянув на свои часы, я вижу, что уже чуть больше часа ночи: — Итак, что ты хочешь сделать с нашими последними часами блаженства в Вегасе?

Ее хмурый взгляд превращается в сияющую улыбку, сила которой слегка ослепляет, когда она направлена исключительно на меня.

— Ты знал, что на крыше есть бассейн?

Я хмурюсь: — Ты хочешь пойти поплавать?

— Купаться голышом с моим мужем, прежде чем мы окрестим шезлонг под звездами? Черт возьми, да. В конце концов, это Вегас. Если мы не можем немного пошалить здесь, то где же мы можем? — она подмигивает.

— Черт возьми, моя жена не только умная, но и сексуальная.

Она касается моей щеки ладонью и усмехается.

— Я знаю, Атлас, ты счастливчик.

Она понятия не имеет, насколько права.

— Мне нужно ненадолго съездить в «Вайнс». Что-то случилось с дистрибьютором, и, по-видимому, мой дневной менеджер исчез с лица земли, — ворчит Атлас, пока я счищаю лак, которым покрасила ногти на ногах в ярко-розовый цвет.

— Хорошо. Позднее прибудет строительная бригада. Мне нужно, дать им какие-нибудь конкретные инструкции?

Он хмурится: — Пойдем со мной.

— Что, работать с тобой?

— Да. Я ненадолго, и мы можем перекусить, пока будем там.

Честно говоря, я чувствую себя немного скованно. Мы вернулись из Вегаса больше недели назад, и у меня заканчиваются дела, которыми я могла бы себя занять.

— Звучит заманчиво. Дай мне пять минут, — я встаю, забирая с собой все свои вещи, и спешу наверх, в спальню. Снимаю шорты и майку и надеваю простое темно-синее трикотажное платье с длинными рукавами и белые теннисные туфли на плоской подошве, прежде чем собрать волосы в более аккуратный небрежный пучок.

Слой туши и немного блеска для губ — это все, что можно сделать за пять минут, но, по-крайней мере, сейчас я выгляжу более презентабельно.

— Хорошо, я вся твоя.

— Ммм... я знаю. Это мне в вас больше всего нравится, миссис Монро.

— Ты никогда не устанешь это повторять, не так ли? — я поддразниваю его, когда он берет меня за руку и хватает пиджак.

— Никогда.

Когда мы садимся в машину, его сотовый звонит. Я тихо здороваюсь с Питом, когда Атлас отключает звонок.

— Это просто работа. Один кризис за раз, — Атлас качает головой, его теплая рука скользит по моему бедру. — Это напомнило мне. Детектив Майлз звонил мне сегодня утром.

Теперь я поворачиваюсь к нему лицом. Мы позвонили ему в ту ночь, когда я съехала из своей квартиры, и он встретил нас у Атласа. Я вкратце изложила ему все, что видела, включая человека, который, как мы теперь знаем, является моим преследователем.

— Он хочет прийти поговорить с тобой завтра. Кей Ти, или Макдуш, как ты его называешь, в розыске. Я подозреваю, что он прячется где-то с какой-нибудь шлюхой. Он появится, но Майлз упомянул кое-что еще. Я не уверен, что именно. Думаю, нам придется подождать и посмотреть.

— Отлично. Я полагаю, что он пытался сначала позвонить мне?

Он кивает и смеется.

— Не смотри на меня так. Я не позволю тебе купить мне новый телефон, только не после того, что ты сделал с предыдущим.

— Я извинился.

— Нет, ты этого не сделал.

— Да, ты права. Мне не жаль. Мне нравится знать, где ты находишься.

Я стону в отчаянии.

— Границы, Атлас. Изучи их. В любом случае, это я потеряла свой телефон в Вегасе, и именно я его заменю. Я просто не чувствовала необходимости спешить, когда единственный человек, который мне звонит, — это ты. Ну, и, по-видимому, главный детектив по делу о моем преследователе. Господи, я неудачница.

— Эй, ты не неудачница. Ты заполучили меня, не так ли?

— Ах, Атлас, всегда такой скромный.

Он ухмыляется: — Я подарок, Айви.

Я хихикаю, прижимаясь к нему, когда мы направляемся к «Вайнс», пасмурное небо выглядит темным и зловещим.

Мы останавливаемся и выбираемся наружу, когда усиливается ветер.

— Я позвоню тебе, когда мы будем готовы, — говорит Атлас Питу, прежде чем захлопнуть дверь и утащить меня внутрь.

— Где твоя куртка? — он оглядывает меня, прежде чем выругаться, когда понимает, что я оставила ее в машине.

— Все в порядке. Мне было так тепло прижиматься к тебе, что я даже не подумала. В любом случае, это не имеет значения, я всего лишь собираюсь сбегать к машине.

— Я не хочу, чтобы ты простудилась.

— Ты мнительный. Со мной все будет в порядке.

— Я не мнительный. Я просто не хочу, чтобы ты заболела. Если ты заболеешь, мы не сможем трахаться.

— Верно. Глупая я, — хихикаю я, когда администратор, с которой я встретила в прошлый раз, приветствует нас, ее глаза расширяются от узнавания, а затем шок, когда она замечает массивный камень на моем пальце, который, вероятно, можно увидеть из космоса.

— Мистер и миссис Монро. Приятно видеть вас снова. За обычным столиком?

Атлас смотрит на меня: — Мне нужно в свой кабинет. Ты можешь пойти со мной или посидеть у камина и сделать заказ для нас.

— О, камин, пожалуйста. Это звучит как рай.

Атлас целует меня в висок, серьезно глядя на менеджера, которая краснеет, прежде чем отправиться в свой кабинет.

— Сюда, пожалуйста, — она указывает мне рукой, чтобы я следовала за ней.

— Пожалуйста, не смущайся. Я чувствую, как это волнами исходит от тебя, и в этом нет необходимости. Ты уже извинилась. Все в порядке, правда.

Она заметно расслабляется: — Извините. Я имею в виду спасибо. Это был долгий день.

Я сочувствую: — Да, Атлас сказал, что дневной менеджер не пришел.

Она кивает, вытаскивая свой блокнот, чтобы принять мой заказ.

— Да, новая официантка тоже не пришла, а один из шеф-поваров разводится, так что прямо сейчас он по сути ненавидит всех, у кого есть сиськи. И я была на ногах последние десять часов, пытаюсь прикрыть всем задницы. — она резко втягивает воздух, когда

понимает, что только что выплеснула все это на меня.

Я смеюсь. Я ничего не могу с собой поделаться. Она выглядит такой испуганной.

— Пожалуйста, не волнуйся. Я была на твоём месте. И я тебе сочувствую. Эй, если у тебя не хватает персонала, возможно, я могу подумать о том, чтобы получить здесь работу?

Что угодно, лишь бы выбраться из этого чертового дома, размышляю я, но не говорю ей об этом.

Она бросает на меня странный взгляд.

— Что? Почему ты так на меня смотришь?

— Я думала, вы работаете в "Дрифт". Вы ведь это сказали, верно?

Я вздыхаю, зная, что должна быть честной и откровенной, если хочу получить шанс работать здесь.

— Меня уволили. Кто-то подставил меня, и я предполагаю, что у них были связаны руки, и это отстой.

Ее глаза открываются невероятно широко: — Вас уволил собственный муж?

— Что? Нет, я не работаю с Атласом, — фыркаю я. Господи, я знаю, что некоторые пары могут хорошо работать вместе, но мы с Атласом либо убьем друг друга, либо будем трахаться на любой доступной поверхности. Я бы работала здесь только до тех пор, пока не смогла бы найти что-то другое, и это только потому, что Атлас сам редко бывает здесь.

— Извините. Я не понимаю. Вы сказали, что работаете в «Дрифт», а это один из клубов, принадлежащих мистеру Монро. Кажется, один из шести.

Требуется минута, чтобы ее слова дошли до меня, и еще секунда, чтобы смысл дошел до меня.

— «Дрифт» принадлежит Атласу? Моему Атласу? Как долго?

— Не знаю, сколько я живу в городе. Так что, может быть, четыре года?

Я киваю и прикусываю губу, заставляя себя сдерживать слезы унижения, чувствуя себя так, словно мне дали пощечину.

— Вы не знали, — она произносит это шепотом, ее глаза полны жалости. Господи, я бы предпочла ее ненависть, а не жалость.

Я выдыхаю и встаю, складывая салфетку с колен и бросая ее на стол с натянутой улыбкой.

— Я иду домой. Ты можешь сказать Атласу все, что хочешь. Скажи ему, что я заболела или что я сбежала и присоединилась к цирку, мне все равно. Однако, я бы не стала раскрывать то, что ты мне здесь рассказала, потому что, если у него нет угрызений совести по поводу увольнения меня, я сомневаюсь, что он потеряет сон из-за твоего увольнения.

Я направляюсь к выходу, останавливаясь только тогда, когда она зовет меня.

— Миссис Монро, мне жаль, — мягко говорит она. Я верю ей, но это ни черта не меняет.

— Мне тоже, но я рада, что ты мне сказала, — я ухожу, понимая, что если останусь, то в конечном итоге сломаюсь.

Я выбегаю за дверь под мелкий дождь, позволяя ему остудить мою кожу, покрасневшую от гнева и смущения.

Не могу пойти домой, потому что это будет первое место, где он будет искать меня. Если я увижу его, то в конечном итоге, просто врежу кулаком в его глупо красивое лицо.

Вместо этого направляясь в парк, игнорируя всех вокруг, кто спешит укрыться от дождя. Я направляюсь к опустевшим качелям, не заботясь о своей промокшей одежде или волосах,

которые теперь прилипли к моей коже.

Зачем ему это делать? Я не понимаю. Он прикинулся дурачком, когда я рассказывала, почему меня уволили. Он подставил мне свое плечо, чтобы поплакать, когда это снова случилось с Генри. Я была в таком состоянии, что не знала, как буду платить за аренду, и в сочетании со всей этой историей со преследователем...

— Вот сукин сын! — он играл со мной, чтобы заставить переехать к нему. Он знал, что я думаю, что еще слишком рано, поэтому он манипулировал ситуацией в своих интересах.

Я сижу, кипя от злости, мои зубы стучат, когда холод проникает внутрь, но дождь никак не помогает мне успокоиться.

Я не знаю, как долго я сижу там, пытаюсь понять, как он мог так поступить со мной, когда я слышу его.

— Айви! — Атлас рычит за мгновение до того, как я чувствую руки поднимают меня, перекидывая в его объятия.

— Глупая девчонка. Ты подхватишь здесь пневмонию.

Он бежит со мной обратно к машине, держась за меня, как за драгоценный груз. Я позволяю ему, пока пытаюсь придумать, что сказать, кроме того, чтобы *идти нахуй*.

На данный момент у меня ничего нет. В ту секунду, когда я открою рот, я либо заплачу, либо выругаюсь. Сейчас я предпочитаю оставаться равнодушной ко всему этому, потому что в этой чертовой машине от него некуда скрыться.

Как только он усаживает меня, он срывает с себя куртку и набрасывает ее мне на плечи.

— Поговори со мной, Айви. Что случилось? Почему ты сбежала? — он рычит, но все, что я ему даю, — это молчание. Я зарываюсь лицом в его пиджак и прислоняю голову к окну, прежде чем закрыть глаза, эффективно отгораживаясь от него.

— Айви, — его голос все еще пронизан гневом, но теперь в нем также слышится нотка беспокойства. — Поговори со мной. Расскажи мне, что произошло.

— Я просто хочу домой, — шепчу я, не открывая глаз.

Он тянет меня, пока я не оказываюсь в его объятиях. Он крепко обнимает меня, пока я безвольно прижимаюсь к нему.

Он больше не пытается заговорить со мной. Он успокаивающе поглаживает ладонью вверх и вниз по моей руке.

Когда машина останавливается, он не ждет, пока Пит выйдет. Он открывает дверь и тянет меня за собой, словно боится убрать от меня руки хотя бы на секунду.

Как только мои ноги касаются земли, он подхватывает меня на руки и несет внутрь, прямо в спальню. Осторожно поставив меня на ноги, он спешит в ванную. Секунду спустя я слышу, как в ванну льется вода.

Я не двигаюсь с того места, куда он меня поставил. Я трачу время, чтобы укрепить свою ментальную защиту от него, какое-то шестое чувство подсказывает мне собраться с силами.

Когда он возвращается ко мне, он останавливается в дверном проеме. Свет позади него освещает его почти ангельским образом, но этот человек скорее дьявол, чем ангел — факт, о котором я постоянно забываю здесь, в его сказочном замке.

Выражение его лица мрачное, он изо всех сил пытается сдержать свой гнев. *Что ж, добро пожаловать в клуб, придунок.*

Он делает шаг вперед, но я стою на месте и вызывающе смотрю на него снизу вверх.

Потянувшись за подол моего платья, он очень медленно тянет его вверх по моему телу, снимая с моей влажной кожи, прежде чем бросить на пол, оставляя меня в красных кружевных трусиках и лифчике — мои туфли все еще в машине, где я их сбросила.

— Ты подвергла себя опасности сегодня вечером, — бормочет он.

— Сегодня была первая ночь, когда я пожалела, что отказалась от своей квартиры, — говорю я ему, мой голос едва громче шепота.

Он делает паузу, наклоняя голову, чтобы изучить меня.

— Ты согласилась переехать сюда. Теперь это твой дом.

— Я знала, что еще слишком рано, но я придумала оправдания. Я думала, что знаю тебя достаточно хорошо, но я совсем тебя не знаю, не так ли?

Он протягивает руку и расстегивает мой лифчик, прежде чем зацепить пальцами край моих трусиков и спустить их вниз по моим ногам.

Он смотрит на меня с колен, прежде чем наклониться вперед и запечатлеть поцелуй на моей тазовой кости.

Я делаю шаг назад, но его руки сжимают мою задницу и удерживают на месте, пока он вдыхает мой запах, заставляя меня извиваться.

— Ты моя жена. Ты там, где должна быть. Рядом со мной.

— Ты обманул меня, — шепчу я, когда он встает, глядя на меня сверху вниз жестким взглядом, в котором нет ни капли раскаяния. — Ты владелец "Дрифт"?

Он не отвечает. Он подхватывает меня на руки и несет в ванную, прежде чем опустить в нее. Закрыв краны, он расстегивает рубашку, а я подтягиваю колени к груди и кладу на них голову, наблюдая за ним, пока он наблюдает за мной.

— Ты нужна мне здесь. У меня больше денег, чем я мог бы потратить за десять жизней. Я мог бы купить почти все, что захочу, но то, чего я хочу больше всего, не продается, — говорит он мне, расстегивая ширинку и показывая, что на нем нет нижнего белья, когда его брюки падают на пол. — Это не значит, что я не могу просить, занимать и воровать, чтобы заполучить тебя. Разве ты не видишь, Айви, нет ничего такого, чего бы я не сделал, ни одной черты, которую я бы не перешел, чтобы обладать тобой.

— Ты не можешь владеть мной. Я гребаный человек с чувствами, которые ты растоптал.

— Конечно, ты принадлежишь мне. Я знаю это, потому что я тоже принадлежу тебе. Теперь уже никуда не деться, Айви. Мы увязли слишком глубоко. Тони или плыви, вот и всё.

Он заканчивает раздеваться, прежде чем залезть в ванну позади меня. Вода переливается через край, но никого из нас это не волнует.

Он обнимает меня одной рукой, но я пытаюсь стряхнуть его. Он прижимается сильнее, его губы касаются моего уха.

— Злись на меня сколько хочешь, Айви, но не отказывай мне.

Когда он притягивает меня, чтобы я прижалась к нему спиной, я сдаюсь и позволяю ему, игнорируя длину его твердого возбуждения, зажатого между нами.

— Для тебя там небезопасно. Не тогда, когда за каждым твоим чертовым шагом следит сталкер. Я не могу быть вдали от тебя и продолжать функционировать, не зная, обострится ли он или когда.

Я расслабляюсь, прижавшись к нему. Трудно продолжать злиться на того, кто искренне заботится о тебе. Видит Бог, прошло много времени с тех пор, как кто-то в моем углу вступался за меня, но все же...

— Ты знал, что я невиновна в том, в чем меня обвиняли. Мне пришлось сидеть и терпеть подозрительное отношение и обвинения Кевина, когда ты знал, что я не имею никакого отношения к пропавшим деньгам, — огрызаюсь я.

— Я знаю. Это была новенькая, Бекка. Не волнуйся, я ее уволил, но я увидел представившуюся мне возможность и воспользовался ею.

— Использование этих жестких методов, чтобы притянуть меня ближе, в конечном итоге только оттолкнет меня, — предупреждаю я его.

— Ты можешь давить сколько хочешь, Айви, но тебе придется оторвать от себя мои холодные мертвые пальцы, прежде чем я позволю тебе куда-либо пойти.

— Если бы я была умнее, я бы сбежала, — ворчу я.

— Я бы нашел тебя. На земле нет такого места, где я не найду тебя и не верну обратно домой.

— Почему?

— Что почему? — спрашивает он, беря губку и выдавливая на нее немного геля для душа, прежде чем поставить флакон обратно на угол ванны.

— Почему ты хочешь меня? Возможно, у меня не так много опыта, когда дело доходит до отношений, но я знаю, что это ненормально.

— Двое таких людей, как мы, никогда не могли бы быть нормальными, — бормочет он, проводя мыльной губкой по моим плечам и вниз между грудями. — Я слишком испорчен, чтобы когда-либо быть нормальным, а ты... — его голос срывается.

— Я кто?

— Невероятная, — напевает он, прежде чем провести губкой ниже.

— Атлас, — стону я. — Я все еще так зла на тебя.

— Знаю. Как насчет того, чтобы я загладил свою вину?

— Ты позволишь мне вернуться на мою работу?

— Нет. Это все еще слишком опасно. За тобой охотится псих. Кто может сказать, что это не он запер тебя в той кладовке?

Я не могу спорить с этим, когда эта мысль уже приходила мне в голову.

— Что бы случилось, если бы я не добрался до тебя, а вместо этого он устроил пожар?

— Я не могу быть твоей пленницей, Атлас. Я сойду с ума.

— Как насчет сексуальной заложницы?

Услышав это, я расхохоталась: — Ты ведешь себя нелепо. Я понимаю, ты хочешь

обеспечить мою безопасность, но должны быть границы, Атлас.

— Между нами нет границ, я не пойду ни на какие крайности. Ты не понимаешь, насколько все может быть плохо, потому что ты никогда не гуляла по изнанки этого города, который ты так сильно любишь. Я надеюсь, ты никогда этого не поймешь, потому что, если ты это сделаешь, это будет означать, что я подвел тебя и оставил беззащитной.

— Ты говоришь загадками, Атлас, — разочарованно говорю я ему.

Схватив меня за подбородок, он запрокидывает мою голову и пристально смотрит на меня, тепло в его глазах исчезает, словно кто-то щелкнул выключатель. Мужчина, который сейчас смотрит на меня в ответ, — это холодный отстраненный Атлас, который редко появляется рядом со мной.

— Ты когда-нибудь испытывала настоящий страх, милая Айви? Ты когда-нибудь задавалась вопросом, может ли прилив воздуха в легкие быть твоим последним вздохом, или паниковала из-за того, что отрывистое биение твоего сердца, эхом отдающееся в ушах, может внезапно просто прекратиться?

— Я знаю, что такое страх, — шепчу я, пока мои глаза скользят по его лицу в поисках моего Атласа, которого можно вернуть. Но все его эмоции стерты начисто, оставляя его глаза пустыми и бездушными.

— Ты ни хрена не знаешь, девочка.

Он отпускает руку и встает, разбрызгивая воду повсюду, когда выходит.

— Убирайся, — приказывает он, заставляя меня замереть. Что происходит?

Я стою на дрожащих ногах, внезапно чувствуя себя уязвимой. Я пытаюсь прикрыться, чувствуя себя незащищенной. Он крепко сжимает мою руку, помогая мне выйти из ванны.

— Никогда не прикрывай то, что принадлежит мне, — рычит он, прежде чем отпустить и схватить полотенце с вешалки. Я стою, застыв на месте, пока он вытирает меня, понятия не имея, каким должен быть мой следующий шаг. Часть меня все еще думает, что я должна бежать, но, как заметил Атлас, есть кое-кто, кто ждет другой возможности, чтобы напасть на меня. В следующий раз я, возможно, не смогу уйти.

Кроме того, этот мужчина — мой муж. Он никогда бы не причинил мне вреда. Верно?

— Иди в спальню и ляг на кровать.

— Атлас.

— Не заставляй меня повторять, Айви.

Блядь, блядь, блядь.

Я спешу в спальню, не отрывая глаз от двери. Я делаю шаг к не у, но Атлас оказывается прямо за мной, его рука на моей спине, подталкивает к кровати.

Я ложусь, положив голову на подушку и положив руки рядом с собой, мое сердце бьется так сильно, что может сломать пару ребер.

Он подходит к комоду в дальнем углу и открывает нижний ящик, доставая что-то, чего я не могу разглядеть, пока он не подходит ближе.

Ограничения.

— Атлас, я не хочу этого. Не тогда, когда ты злишься, — говорю я ему, но он игнорирует меня, хватая за руку и приковывает ее наручниками к каркасу кровати.

— Пошел ты, Атлас. Я сказала "нет", — кричу я, когда он поднимает мою свободную руку над головой и надевает наручники на другую.

Когда он выдвигает верхний ящик, я чувствую, как мой желудок бунтует при воспоминании о пистолете. Вместо холодного металлического предмета, появляющегося в

его руке, он берет красный галстук. Он чего-то ждет, глядя на меня совершенно отрешенно, пока я не кричу на него. Я понимаю, что дала ему то, что он хотел, когда он засовывает галстук в мой открытый рот, прижимая им мой язык, прежде чем закрепить галстук у меня за головой.

Я качаю головой и брыкаюсь ногами, но ничего не могу сделать, чтобы убежать. Атлас хватает мои ноги и широко разводит их, прижимая наручниками к углам кровати.

Мое дыхание с трудом вырывается из меня, мой голос — не более чем приглушенный вопль из-за импровизированного кляпа.

Вместо того, чтобы прикоснуться ко мне, он снова подходит к комоду и надевает свежую пару боксеров, прежде чем направиться к шкафу, где надевает темно-серый костюм и черный галстук. Только тогда он подходит и садится рядом со мной, вытирая случайные слезы с моей щеки.

— Ты боишься, Айви?

Я быстро киваю головой, вне себя от ужаса, но он просто улыбается мне, словно он учитель, успокаивающий ребенка.

— Нет, я так не думаю. Видишь ли, если твой сталкер доберется до тебя, я предполагаю, что у него запланировано что-то подобное. Ты знаешь меня. Ты знаешь, какой я на вкус. Что я чувствую, двигаясь внутри твоей сладкой киски. Ты волнуешься, может быть, опасаясь, но ты веришь, что я не причиню тебе боли, и это сводит на нет часть твоего страха.

Он проводит пальцами вниз по моему телу, обводя каждый сосок, продолжая.

— Именно отсутствие страха делает человека безрассудным. Ты думаешь, что можешь просто продолжать жить своей жизнью, спрятав голову в песок, и сталкер чудесным образом исчезнет? Он этого не сделает. Не с тобой в поле его зрения. Он видит именно то, что я вижу, что-то чистое и светлое, что-то, что может смыть человеческие грехи. Так и возникает пьянящее чувство. Это означает, что он никогда не перестанет охотиться за тобой, пока не получит именно то, что хочет, то есть тебя.

Он встает и достает свои серебряные запонки из маленькой чаши на комод, продевая их в отверстия на манжетах рубашки.

— Я собираюсь в офис на несколько часов. Через десять минут придут подрядчики для работы над расширением. У них будет полная свобода передвижения по дому.

Открыв верхний ящик прикроватного столика, он достает черный фломастер, снимая зубами колпачок. Он пишет на моем животе чуть ниже пупка, заставляя меня извиваться.

Я поднимаю голову, чтобы посмотреть, что он пишет. Моему мозгу требуется некоторое время, чтобы понять это в перевернутом виде, но как только он щелкает, я не могу развидеть слова «*трахни меня*», написанные жирными чернилами прямо над моей лобковой костью. Теперь я плачу всерьез, понимая, к чему это приведет.

— Шшш... будь хорошей девочкой. Веди себя хорошо и тихо, и они даже не узнают, что ты здесь. Видишь, это залог твоей безопасности. Держаться подальше от неприятностей. Ты должна усвоить, что действия всегда имеют последствия, — он целует меня в лоб и уходит, задержавшись в дверях.

— Я оставлю дверь открытой, чтобы ты могла их слышать, — он подмигивает, как гребанный псих, и уходит, возвращаясь через несколько секунд.

Мое облегчение настолько велико, что у меня перехватывает дыхание, но это ненадолго.

— Я идиот, чуть не забыл, — он достает черную маску для сна и надевает ее мне на глаза, оставляя в полной темноте.

Я кричу и сопротивляюсь, но он не освобождает меня.

Он прижимается губами к моему уху, шепча слова, которые я едва улавливаю сквозь рыдания.

— Самые важные уроки часто усваиваются труднее всего. Будь хорошей девочкой. Я вернусь чуть позже, — и, поцеловав меня в губы, он ушел.

Оставив меня одну посреди гребаного кошмара.

Пока она плачет, я тихо закрываю за собой дверь, зная, что она не услышит, как она захлопнулась из-за звуков ее рыданий.

Я готовлю себе кофе и перетаскиваю свой ноутбук на кухонный стол как раз в тот момент, когда прибывают строители.

Впуская их, я приветствую мужчин, которые работали у меня на нескольких проектах на протяжении многих лет.

— Я хочу, чтобы сегодня вы сосредоточились на библиотеке и террасе. На третий этаж вход воспрещен. Если я увижу кого-нибудь из вас там, я убью вас, а затем уничтожу всю вашу линию просто ради смеха. Я буду работать отсюда, если вам что-нибудь понадобится.

— Без проблем, — соглашается Карл, бригадир, прежде чем все они расходятся и приступают к работе.

Я прилагаю усилия, чтобы не думать о моем ангеле, лежащем обнаженным на кровати, страх проникает в ее кости, когда она беззвучно плачет.

Я сказал ей, что я плохой человек. Она понятия не имеет, насколько верно это утверждение, но дело не только в этом. У меня есть враги, которые, не задумываясь, схватили бы Айви и вытворяли с ней ужасные вещи, просто чтобы поиздеваться надо мной. Я не хочу, чтобы она знала, насколько черна моя душа, поэтому я скрыл эту часть себя настолько, насколько смог. Но она должна знать, что ее безопасность — мой приоритет номер один, даже если сейчас мне так не кажется.

Она нужна мне здесь, в этом доме, со мной. Все остальное, черт возьми, неприемлемо. Я мог бы заковать ее в цепи, запереть, расставить охрану вокруг дома. Когда моя паранойя достигнет своего пика, я, скорее всего, сделаю все эти вещи. Несмотря на все это, я не хочу, чтобы она меня ненавидела.

Вкус ее слез на моем языке может сделать меня твердым как камень, но ее мягкая улыбка, застенчивая, почти нерешительная, которую она мне дарит, подобна гребаному наркотику. Видеть, как она смотрит на меня вот так, на монстра, который убивает без угрызений совести, — все равно что впрыскивать жидкий солнечный свет в мои вены.

Это тот вид яда, который действует только на самых порочных из нас, мужчин вроде меня, которые когда-либо знали только тьму.

Она появилась и заразила меня своей сладкой мукой, изменив фундаментальные части

меня всего лишь застенчивой улыбкой и ароматом своего возбуждения.

Часть меня ненавидит себя за это. Та часть, в которой все еще сохранилась человечность, знает, что я должен был освободить ее. Я зашел слишком далеко. Добровольно или в позолоченной клетке, Айви проведет свою жизнь с моим членом в ее киске и моей рукой, сжимающей ее горло.

Приходя в себя, я снова наполняю свою чашку кофе и возвращаю свое внимание к ноутбуку.

Я работаю в тишине, пока парни делают то, что должны, не обращая внимания на пленницу, привязанную к моей кровати. Находиться так далеко от нее — пытка. Мой член не опускался с тех пор, как я оставил ее, и если я не войду в нее в ближайшее время, я сойду с ума.

Нахуй. Взглянув на часы, я вижу, что прошло чуть меньше двух часов. Подав знак бригадиру, я говорю ему заканчивать на сегодня. Как только они уходят, я принимаю душ в одной из ванных комнат на первом этаже и поднимаюсь наверх обнаженным, не пытаюсь скрыть звук своих шагов.

Я широко распахиваю дверь и стою, уставившись на свой приз. Было ли когда-нибудь в мире большее сокровище, чем вид всей этой фарфоровой кожи, распростертой передо мной? Ее нежно-розовая и чертовски тугая киска умоляет меня засунуть в нее свой член, пока я сжимаю ее золотистые волосы, влажные от слез, которые она пролила из-за меня.

Подойдя к кровати, я встаю рядом с ней и зачарованно наблюдаю, как ее голова поворачивается ко мне, чувствуя, что рядом с ней кто-то есть.

Я провожу пальцем по ее ступне и провожу им вверх по ее шелковистой гладкой ноге, вызывая у нее стон, от которого мой член плачет в предвкушении.

Стараясь, чтобы мои прикосновения были легкими, как перышко, я дразню ее маленькими случайными касаниями, чтобы она не могла предугадать, откуда последует следующее.

Когда она начинает сопротивляться, я погружаю и всасываю затвердевший сосок в рот и наблюдаю, как ее тело замирает на мгновение, прежде чем оно снова начинает бороться. Румянец, разливающийся по ее груди, показывает мне, что она больше, чем просто напугана, она возбуждена, но она не сдастся, не узнав, я ли это. Я пока не готов развеять ее страх.

Я двигаюсь между ее раздвинутых ног в изножье кровати и щелкаю языком по ее клитору, прежде чем ввести в нее палец. Она не такая влажная, как мне бы хотелось, ее страх сильнее возбуждения, но это нормально. Я терпеливый человек.

Я высвобождаю палец и снова заменяю его своим языком, погружая его внутрь нее и пробуя мед, который уникально похожа на Айви.

Упираясь членом в кровать, я ищу трения, пока лижу, сосу и наслаждаюсь ее киской, пока с нее не начинает капать, а мое лицо не покрывается ее влагой.

Только тогда я сдаюсь, когда она настолько бредит, что у нее пропадает желание бороться. Поднявшись на колени, я перемещаю свой член к ее входу и врываюсь в нее.

Ее крики приглушены кляпом, но я не позволяю им замедлять меня. Я позволяю им подпитывать меня. Моя испорченная сторона наказывает ее за то, что она находит удовольствие, когда не знает, что это я, даже не смотря на то, что это я обрек ее на неудачу.

С этой мыслью в голове что-то щелкает, и я жестко трахаю ее до тех пор, пока не могу больше сдерживаться. Протянув одну руку, я хватаю ее за горло и сжимаю. Когда ее киска сжимается вокруг моего члена, я наполняю ее своей спермой, клеймя ее изнутри, а также

своими отпечатками пальцев снаружи.

На мгновение прижимаясь к ней, я перевожу дыхание, прежде чем подняться с кровати.

Ее грудь вздымается, когда моя сперма капает на простыни под ней. Чувство удовлетворения захлестывает меня, когда я поворачиваюсь, возвращаюсь в ванную и одеваюсь.

Когда я возвращаюсь к Айви, она дрожит так сильно, что ремни с лязгом ударяются о раму кровати.

Настоящий страх. *Наконец-то.*

Сначала я отпускаю ее ноги и массирую лодыжки, прежде чем протянуть руку и освободить ее запястья. Я растираю их, удивленный, когда она не сопротивляется.

Затем я вынимаю кляп, прежде чем окончательно снять маску.

Она не смотрит на меня, не говорит со мной и не признает моего существования. Это выводит меня из себя, поэтому я говорю, не подумав, желая добиться от нее реакции.

— Я вхожу в дверь и вижу, что ты истекаешь спермой? Вижу, что мои мужчины были заняты... — я не успеваю закончить свою колкость, как она слетает с кровати и мчится в ванную. Она падает на пол рядом с унитазом, и ее рвет.

Что-то скручивается у меня в животе при виде этого, и это не имеет ничего общего с самой рвотой, а только с моим чувством вины.

Я сделал это.

Пытаясь помочь ей, моя рука едва касается ее спины, прежде чем она всхлипывает и отстраняется, обхватывая руками колени и подтягивая их к подбородку, слезы каплют с ее лица нескончаемым потоком дождя.

— Не прикасайся ко мне, — задыхается она.

— Айви, позволь мне помочь тебе.

— Я больше не нуждаюсь в твоей помощи. Держись от меня подальше, Атлас.

— Я не могу этого сделать, Айви, — шепчу я, опускаясь на колени рядом с ней.

— Я никогда не прощу тебя, — хнычет она, ее слезы текут достаточно быстро, чтобы утопить нас обоих.

— Это был я, Айви, клянусь. Ты действительно думаешь, что я позволил бы другому мужчине прикоснуться к тебе?

— Я хочу почистить зубы, — бормочет она, когда слезы внезапно прекращаются.

Она не делает попытки встать, ее разум отключается от эмоций, которые угрожают захлестнуть ее.

Я беру ее зубную щетку и пасту и наполняю водой стакан, чувствуя себя так, словно попала в эпицентр шторма. Нервирующая тишина заставляет волоски на моих руках вставать дыбом, пока я жду, когда мир снова ворвется в меня и буря ее гнева разорвет меня в клочья.

Она берет зубную щетку дрожащими руками и макает ее в воду, прежде чем протянуть мне, чтобы я выдавила на нее зубную пасту.

Я наблюдаю за ней, пока она чистит зубы, ее внимание сосредоточено на точке за моим плечом, прежде чем она сплевывает в унитаз и берет у меня воду, чтобы прополоскать, прежде чем вернуть его мне вместе со своей зубной щеткой.

— Теперь ты можешь идти, — говорит она мне роботизированным тоном, кладет голову на колени и ждет, когда я уйду.

— Я не собираюсь...

И вот так просто тишина разлетается вдребезги, обдавая нас обоих болью.

— Просто уходи! — она кричит, и этот звук вырывает мою душу. — Пожалуйста, просто оставь меня в покое, — умоляет она, ее голос срывается на каждом слове.

— Я не могу, — шепчу я.

— Иди нахуй. Ты не можешь? Скорее, ты не хочешь. Теперь ты счастлив, Атлас? Ты чувствуешь себя большим мужчиной теперь, когда ты так опустил меня? Я работала на двух работах, водила дерьмовую машину, жила в ужасном районе и голодала, потому что не могла позволить себе поесть, но я никогда не чувствовала себя отбросом до этого момента. Так что поздравляю, Атлас, я надеюсь, ты задохнешься от собственной правоты.

С рычанием я хватаю ее, прижимая к себе, хотя она борется со мной изо всех сил. Я захожу с ней в душ, несмотря на то, что я полностью одет. Я включаю воду, крепко держа ее, пока она визжит из-за холодной воды.

— Я ненавижу тебя, — выдыхает она, когда вода наконец нагревается, и она раздражается душераздирающими рыданиями. — Я ненавижу тебя, я ненавижу тебя, я ненавижу тебя.

Каждое слово разрывает меня на части. Я никогда не хотел этого, хотя и знал, что это неизбежно. Я по-своему пытался быть хорошим парнем для нее, но я подвел нас обоих к падению. Она влюбилась в мужчину, которого не существует, и, в свою очередь, я наказал ее за любовь к нему.

Она влюбилась в ту грань меня, которая не более чем миф, жадно поглощая мою ложь, словно мой яд был сладчайшим нектаром. Теперь иллюзия разрушена, она хочет убежать. Я чувствую это в каждом напряженном мускуле ее тела.

Я обманывал ее, играл в игры с ее стеклянным сердцем, зная, что стоит мне протянуть руку, как она добровольно попадет в расставленную мной ловушку.

Но я заманил в ловушку не только ее, я заманил в ловушку нас обоих. Если я хочу, чтобы она когда-нибудь была больше, чем просто моей пленницей, мне нужно, чтобы она забыла этого мужчину и вместо этого полюбила монстра.

Я держу ее, пока ее рыдания не стихают, и единственным звуком является ее прерывистое дыхание, когда она пытается успокоиться.

Я отпускаю ее и снимаю свой испорченный костюм. Я бросаю его в основание душа вместе со своими боксерами, оставляя себя голым.

Она настороженно наблюдает за мной, отступая, когда я протягиваю руку, чтобы схватить ее, но я не могу позволить ей отступать от меня дальше, иначе я никогда не получу ее обратно.

— Я не причиню тебе боль, Айви, — успокаиваю я, снова притягивая ее к себе.

— Ты уже это сделал, — шепчет она.

Она права, я сделал. Я могу сколько угодно оправдывать свои действия, но это не меняет того вреда, который я ей причинил.

— Я знаю.

— Я думала, это ты, — выдыхает она, заставляя меня остановиться. — Я думала, что узнала твое прикосновение и то, что ты чувствовал, но потом ты сказал мне, что это был один из твоих мужчин и... — она делает глубокий вдох.

— Это был я, Айви, клянусь.

— И я должна поверить человеку, который только что сделал это со мной? Я должна поверить человеку, который с таким же успехом мог приставить нож к моей груди. Я была только с одним мужчиной, Атлас. С тобой. Я сделала тебе этот подарок, а ты просто изгадил

все, намекая, что можешь так опрометчиво его выбросить. Если твой главный план состоял в том, чтобы заставить меня бояться преследователя за этими стенами, то ты облажался, потому что единственный мужчина, которого я боюсь прямо сейчас, — это тот, кто стоит передо мной.

Я смотрю на дождь, который хлещет по окну. Шторм, безжалостный в своей атаке, бушует уже несколько дней. Но это не имеет ничего общего с смятением, бушующим внутри меня.

Словно почувствовав, куда ушли мои мысли, руки Атласа сжимаются вокруг меня, лишая меня свободы даже во сне.

С того дня между нами все изменилось. Мы все еще занимаемся сексом, потому что мое предательское тело каждый раз капитулирует перед его прикосновениями. Но теперь между нами существует отчужденность, часть моего сердца и разума, которую я оберегаю от него. И Атлас, блядь, ненавидит это. Это приносит отчаяние в наши занятия любовью, мольбу с обеих сторон: его о прощении, меня о свободе. Но ни один из нас не желает уступить другому.

Его некогда мирный дом превратился в поле битвы, перемирие объявляется только в темные ночные часы, когда мы можем притворяться под покровом теней, что все в порядке. Что мы просто муж и жена, а не пленница и тюремщик.

Это напоминает мне ту сказку, в которой молодую девушку похищает и держит в плену зверь. В конце концов она влюбляется в него, и ее любовь смягчает его черты, делая его менее звериным и более человеческим..

Разница в нашей истории в том, что я добровольно вошла в свою тюрьму, уже влюбленная в этого человека. Но вместо того, чтобы быть его спасительницей, я стала его падением, наша извращенная любовь исказилась и истребалась, превратив его в монстра.

Он не позволит мне уйти, а я не могу остаться.

Дело не в том, что я чувствую к нему, а в том, что я чувствую к себе. Я не хочу быть той женщиной, которая теряет себя из-за мужчины. Той, кто медленно задыхается от их удушающих действий, которые они наряжают под видом защиты, когда на самом деле все сводится к контролю.

Может, я молода и наивна, но я не глупа. Я знаю, что если Атлас добьется своего, он сломает меня, просто чтобы превратить в женщину, которой он хочет, чтобы я была.

Можешь называть меня сумасшедшей, но я на это не согласна.

— Я могу слышать твои мысли.

— Я сомневаюсь в этом. Если бы ты знал, о чем я думаю, ты бы спал с одним открытым глазом и ножом под подушкой.

Он хихикает, скользя рукой вверх, чтобы обхватить мою грудь и пощипать сосок, который твердеет в ответ на его прикосновение.

— Всегда такая дерзкая, — стонет он, прежде чем прикусить мое ухо. Убрав руку с моей

груди, он поднимает мою ногу и перекидывает ее через свою, открывая меня для себя. Когда я нахожусь там, где он хочет меня видеть, он хватается за свой член и выравнивает его прямо перед тем, как войти в меня.

— Блядь. Всегда так туго. Мне всегда кажется, что ты душишь мой член, — ворчит он, его рука снова на моей груди, его губы на моей шее, когда я растворяюсь в нем. Я узнала, что сопротивление — это не вариант, потому что никто не применяет сексуальные пытки так, как Атлас. Может, он и не причиняет мне физической боли, но часами превращает меня в жалкое, дрожащее месиво, не позволяя мне кончить. Он держит меня на краю пропасти, заставляя меня бросить свою гордость за край, где она разбивается вдребезги среди моих просьб.

— Хотела бы я душить что-нибудь другое, — рычу я, даже когда снова толкаюсь в него, встречая его толчок за толчком.

Он хихикает, его дыхание скользит по моей коже, оставляя за собой мурашки.

Его движения ускоряются, хватка на мне усиливается, и, хотя мне не хочется этого признавать, мне нравится, когда он держит меня вот так. Я чувствую себя в безопасности, а это самая большая чушь на свете.

— Такая влажная для меня, сладкая Айви. Тебе нравится мой член внутри тебя, не так ли?

Я не отвечаю, что заставляет его толкаться сильнее.

— Ответь мне, Айви, или я не позволю тебе кончить.

— Аааа! — вскрикиваю я после особенно жестокого толчка. — Да, мне нравится, когда твой член внутри меня. А теперь заткнись и трахни уже.

— Как пожелаешь.

Он переворачивает меня на четвереньки, хватается за задницу и толкается в меня.

Его пальцы впиваются в мою кожу, оставляя синяки именно так, как ему нравится, когда он трахает меня сильнее и глубже, чем раньше.

Есть некоторая боль. Она есть всегда. Он большой и не боится использовать оружие, данное ему Богом, но острая боль усиливает сладость удовольствия, разливающегося по моему телу.

Наклоняясь надо мной, он просовывает руку мне между ног и играет с моим клитором, пока я не понимаю, что больше не могу сдерживаться.

— Ты хочешь кончить, Айви?

— Да, боже, да.

— Скажи мне, что любишь меня.

Я игнорирую его, но знаю, что это бесполезно. Это его новая любимая игра, обнажающая меня эмоционально и оставляющая мой мозг таким же незащищенным, как и мою киску.

— Пошел ты.

— О, милая, ты знаешь, что я могу заниматься этим весь день, — насмехается он, и так и будет. Это то, что он делает. Он собирает меня воедино только для того, чтобы снова сломать.

— Атлас!

— Скажи, что любишь меня, — он акцентирует каждое слово карающим толчком бедер, заставляя меня всхлипывать в ответ, который ему нужно услышать.

— Я люблю тебя, — шепчу я.

— Да, ты любишь! — толчок. — Кончай! — приказывает он. — Кончи на мой член.

Его слова действуют как спусковой крючок, и я кончаю со скоростью пули, теряя способность делать что-либо, кроме как кричать, когда он извергается внутри меня.

— Хорошая девочка, — хвалит он, когда я спускаюсь со своего пика, и краткий миг блаженства сменяется гневом.

— Я ненавижу тебя.

— Нет, ты не ненавидишь. Может, ты и хочешь, но не можешь, потому что я в твоих гребаных венах точно так же, как ты в моих.

Я не отвечаю, опасаясь, что он прав. Чем дольше я здесь нахожусь, тем больше начинаю сомневаться, кто настоящий монстр. Мужчина, который совершает грехи, или женщина, стоящая за ним, которая их оправдывает.

— Давай, пора принять душ и одеться. Я сказал Майлзу, что ты заболела, но ему нужно поговорить с тобой, поэтому он придет сегодня. Он скоро будет здесь, и я бы предпочел, чтобы на тебе было что-то большее, чем просто моя сперма, когда он придет.

На секунду в моей груди расцветает надежда, но я должно быть выдаю себя, потому что его непринужденное выражение лица становится резким.

— Я не хочу бороться с тобой каждую секунду, Айви, но это не значит, что я не буду. Ты будешь вести себя прилично, когда он придет, потому что, если ты этого не сделаешь, та тепленькая работенка, на которую я перевел Марвина, внезапно исчезнет. Не то чтобы это имело такое большое значение, когда его тормозные тросы будут перерезаны.

— Ты не убийца, — я качаю головой, но его губы подергиваются, прежде чем они образуют сардоническую усмешку.

— Монстр, помнишь?

— Это из-за тебя он ушел? — я должна была догадаться. Его слова наполняют меня безнадежностью, потому что я знаю, что он не шутит.

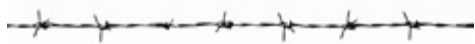
Все те комментарии, которые он делал, пока мы были вместе, заставляют меня сомневаться в себе и в том, что я действительно знаю об этом человеке.

— Ах, теперь ты понимаешь, — он улыбается, убирая волосы с моего лица.

Я киваю, потому что теперь действительно понимаю. Он все время пытался мне сказать, я просто отказывалась видеть.

Он готов убивать, обманывать, лгать и красть, чтобы получить то, что он хочет.

Нет буквально ничего, чего бы Атлас не сделал, чтобы удержать меня здесь.

— Мистер Монро, миссис Монро. — Детектив пожимает нам руки, прежде чем мы все рассаживаемся на темно-серые диваны в гостиной.

— Я рад видеть, что вы так хорошо выглядите. Супружеская жизнь, кажется, идет вам на пользу. Кстати, поздравляю.

Господи, может быть, я упустила свое призвание актрисы: — Спасибо, детектив, — я мило улыбаюсь ему. Рука Атласа скользит по моему бедру, слегка сжимая его в знак предупреждения.

— Атлас сказал, что вам нужно поговорить со мной.

— Да, ну, я не уверен, что вы, возможно, уже слышали, учитывая вашу свадьбу и

болезнь.

— Простите, детектив, но слышали о чем? — спрашиваю я в замешательстве. У меня такое чувство, что я пропустила часть разговора.

— Генри Смит покончил с собой чуть больше недели назад.

Я резко втягиваю воздух: — Что? Почему?

— Похоже, он недавно пережил жестокий развод. Его жена уничтожила его, и поэтому он пристрастился к наркотикам и проституткам, чтобы заглушить боль, — тихо говорит он мне.

— Генри? Из «Флекс», Генри? Вы уверены, что это был он? Парень был отъявленным мудаком, но он точно не набрасывается на проституток и не дует, скорее это учебники и защитные чехлы для карманов.

Он слегка хихикает, и я краснею, понимая, что плохо говорю о мертвых. Я не буду плакать из-за его отсутствия, но я и не желала ему этого.

— Я уверен. Была произведена положительная идентификация.

— И это определенно было самоубийство? — тихо спрашиваю я, когда Атлас снова сжимает мою ногу.

— Ты не подозреваемая, Айви, если это то, о чем ты беспокоишься. Но да, это было квалифицировано как самоубийство. Хотя есть еще кое-что.

Он переводит взгляд с меня на Атласа, прежде чем сглотнуть.

— У вас с мистером Смитом когда-нибудь были интимные отношения? — я секунду смотрю на него, прежде чем раздражаюсь смехом.

Как только я думаю, что у меня все под контролем, я начинаю снова.

— Простите, просто... Если бы вы знали, как сильно мы не любили друг друга, вы бы никогда не спрашивали. С обеих сторон была взаимная ненависть.

— Понятно. Я должен был спросить. Возможно, то, что вы считали ненавистью, он воспринимал как отношения. Сталкеры редко мыслят логически, когда речь заходит об объекте их одержимости.

— Подождите, вы думаете, Генри был моим преследователем? Но я видела Макдуша, то есть Кей Ти, в моей квартире...

— И я не говорю, что он по-прежнему не представляет интереса. В конце концов, возможно, что они работали вместе.

Но как? Почему? Все это не имеет смысла. Как их пути вообще могли пересечься? Я полагаю, что все возможно, но тогда, если это правда, любой человек мог бы работать с ним.

Или женщина. Я хмурюсь, задаваясь вопросом, когда я начала предполагать, что мой преследователь был мужчиной.

Я открываю рот, чтобы сказать детективу, что мы, возможно, неправильно смотрим на все это дело, когда он упоминает что-то о фотографиях.

— Фотографии? Какие фотографии?

Детектив вздыхает, выглядя смущенным.

— Мы нашли в его распоряжении множество фотографий и видеозаписей женской раздевалки. Мы также нашли несколько ваших фотографий, — он открывает папку, которую принес с собой, вытаскивает пару снимков 8x10 и раскладывает их на кофейном столике, чтобы я могла их увидеть.

Я задыхаюсь, когда смотрю на них, мои руки взлетают, чтобы прикрыть рот.

Есть три фотографии, и на каждой я крепко сплю, полностью обнаженная и не обращаю

внимания на опасность, которая находится всего в нескольких футах от меня. На последней фотографии рука в кожаной перчатке обхватывает мою грудь.

Я поворачиваю голову к Атласу, когда он произносит мое имя, его встревоженные глаза смотрят в мои.

— Он был в моей квартире! — кричу я несколько истерично. — Он прикасался ко мне! — Я задыхаюсь, а затем вскакиваю и бегу в ванную, едва успеваю опорожнить содержимое своего желудка. К счастью, это всего лишь кофе.

Чьи-то руки убирают мои волосы назад, заставляя меня запрокинуть голову и увидеть Атласа рядом со мной.

Я спускаю воду в туалете и позволяю ему помочь мне подняться на ноги, освобождаясь, чтобы я могла почистить зубы, пока он стоит позади меня, наблюдая за моим лицом в зеркале.

Как только я закончу. Я кладу руки на стойку и делаю глубокий успокаивающий вдох, прежде чем выдохнуть.

— Я думаю, ты был прав все это время, Атлас. Я нигде не в безопасности, кроме как здесь, — я качаю головой, еще раз встречаясь с его глазами в своем отражении.

— Ты вообще хочешь меня сейчас, когда я, возможно, испорченный товар? Он мог бы... — я задыхаюсь, не в силах произнести слово "изнасиловать".

Атлас подходит ко мне сзади и просовывает руку мне под юбку, отодвигая мои стринги в сторону.

Он вводит палец внутрь меня, заставляя меня зашипеть от этого вторжения.

— Чувствуешь это? Когда ты не возбуждена, это нечто большее, чем просто укол боли, и это всего лишь от моего пальца. Ты чувствовала меня внутри себя, Айви, после того, как я жестко трахнул тебя и после того, как я нежно любил тебя. Скажи мне, ты чувствуешь меня на следующий день?

Я обдумываю его слова, понимая, о чем он говорит.

— Я всегда чувствую тебя, — признаюсь я.

— Здесь никого не было, кроме меня, Айви. Но в любом случае, отвечая на твой вопрос, если бы кто-то другой когда-нибудь прикоснулся к тому, что принадлежит мне, это не заставило бы меня любить тебя меньше. Если ты когда-нибудь окажешься в ситуации, подобной этой или той, в которую ты попала с моим отцом, я не хочу, чтобы ты когда-либо ставила под сомнение мою преданность к тебе. Твоя цель — выживание. Я найду того, кто похитил тебя, и приду за тобой. После того, как я убью его, я трахну тебя в луже его крови, чтобы напомнить тебе, кому ты принадлежишь. Я никогда не буду смотреть на тебя иначе, чем сейчас. И Айви, ты уже знаешь, что ты для меня все.

Он убирает палец, и я поворачиваюсь и обвиваю руками его шею, черпая в нем силу.

— Я больше не хочу тебя ненавидеть.

— Тогда не делай этого.

Я фыркаю. Вот так просто, да?

— Просто хочу любить тебя и оберегать, Айви. Я действительно прошу слишком многого?

— Нет, Атлас. Это не так. Просто скажи мне, что это все. Ты больше ничего не скрываешь, что могло бы причинить мне боль, верно?

Он минуту молчит, прежде чем обхватить ладонями мой подбородок и наклонить мою голову.

— Ты хочешь услышать правду или ложь? — он тихо спрашивает, отчего у меня на глазах наворачиваются слезы.

— Солги мне. — Потому что мы оба знаем, что правда может убить меня.

— Нет, Айви. Я больше ничего не скрываю.

Побродив по дому и саду, я решаю посидеть на качелях, которые заметила на крыльце.

Взяв еще кофе и одеяло, я собираюсь немного почитать на телефоне, пока Атлас не вернется домой.

Я колеблюсь, держа руку на дверной ручке, гадая, заперта ли она. Когда я поворачиваю ее, она открывается.

С облегчением я направляюсь к качелям и скидываю туфли-лодочки, поджимая под себя ноги, чтобы устроиться поудобнее. Завернувшись в одеяло, я потягиваю кофе и погружаюсь в книгу о романе "второй шанс", которую начала вчера.

Я осторожно раскачиваюсь и ненадолго теряю себя, прежде чем скрип заставляет меня поднять голову и нахмуриться.

Сбоку от дома расположен огромный гараж с двойными дверьми. Ранее я видела, как Кензо и Атлас уезжали на Range Rover через большую дверь слева. Теперь дверь справа слегка приоткрыта.

Нахмурившись, я ставлю свою пустую кружку рядом с собой и убираю телефон в карман. Встав, я снова надеваю туфли и оглядываюсь по сторонам, но никого не вижу. У домработницы сегодня выходной, и Пит отдал машину в сервис, вот почему Кензо и Атлас сегодня поехали.

Где-то здесь есть охрана, они всегда есть. Атлас утверждает, что богатство делает из него мишень, и теперь, когда мы женаты, то из меня тоже. Я могу никого не видеть вокруг, но это не значит, что они не патрулируют. Двое всегда остаются возле ворот, особенно когда я одна, но я не хочу спускаться туда, когда там, скорее всего, ничего нет.

Я спускаюсь по ступенькам и направляюсь к гаражу. Опустившись на четвереньки, я заглядываю внутрь. Темно, но из-под двери просачивается достаточно света, чтобы показать, что в комнате никого нет. Я предполагаю, что датчик на двери, должно быть, барахлит. Я уже собираюсь встать, когда что-то привлекает мое внимание.

Лежа на животе, не заботясь о том, что запачкаюсь в пыльном гравии, я подкатываюсь под дверь и направляюсь к машине в дальнем конце гаража.

Думаю, что мой разум, должно быть, играет со мной злую шутку, но когда я протягиваю руку и кладу ее на помятый капот, я чертыхаюсь, чувствуя, насколько это реально.

Этот ублюдок угнал мою машину.

— Он хотел, чтобы Пит отвозил тебя. Он знал, что ты будешь сопротивляться, поэтому устранил единственное, что стояло у него на пути.

Я оборачиваюсь на звук голоса и вижу кого-то, стоящего в тени.

— Кто там?

Я отступаю и достаю из кармана мобильник, благодарная за то, что смирилась и приняла его от Атласа.

Человек в тени выходит вперед и показывает себя, заставляя меня отшатнуться и захныкать, роня телефон на пол.

— Знаешь, обычно я не произвожу такого эффекта на женщин. Обычно они умоляют меня трахнуть их, но, полагаю, тебе нравятся парни с кошельками больше, чем их члены.

— Как, черт возьми, ты прошел мимо охраны? Ты причинил им вред?

Я вижу, что его лицо зажило, а с руки снят гипс, но по одной стороне его лица проходит рельефный шрам, который я не заметила с того ракурса, с которого он стоял у моего дома той ночью.

Он смеется и подходит на шаг ближе, пока я ищу свой телефон.

— Зачем им останавливать меня, когда я здесь работаю? — я снова замираю, мои ноги словно приклеены к полу.

— Ах, ты не знала? Бедная Айви. Ты вообще знаешь человека, за которого вышла замуж?

— Я знаю, что он убьет тебя, если ты прикоснешься ко мне.

— Я выжил в прошлый раз, не так ли? — он проводит пальцем по своей щеке, но от меня не ускользает, как напрягается его тело от моих слов.

Я прикусываю язык, чтобы не закричать от того, на что он намекает.

— О, я вижу, теперь до тебя дошло. Твой муж заплатил мне, чтобы я приставал к тебе, пугал тебя. Я не знал, что мне запрещено прикасаться к тебе. Жаль, что я не учел этого, если бы знал, что этот засранец собирается сломать мне за это руку.

— Нет. Ты лжешь. Я видела тебя в своей квартире. Я видела цветы.

— Когда босс говорит мне прыгать, я прыгаю, Айви. Это то, что мы, миньоны, делаем. Но ведь ты все об этом знаешь, не так ли? Скажи мне, он приказывает тебе встать на колени и отсосать его член?

Я снова отступаю назад, и моя нога задевает телефон, отбрасывая его под грузовик. Ругаясь, я обегаю свою машину сбоку от него, пытаюсь увести его подальше от двери.

— Атлас убьет тебя, — кричу я.

— Я знаю, но таков был план с самого начала. Я был просто слишком глуп, чтобы понять это. Ему нужен козел отпущения, и после того, что произошло в "Дрифт", моя судьба была предрешена. Вот тебе и верность. Он повернулся ко мне спиной ради киски. — рычит он. — А теперь посмотри на себя, ждешь, когда твой муж придет и спасет тебя от твоего преследователя. Что за гребаная ирония. Проснись и почувствуй запах мышьяка, Айви. Атлас — твой преследователь. Каждое его действие было направлено на то, чтобы привести тебя сюда.

— Ты лжешь. Зачем прилагать столько усилий? Я никто, и я одинока. По мне никто не будет скучать. Он мог бы забрать меня в любой момент, и я была бы беспомощна остановить его, — я не позволю его лжи запутать меня, это именно то, чего он хочет, чтобы я усомнилась в Атласе.

Мой телефон звонит, заставляя наши взгляды метнуться в ту сторону. Воспользовавшись моментом, я бегу к двери и бросаюсь под нее. Он быстро хватает меня за лодыжку, оттаскивая назад. Мой живот скребется о землю, когда моя футболка задирается, заставляя меня взвизгнуть. Он переворачивает меня на спину и садится верхом.

— Думаю, если я умру, то возьму и тебя с собой. Это единственное, что причинит ему

боль, потому что по-своему он действительно любит тебя. Каково это — быть любимой психопатом? Знать, что он скользит пальцами каждую ночь в твою киску после того, как теми же руками перерезал кому-то горло?

Его твердый член упирается мне в живот, заставляя меня бороться с желанием блевать. Я осматриваю пол в поисках чего-нибудь, что могло бы мне помочь. Все, что я нахожу, — это пригоршни грязи и гравия.

— Пора выяснить, что такого особенного в этой киске, — он ухмыляется, потянувшись к пуговице моих шорт.

— Ты говоришь о том, что Атлас психопат и убийца, словно я должна бояться, когда это ты планируешь изнасиловать меня. В аду есть особое место для слабаков вроде тебя, и Атлас сам отправит тебя туда. И ты можешь быть уверен, черт возьми, что я позволю ему трахнуть меня над твоим высохшим трупом в качестве благодарности.

Мои слова заставляют его остановиться. Когда он поднимает потрясенный взгляд, я бросаю горсть грязи ему в глаза.

Он взвизгивает и делает то, что приходит инстинктивно — он трет их, царапая глазные яблоки песком. Я отступаю назад и бью его по лицу так сильно, как только могу, вздрагивая, когда что-то хрустит в моей руке. Этого достаточно, чтобы вывести его из равновесия. Наклонившись, я хватаю его член и выкручиваю, отпускаю только тогда, когда он бьет меня по лицу, и комната на секунду кружится.

Из последних сил я дергаюсь и сбрасываю его с себя, прежде чем ударить ногой ему в лицо. Я использую секунды свободы, которые это дает мне, чтобы проскользнуть под дверь гаража и поползти к дому.

Сердитый рев заставляет меня игнорировать боль в лице и руке. Я, спотыкаясь, поднимаюсь на ноги, но руки обвиваются вокруг меня, прежде чем я могу продвинуться дальше.

Я пинаюсь и сопротивляюсь, но голос в ухе говорит мне успокоиться. Я понимаю, что это Кензо.

Все мое тело расслабляется, когда ноги подгибаются, вынуждая его подхватить меня. Он поднимает меня на руки и садится на ступеньки, держа меня на коленях. Я смотрю на дверь гаража, которая теперь широко распахнута, и вижу, как Атлас вытаскивает Кей Ти за волосы.

— Атлас, — шепчу я. Хотя он никак не может меня услышать, он поворачивается в мою сторону и оценивает мои травмы. Выражение его лица — это то, чего я никогда в жизни не забуду.

— Ты посмел прикоснуться к моей жене?! — рычит он.

Прежде чем мужчина успевает ответить, Атлас набрасывается на него. Он избивает Кей Ти голыми руками снова и снова, пока я с трудом его узнаю. Тем не менее, я не могу отвести взгляд, застыв в шоке от явного уровня насилия.

— Атлас, — я слышу предупреждение в голосе Кензо и отрываю взгляд от распростертого тела Кей Ти, чтобы увидеть, что Атлас вытащил пистолет и направляет его на него.

— Айви не обязательно это видеть, — тихо говорит ему Кензо, но Атлас смотрит только на меня.

— Никто не причинит вреда тому, что принадлежит мне, — отвечает он, стреляя из пистолета. Эхо выстрела заставляет меня подпрыгнуть и вскрикнуть, в то время как Атлас

продолжает стрелять снова и снова, пока не заканчиваются патроны.

Он роняет пистолет, грудь вздымается, когда он делает шаг вперед.

— Вот кто я, Айви, — говорит он мне, призывая меня бежать. Я слезаю с колен Кензо и бегу прямо в его объятия, зная, что он поймает меня.

Он крепко держит меня, металлический запах крови и дыма в воздухе маскируется запахом Атласа и всего, чем он является. Любимый. Муж. Дом.

— Я сказала ему, что ты убьешь его.

— Я убью любого, кто прикоснется к тебе.

— Спасибо, — шепчу я, не испытывая никаких угрызений совести к человеку, который собирался меня убить.

— Отведи ее внутрь и приведи в порядок. Я разберусь с этим, — шепчет он Кензо поверх моей головы.

Я протестую, но не сопротивляюсь, когда Кензо берет меня на руки.

— Мне нужна минутка, Айви. Просто... — окровавленные руки Атласа сжимаются, его гнев ощутим. Он так сильно сдерживает себя, что это причиняет ему боль. Несмотря на то, что я хочу, чтобы он был со мной, прямо сейчас ему нужно, чтобы я была сильной.

Я протягиваю руку и обхватываю его подбородок.

— Со мной все будет в порядке. Я не покину Кензо, — заверяю я его, когда он целует мою ладонь и кивает Кензо.

Мы не разговариваем, пока Кензо несет меня на кухню. Он усаживает меня на кухонный стол, оставляя только для того, чтобы взять аптечку первой помощи.

— Ладно, Айви, мне нужно, чтобы ты была честна со мной и рассказала, что этот ублюдок сделал с тобой.

— Он ударил меня по лицу, — тихо отвечаю я. Одно упоминание об этом заставляет чертову штуку пульсировать.

— А где еще у тебя болит? Потому что я знаю, что это не все.

— Моя рука болит после того, как я ударила его. — я поднимаю ее и показываю ему. Она выглядит немного опухшей и красной. Один из моих суставов болит, но я могу пошевелить всеми пальцами, так что не думаю, что что-то сломано.

— Чертовски хорошая девочка, — он осматривает мою руку, заставляя меня вздрогнуть, прежде чем он приходит к тому же выводу, что и я.

— Я не думаю, что что-то сломано, но понаблюдай на всякий случай. Мы заморозим ее и посмотрим, поможет ли это.

— Хорошо. Кроме этого, у меня просто несколько царапин на животе и руках, там, где он тащил меня по полу.

Кензо выдыхает, словно пытаясь успокоиться.

— Приподними немного рубашку, и давай посмотрим.

Я делаю, как он просит, сосредотачиваясь на точке на стене, когда он наклоняет голову, чтобы оглядеть меня.

— Все это выглядит не так уж плохо. Хотя, возможно, оно будет болезненно, когда появится корочка. Тебе нужно будет нанести немного антисептика и содержать в чистоте.

— Да, мам, — поддразниваю я, заставляя его посмотреть на меня и закатить глаза, прежде чем его лицо снова становится серьезным.

— У тебя все в порядке? Я имею в виду, здесь, наверху, — он касается своей головы.

— Не думаю, что я еще это осознала. Я чувствую себя странно спокойной, что обычно

означает, что это ударит по мне позже, и я буду плачущей развалиной, — признаю я.

— Ты хорошо держалась, детка.

— Что-то мне так не кажется. Я не знаю, что бы я делала, если бы вы, ребята, не появились вовремя.

— Я называю это чушью собачьей. Ты уже убежала от него и добралась бы до дома, где нажала бы тревожную кнопку, если бы я не добрался до тебя первым.

Я сглатываю и киваю, позволяя его словам принести мне утешение.

— Серьезно, не кори себя. Ты все сделала правильно.

Он подходит к морозилке и берет немного льда, заворачивая его в полотенце для рук, прежде чем вернуться ко мне.

Я широко улыбаюсь ему, не заботясь о том, что это причиняет боль. Я говорила это раньше, но в жизни есть вещи похуже, чем чувствовать, что кто-то заботится о тебе.

— Как она?

Я подпрыгиваю при звуке голоса Атласа, не осознавая, что он вошел.

— Она может говорить сама за себя, — ворчу я, но Атлас игнорирует меня и ждет ответа Кензо.

— Она немного пострадала, но ничего смертельного. Но нужно присматривать за ее рукой, просто на всякий случай.

— Хорошо. Я закончу здесь. Я не хочу, чтобы меня беспокоили остаток ночи. Дай знать всем остальным, если им что-нибудь понадобится, чтобы они обращались к тебе.

— Понял, босс. Береги себя, Айви.

— Спасибо тебе, Кензо. За все, — я нежно улыбаюсь, когда он уходит, закрывая за собой дверь.

— Не раздавай улыбки, которые принадлежат мне.

Я замираю, его слова взрываются в моем мозгу, открывая правду, которую я не замечала раньше. Правду, которую Кей Ти пытался протолкнуть мне в горло, но я отказывалась глотать.

— Что ты только что сказал?

Как только слова слетают с моих губ, я понимаю, что сказал слишком много.

Я не отвечаю ей. Я просто смотрю, как она наконец складывает все кусочки головоломки вместе.

— Почему моя машина в твоём гараже?

Опять же, я ничего не отвечаю. Она не нуждается в ответе. Она уже знает.

— Ответь мне, черт возьми! — кричит она, и слезы неверия текут по её щекам.

Я поднимаю руку, чтобы смахнуть их, но она отбрасывает её.

— Почему? Атлас? Как ты мог так поступить со мной? — её голос срывается на каждом слове, но я по-прежнему не отвечаю. У меня нет слов, чтобы объяснить ей это, и я сомневаюсь, что она стала бы слушать.

— Если ты мне ничего не скажешь, ничего не объяснишь, я уйду, и ты меня больше никогда не увидишь.

Я поднимаю её и перекидываю через плечо, взбегая по ступенькам на первый этаж. Не обращая внимания на её крики, я набираю код доступа на клавиатуре в закрытую комнату дома.

Оказавшись внутри, я ставлю её на ноги, включаю свет и наблюдаю, как она задыхается, прикрывая рот руками, а её покрасневшее лицо становится белым как мел.

Хватаясь за стену для опоры, она замечает одинокий стол и стул в углу комнаты с компьютером, стоящим на нём. Если бы он был включен, она увидела бы комнаты своей старой квартиры. Но прямо сейчас её внимание сосредоточено на том, что украшает каждый квадратный дюйм каждой стены.

Я остаюсь у двери, пока она нерешительно касается одной из тысячи своих фотографий.

— Когда твоё заявление легло на мой стол в "Дрифте", я понял, что должен заполучить тебя. Никогда в жизни я ни в чём так сильно не нуждался, как в тебе. Я не могу объяснить это сейчас, как и тогда, но в тебе есть что-то такое, что взывает ко мне. Я не могу отгородиться от этого или заткнуть. И, честно говоря, я этого не хочу.

Я подхожу на шаг ближе к ней, пока она сквозь слезы рассматривает фотографии. Те, где она смеялась на работе, те, где она в метро, и даже те, которые я снял в её квартире той ночью.

— Более семи миллиардов людей в мире, и каким-то образом я нашел ту, которой

суждено стать моей.

— Расскажи мне и ничего не скрывай, — ее голос хриплый, а тело напряжено так, что одно прикосновение может просто разбить ее вдребезги.

Сползая по стене, я сажусь, согнув одну ногу и кладу руку на колено, вспоминая прошлое.

— В тот день Кензо испортил твою машину, и мы следили за тобой, пока она не сломалась. Я думал, что как только я встречу тебя лично, я пойму, что реальность не может соответствовать фантазии. Но я был чертовски неправ.

— Ты украл мой телефон из сумки и поставил на него жучки в тот день, — шепчет она, заставляя меня кивнуть.

— Мне нужно было знать, где ты. Если бы я этого не сделал, я бы начал терять контроль, а когда это случается, люди страдают.

— Цветы. Я спрашивала тебя о них в тот день, когда ты выломал мою дверь, — затем она смеется, но в этом звуке нет ничего веселого. — Кензо. Он установил камеры в тот день, не так ли? А новая дверь означала, что у тебя был ключ. Боже, я такая дура.

Она обхватывает себя руками, прежде чем повернуться ко мне лицом.

— Я послал тебе цветы, но когда понял, насколько ты будешь упряма, я понял, что мне нужен другой план. Ты была такой пугливой. Большинство женщин бросаются на меня, но не ты. — я сардонически смеюсь.

— Итак, ты решил захватить мое убежище и уничтожить его?

— Я хотел быть твоим убежищем! — я кричу на нее. — Я хотел, чтобы ты нуждалась во мне так же, как я нуждаюсь в тебе. Каждый день я жил с осознанием того, что ты была одной ногой за дверью, готовая сбежать, но я не мог позволить этому случиться. Я, блядь, не могу жить без тебя, Айви.

Я встаю и подхожу к ней. На каждый мой шаг она делает один назад, пока не упирается в стену.

— Отойди назад.

— Нет, — я втискиваю ее внутрь, прижимая к стене, не прикасаясь к ней.

— Верно. К черту то, чего я хочу, да? Просто расскажи мне остальное.

— Кейн должен был поставить тебя в неловкое положение, а затем напугать, чтобы я мог прийти на помощь. Он не должен был, блядь, прикасаться к тебе.

— Кейн? Ты имеешь в виду Кей Ти? Так его звали? — она качает головой. — Он сказал, что ты с самого начала сделал его козлом отпущения. Сказал, что ты собираешься убить его.

Я не отвечаю, потому что это правда. Как только он прикоснулся к ней, он решил свою судьбу.

— Значит, в ту ночь, когда меня заперли на складе?

— Это был Кейн. И я позвонил и удостоверился, что ты видела его в ту ночь, когда ты переехала сюда. Я знал, что это будет тем толчком, который тебе нужен.

Она кивает, как будто тоже это поняла, но отказывается смотреть на меня.

— Какую роль в этом играет Генри?

— Я купил тренажерный зал у Боба, но мне нужен был кто-то, кто управлял бы им вместо меня. Я избавил Генри от некоторых долгов, оставив его подставным лицом при условии, что он сохранит мое участие в тайне и что, когда придет время, он уволит тебя. Если бы ты не могла позволить себе свою квартиру... — мой голос затихает, когда она резко поднимает на меня взгляд и кивает. Умная девочка тоже это поняла.

Ее глаза расширяются от осознания: — Фотографии, — она смотрит на стены, находя те, которые соответствуют, те, что подходят друг другу, те, что показывал ей Майлз, те, которые были сняты мной. — Ты убил Генри.

— Я не собирался, но я застучал его за поглаживанием своего члена под видео, где мы трахаемся в VIP-комнате.

Она закрывает глаза, явно расстроенная.

— Детектив...

— Работает на меня, — подтверждаю я.

— Что-нибудь было настоящим? — боль в ее голосе заставляет меня потянуться к ней.

Я хватаю ее за оба запястья, когда она пытается вырваться.

— Это реально, — я кладу одну руку на свой твердый член.

Она шипит, когда я крепко держу ее за запястье, сжимая достаточно сильно, чтобы помешать ей сжать кулак и оторвать мой член.

— Это реально, — я прикладываю другую руку к своему сердцу.

Она всхлипывает: — Зачем ты все это сделал? Почему просто не забрал меня в тот первый день, когда я села в твою машину?

— Я не хотел, чтобы ты ненавидела меня. Мне нужно было, чтобы ты влюбилась в меня, прежде чем поймешь какой я монстр.

— Я не испытываю к тебе ненависти, Атлас. Я ненавижу себя. Я игнорировала каждый красный флаг, каждый предупреждающий знак и зловещее предчувствие, потому что так чертовски сильно хотела поверить в сказку, а в итоге оказалась в кошмаре, — она смеется, даже когда текут слезы. — Я влюбилась в монстра.

— И он любит тебя в ответ.

— Это не любовь, это гребаная болезнь, разъедающая нас, как раковая опухоль. Это болезнь, Атлас. И что случится со мной, когда однажды ты проснешься и обнаружишь новую одержимость, и сотрешь меня из своей жизни? Узнаю ли я женщину, которой стала, после того, как ты переставишь все мои части?

— Тебя никто не сотрет, Айви. Ради всего святого. Ты можешь слышать слова, которые я тебе говорю, но ты не слышишь ни единого чертова слова из того, что я говорю. Больше нет тебя и меня, только мы.

Ее плечи трясутся, когда теперь она плачет по-настоящему. Даже с влажными щеками, ввалившимися глазами и печалью, запечатленной в каждой клеточке ее существа, я все равно никогда в жизни не видел более красивой женщины.

— Сладкая.

Она сильно толкает меня за то, что я называю ее ласкательным именем, шокируя меня и заводя.

— Не называй меня так. Я больше не могу этого сделать.

Что-то темное скручивается внутри меня, заставляя меня прижаться к ней, прижимая ее к стене своим телом.

— Не можешь сделать что, Айви?

— Это. Ты. Мы. Освободи меня, — шепчет она, заставляя эту тьму вырваться наружу, прежде чем я успеваю обуздать ее.

— Никогда, — рычу я. — Ты моя жена. Может, я тебе сейчас и безразличен, но мне плевать. Я люблю нас достаточно за нас обоих. Мы справимся, Айви. Больше никаких секретов. Ты не можешь любить только ту часть меня, которая тебе нравится. Это так не

работает. Черт возьми — любовь, ненависть, гнев, похоть — все это просто какой-то абстрактный образ в моей голове, где все кусочки сливаются воедино, создавая нечто прекрасное. Вот что у нас есть, какие мы есть — чертов беспорядок. Но ни один мужчина никогда не полюбит тебя так, как я, Айви. Я бы умер ради тебя, убил бы ради тебя, сжег бы мир дотла, если бы ты попросила меня об этом, но я сделаю это, когда ты будешь рядом со мной.

— А если я умру? — тихо заданный вопрос ощущается как пуля в грудь.

— Тогда я последую за тобой.

С криком она обрушивается на меня, колотя меня в грудь, пока все ее силы не иссякают, и она хнычет мне в горло.

Неся ее к столу, я одной рукой придерживаю ее, а другой смахиваю содержимое на пол, прежде чем уложить ее сверху.

В ней не осталось сил бороться, но это не мешает ей настороженно наблюдать за мной.

Потянувшись за своим ножом, я не сводя с нее взгляд, вытаскивая его из ножен и используя, чтобы разрезать ее футболку и лифчик, обнажая ее груди и розовые соски.

Мой взгляд прикован к царапинам на ее животе, напоминающим мне, как близко я был к тому, чтобы потерять ее.

Поднимая свободную руку, я обвожу это место кончиками пальцев.

— Моя женщина — боец, — хвалю я ее, расстегивая пуговицу на ее шортах, прежде чем стянуть их вниз по ногам.

Распростертая передо мной сейчас, одетая только в белое кружево, прикрывающее ее киску, и слезы на ее щеках, я знаю, что никогда не насытюсь. Мой аппетит к этой женщине ненасытен, жажда настолько сильна, что может поставить меня на колени. Единственный способ насытиться — попробовать ее на вкус.

— Атлас.

Я просовываю нож сбоку под ее стринги и разрезаю их, прежде чем поднять на нее взгляд.

Ее кожа все еще бледна, но щеки пылают. Несмотря на ее гнев и обиду, я по-прежнему влияю на нее так же, как и она на меня.

— Между нами больше ничего нет, Айви. Никаких секретов, никакой лжи. Если ты спросишь меня о чем-то, я тебе отвечу. Я открытая книга. Но только потому, что ты можешь, не значит, что ты должна. Если ты не можешь смириться с правдой...

— Больше никакой лжи, никаких секретов, — повторяет она, прерывая меня, когда я бросаю нож на пол.

Широко раздвигая ее ноги, я наклоняюсь и вдыхаю, заставляя ее извиваться.

— Если бы я попросила тебя остановиться, ты бы сделал это? — спрашивает она, удивляя меня еще раз.

Ах, проверка. Глядя ей в глаза, я говорю ей правду: — Нет, — я провожу языком по ее и без того скользким складочкам. — Ты хочешь, чтобы я остановился?

Она поворачивает голову и сглатывает, но отвечает тихо, с ноткой стыда в голосе.

— Нет.

— Хотеть этого нормально, Айви. У тебя в голове есть представление о том, что правильно, а что нет, но мы никогда не собирались соответствовать этому шаблону. К черту то, что думает мир, все, что имеет значение, — это я и ты.

Я просовываю палец внутрь нее, скользя им внутрь и наружу, пока ее дыхание

становится прерывистым.

Опускаясь еще раз, я посасываю ее клитор, медленно трахая пальцами, наслаждаясь властью, которую я имею над ее телом. Она промокла насквозь и задыхается, готовая кончить, когда я остановлюсь.

— Скажи мне, чего ты хочешь, — я снимаю пиджак и бросаю его на пол, прежде чем расстегнуть рубашку.

Она прикусывает губу, но упрямое дерьмо держит ее рот закрытым. Ухмыляясь, я снимаю с себя остальную одежду и возвращаюсь к вылизыванию ее киски. Я ласкаю ее, посасывая и вращаю языком там, где она наиболее чувствительна, пока ее тело не сотрясается, и я снова останавливаюсь.

— Черт возьми, Атлас, — шипит она.

— Умоляй меня. Скажи, что я нужен тебе так же сильно, как и ты мне. Скажи, что любишь меня, — я уговариваю ее, проводя головкой члена по ее сокам, замирая у ее входа. Я не сдамся раньше, чем это сделает она, и она это знает.

— Я не хочу любить тебя, — стонет она, когда я склоняюсь над ней.

— Но ты все равно любишь.

— Боже, помоги мне, но я люблю, — шепчет она, когда я врываюсь в нее.

Жаль, что я не могу двигаться медленнее ради нее. Только в этот раз я хотел бы быть кем-то большим, хотел бы я быть мужчиной, о котором она мечтает, а не тем, кто был в ее кошмарах. Но мечты — это для детей, которые не знают лучшего. Жизнь — дерьмо. Выживают только сильные. Айви намного сильнее, чем она осознает.

Айви не нужен герой. Ей нужен злодей, который будет резать и убивать любого, кто встанет на ее пути.

К счастью для нее, немного крови никогда не беспокоило меня.

Глядя в окно, я потягиваю чай, пытаюсь унять расстройство желудка, сосредоточившись на цветущих радужных цветах. Я никогда не видела, чтобы сад выглядел таким ярким в разгар зимы, но, как и все остальное, к чему прикасается Атлас, за этим следует волшебство.

Я закрываю глаза, наслаждаясь кратким одиночеством, пока Атлас, черт возьми, там, где он может быть сегодня. Он хотел утащить меня с собой, но, поскольку я чувствовала себя неважно, я отказалась и отправила его заниматься бог знает чем. Этот человек запустил свои пальцы в такое количество пирогов, что я не могу за всем уследить.

Тем временем я сижу здесь, пытаюсь понять, что я собираюсь делать со своей жизнью.

Когда я думала, что обрела опору, появился Атлас и выбил почву у меня из-под ног.

Правда в том, что я могла бы сидеть здесь весь день, и я все еще не уверена, что смогла бы разгадать сложность своих чувств к этому мужчине. У Атласа есть способ настроить против меня не только мое тело, но и мое сердце. Единственное, что мешает мне полностью потерять себя, — это упрямая часть меня, которая отказывается, чтобы ее держали на поводке и выставляли напоказ, как ценного пони.

Я все еще очень переживаю из-за его действий и той боли, которую он мне причинил. Добавьте к этому то, как он так легко лгал мне, и это заставляет меня сомневаться во всем, что было между нами.

Кто такой Атлас Монро на самом деле?

Вздыхнув, я решаю прогуляться по саду вместо того, чтобы пялиться на него. Может быть, свежий воздух поможет прояснить мои спутанные мысли.

— О, простите, миссис Монро. Я просто зашла узнать, не нужно ли вам что-нибудь еще, перед моим уходом?

Я оборачиваюсь на звук женского голоса и качаю головой. Я вежливо улыбаюсь Мэри, экономке. Это не ее вина, что я зла на Атласа, хотя часть меня задается вопросом, насколько она замешана в его действиях. Его сотрудники, кажется, довольно лояльны к нему. За исключением Кейна, они были только добры ко мне, но шестое чувство инстинктивно подсказывает, что если Атлас положит конец нашим отношениям, они вычеркнут меня из своей жизни, как будто меня никогда здесь не было.

Это не вызывает у меня дружеских чувств. Размышления об этом напоминают мне, что с Питом и Кензо тоже нужно быть осторожной. С ними легко быть беззаботной, но они не мои друзья. Они верны Атласу, и они доказали это, согласившись с каждой из его гребанных идей.

— Нет, спасибо. Всё хорошо. Я собираюсь прогуляться по саду.

Она кивает и улыбается, спеша забрать мою теперь уже пустую чашку.

— Это кажется отличной идеей. По прогнозу, позже снова пойдет дождь, так что я бы воспользовалась шансом, — мягко говорит она мне, прежде чем попрощаться и уйти.

Я даю ей несколько минут, чтобы уйти, чтобы меня не заставляли вести пустую болтовню, для которой я не в настроении.

Внезапная потребность выбраться наружу впивается когтями в мою кожу, так сильно, что я бегу по коридору и толкаю двери сильнее, чем хотела. К счастью, стекло не разбивается, но это привлекает внимание мужчины, которого я не узнаю.

— Все в порядке, миссис Монро?

Я замираю, настороженно глядя на него.

— Я просто хочу прогуляться по саду. Это нормально? — тихо спрашиваю я его. После нападения Кейна охранников стало больше, и я не могу не задаться вопросом, для того ли это, чтобы не впускать незваных гостей, или для того, чтобы не выпускать меня.

— Конечно, миссис Монро.

Я киваю и выхожу на деревянный настил, делаю глубокий вдох и чувствую, как часть напряжения в моих плечах немного спадает.

Сладкий аромат роз и лаванды проникает в мои чувства, заставляя меня расслабиться еще больше. Я спускаюсь по ступенькам на траву и иду по маленькой извилистой тропинке, чувствуя себя так, словно ступила на страницы «Тайного сада».

Может, у меня и нет большого опыта, но я могу оценить красоту этого места. Внутри огромного дома царит гнетущая атмосфера. Отношения между мной и Атласом балансируют на острие ножа согласия. Если я откажусь от него, я стану его пленницей. Я знаю это так же точно, как то, что небо голубое. Мужчина, который приложил столько усилий, чтобы заполучить меня, просто так не отпустит.

В данный момент я не уверена, кто я. Каждое действие и реакция кажутся фальшивыми и вынужденными, поскольку я пытаюсь со всем справиться. Я подавляю свой гнев, пока разбираюсь с тем фактом, что действия Атласа омрачили блеск того, что у нас было, и смиряюсь с тем фактом, что я люблю мужчину, который способен на такие вещи.

Я знала, возможно, не с самого начала, что Атлас не будет таким, как другие мужчины. Помимо темноты, он ревнив и в большей степени собственник. Самое хреновое, что заставляет феминистку во мне кричать от отчаяния, это то, что мне нравится власть, которую он имеет надо мной, по крайней мере, в спальне. Я никогда не думала, что мне это понравится, но есть что-то в том, чтобы быть прижатой и загнанной, как животное, что пробуждает во мне нечто темное.

Вместо того, чтобы заставлять меня чувствовать себя маленькой и слабой, это заставляет меня чувствовать себя смелой. Моя вера в то, что он не зайдет слишком далеко, в некотором роде успокаивает, но в этом суть проблемы. Действия Атласа пошатнули основы моего доверия к нему, и я не уверена, что у меня достаточно сил, чтобы преодолеть это.

Проводя пальцами по нежно-розовым лепесткам цветка, я признаю, что не знаю, как все исправить между нами. Контроль, который он излучает в спальне, слишком часто выплескивается в нашу реальную жизнь. Я могу справиться, потому что таков уж Атлас, но то, что он сделал — я не уверена, что смогу просто отпустить это. Если я прощу его сейчас, я установлю планку для своих ожиданий, которая прямо сейчас настолько чертовски низка, что вам пришлось бы побывать в подвешенном состоянии, чтобы достичь ее.

Наверное, я надеялась на большее.

Блуждая вокруг, погруженная в свои мысли, я не понимаю, что я не одна, пока приступ

осознания не заставляет меня поднять голову.

Сидя на нижней ступеньке веранды, Атлас наблюдает за мной, его пиджак и галстук лежат на ступеньках рядом с ним, а несколько верхних пуговиц рубашки расстегнуты у шеи.

Полагаю, он решил работать из дома. Должно быть, это мило.

Я отвожу взгляд, замечаю темнеющее небо и хмурюсь. Как долго я здесь нахожусь? Если подумать, в воздухе ощущается холод, которого я раньше не замечала.

Я скрещиваю руки на груди, чтобы защититься от холода, но Атлас не упускает этого движения. Этот мужчина ничего не пропускает.

Вставая, он хватается за пиджак, который сбросил, и подходит ко мне, накидывая его мне на плечи.

Его запах окружает меня, заставляя чувствовать себя одновременно утешенной и разочарованной, но я прикусываю язык.

— Похоже, начинается дождь. Давай отведем тебя внутрь.

Я закрываю глаза и вздыхаю, желая остаться здесь одна, даже если для этого придется стоять под проливным дождем, но Атлас просто перекинул бы меня через плечо.

Взяв за руку, он ведет меня обратно в дом и проводит на кухню, где на плите что-то тушится. От запаха чеснока и трав у меня урчит в животе.

— Мэри приготовила для нас ужин. Мы можем поесть здесь, а потом посмотреть фильм в постели, если хочешь.

Я пожимаю плечами и сажусь на один из высоких стульев.

— Если ты не хочешь, просто скажи.

— Будет ли это вообще иметь значение?

— Конечно, если ты не хочешь смотреть фильм, мы можем просто трахнуть.

Я пристально смотрю на него, прежде чем изобразить дерьмово фальшивую улыбку.

— Что ж, спасибо тебе, Атлас. Фильм звучит просто восхитительно.

Он разворачивает стул и прижимает меня к стойке, наклоняя голову так, что его лицо оказывается в нескольких сантиметрах от моего.

— Будь очень осторожна, Айви. Я могу быть терпеливым, но я не любитель дерзости. Я пытаюсь относиться к тебе снисходительно, потому что ты сказала, что плохо себя чувствуешь. Если ты продолжишь дерзить, я просто предположу, что ты чувствуешь себя лучше и готова возобновить обычные занятия.

— Если ты хочешь, чтобы я была счастлива, Атлас, тогда перестань быть ебаным мудаком!

— Рот, — делает он выговор, но вместо того, чтобы выглядеть разъяренным, как я ожидала, он улыбается.

— Я не знаю, как смириться с твоими поступками. Я провела весь день, прокручивая снова и снова в своей голове, пытаюсь оправдать все это, потому что я люблю тебя, как дура, Атлас. Возможно, больше, чем следовало бы, учитывая, насколько ты совершенно безумен. Но как бы сильно я ни старалась забыть, я не могу. Ты делаешь мне больно. Ты солгал мне, и лишил меня возможности доверять тебе.

Он минуту молчит, обдумывая то, что я сказала, прежде чем вздохнуть.

— Я не сожалею, что ты здесь или что ты моя жена. Трудно найти сожаление в чем-то, что обернулось в мою пользу.

— Но у меня это не сработало, — рычу я.

Поднимая меня, он усаживает меня на стойку, так что мои глаза оказываются на одном

уровне с его.

— Я буду играть с тобой тысячью способов, если это означает, что я смогу удержать тебя. Люби меня или ненавидь, Айви, но когда каждую ночь мой член будет погружаться в твою скользкую киску, это будет сопровождаться осознанием того, что ты моя жена, и я убью любого, кто попытается отнять тебя у меня.

Я закрываю глаза и стону. Я не уверена, что его действия оправданы, но я больше не могу рассуждать как безумная.

— Как насчет того, чтобы мы поели, и я обещаю не замысливать твое убийство во время нашей трапезы, — я предлагаю оливковую ветвь, устав чувствовать тошноту и разбитое сердце. Что-то должно быть отдано.

Он целует кончик моего носа, прежде чем поднять меня со стойки и посадить обратно на стул.

Я наблюдаю, как он легко перемещается по кухне, прежде чем поставить тарелку передо мной.

Паста с острым соусом, салат и чесночный хлеб. Мое любимое.

Я смотрю на него с подозрением, но он просто улыбается. Каковы шансы, хм?

Он садится на табурет рядом со мной.

— Итак, чем ты сегодня занималась? — спрашивает Атлас. Мне удастся удержаться от язвительного ответа, не торопясь пережевывать и глотать.

— Я зашла в Интернет и посмотрела несколько курсов в колледже, как ты предлагал. Просто не уверена, что меня сейчас интересует. Я провела большую часть дня в саду. Там так красиво.

— Это было любимое место моей матери.

— Было? — После того, как его отец не произвел на меня особого впечатления, я не упоминала его семью, беспокоясь, что все они могут быть такими же безжалостными, как он.

— Она умерла давным-давно. Это был ее дом. Она оставила его мне, когда умерла.

— Атлас, прости. Я понятия не имела. Я знаю, как дерьмово терять родителя.

— Я знаю, что ты не хотела, детка, но это было давно. Я в порядке. Клянусь.

— Так ты вырос здесь?

— Нет. Этот дом принадлежал семье моей матери на протяжении нескольких поколений. Он всегда переходит к старшему ребенку. Когда она вышла замуж за моего отца, она переехала в Англию, чтобы быть с ним. Вот откуда он родом.

Я удивленно смотрю на него.

— Твой отец британец? У него нет британского акцента. Возможно, из-за этого он меньше походил бы на мудака.

— Он усердно работал, чтобы избавиться от него, думал, что это делает его слишком запоминающимся в море янки, параноидальный ублюдок.

— Так у тебя двойное гражданство? — спрашиваю я, накручивая спагетти на вилку.

— Да. Но я провожу большую часть своего времени здесь, в США. Ты когда-нибудь была за границей?

— Я даже никогда не летала на самолете до Вегаса.

— Однажды я отвезу тебя туда. Тебе понравится.

Я ничего на это не говорю. От меня не ускользнуло, что он строит планы на наше будущее, словно у него нет сомнений в том, что мы не потерпим неудачу.

— Потому что мы этого не сделаем.

Я резко поднимаю взгляд, не осознавая, что сказала это вслух.

— Я знаю, что сейчас ты мне не доверяешь, но я обещаю тебе, что не позволю нам потерпеть неудачу.

Может быть, это не он сумасшедший, может быть, это я, потому что, несмотря ни на что, я верю ему.

— Я просил, чтобы на нем не было метки, — говорит мне Дональд Перкс, чертовски сомнительный политик.

— Если вам не нравится, как я делаю свою работу, мистер Перкс, возможно, в следующий раз вам следует убрать за собой.

— Я не собираюсь платить за...

Моя рука обхватывает его за горло, и я прижимаю его к стене, прежде чем он успевает закончить предложение.

— Ты думаешь, что можешь так со мной разговаривать? Ты для меня никто. Ничто. Я мог бы свернуть тебе шею прямо сейчас и не думать о тебе до конца своих дней.

— Люди будут скучать по мне, — хрипит он.

— Какие люди? Жена, которая трахается с инструктором по теннису твоего сына, или эта киска, которой так надоело сосать твой член из кабинки туалета, что ты отказываешься выйти из него, что он сбежал от тебя?

— Откуда ты знаешь?

— Я всегда слежу за своими клиентами, придурок. Вопрос в том, что ты узнал обо мне? Нет, ты этого не сделал. Иначе ты бы знал, что мне насрать на деньги. Но теперь, когда ты меня разозлил, ты заплатишь вдвойне, или я отправлю твою задницу в бордель, где ты сможешь по-настоящему насладиться тем, как из тебя выебут все дерьмо.

Я отпускаю его и смотрю, как он падает на пол со своим потерявшим сознание любовником.

— Я заплачу, — его голос дрожит.

Кензо протягивает ему ноутбук с готовым к отправке банковским переводом.

— Давай. Я жду.

Мы молча стоим, пока он отправляет платеж, прежде чем Кензо дважды проверяет его и кивает мне.

— Приятно иметь с тобой дело, Дональд, — я отсалютовал ему двумя пальцами, прежде чем последовать за Кензо к машине.

— Ненавижу маленьких плаксивых придурков.

Кензо хмыкает в знак согласия.

— Как дела с Айви? — спрашивает он после минутного молчания.

Я смотрю на его ухмылку: — В следующий раз ты планируешь заплести мне косички?

— Пошел ты.

— Ей... становится лучше. Она записалась на несколько онлайн-курсов, которые помогли ей занять себя. Это помешало ей сойти с ума от волнения.

— Да, в этом доме есть место только для одного сумасшедшего, — фыркает Кензо. — Послушай, на нее давит не только все, что произошло между вами двумя. Она перестала работать на двух работах, постоянно находясь в разъездах, и ей было нечем заняться. Я бы к этому времени уже сошел с ума и выбросился из окна. Найти ей какое-нибудь занятие было умно.

— У меня бывают свои моменты. Я должен был что-то сделать. Я пока не могу позволить ей выйти из дома, она все еще может убежать.

— Она могла бы. Она должна, — бормочет он. Когда я свирепо смотрю на него, он поднимает руки в знак капитуляции, прежде чем вернуть их на руль.

— Попроси ее украсить это место или что-нибудь в этом роде. Через некоторое время новизна учебы пройдет, и вы снова вернетесь к исходной точке, если не исправите то, что сломали. Попробуй поговорить с ней, не позволяя своему члену вмешиваться. Расскажи ей все, чтобы ее больше не ждали потрясения. Она может удивить тебя. После того, что сделал Кейн, она была немного потрясена в тот день на кухне, когда я ее латал, но чего она не сделала, так это того, чтобы чертовски испугаться и кричать, что ее муж избил и застрелил человека у нее на глазах.

Я хмурюсь, когда понимаю, что он прав. Все это время я связывал это с тем, каким она видела меня. Это только доказало ей, что я монстр. Но не это сломило нас. Оглядываясь назад, я понимаю, что она ни разу не упомянула о том, что я с ним сделал. Словно это вообще не имело значение.

— Ее проблема со мной прямо сейчас — это доверие.

— Я сомневаюсь, что это ее единственная проблема, но, похоже, это единственная, которую она изо всех сил пытается разделить, и это касается не только тебя. Айви, которую мы с Питом знали и любили, ушла, и на ее месте вежливая, но осторожная женщина. Я не уверен, что она впустит кого-то из нас обратно. Из-за этого Пит похож на разъяренного медведя. У него слабость к девушке, и он чувствует себя дерьмово.

Я рычу, не желая, чтобы кто-то питал слабость к моей жене.

— Это не так, и ты это знаешь. Тебе нужно разобраться в этом, Атлас, или ее негодование будет продолжать расти по мере того, как она дистанцируется от всех нас. Мы заслужили это, я понимаю. Дело в том, что она тоже этого хочет. Она относилась к нам как к друзьям, и после всего, что произошло, мы совершенно ясно дали понять, что мы ей не принадлежим.

— Ей не нужны друзья. У нее есть я.

— Господи, с такими репликами, я не понимаю, почему она не упала к твоим ногам, — саркастически огрызается он в ответ.

— Я поговорю с ней.

— Ты сделаешь это.

Звонит мой мобильный: — Черт, — ругаюсь я, видя, что это мой отец. У меня сейчас нет времени на его бред. Он отступил, как я и хотел, и, блядь, держался подальше от меня, но, увидев его имя на телефоне, я вспоминаю, как он прикасался к Айви, и моя кровь снова вскипает. Если бы он не был моим отцом, он был бы мертв.

Я отправляю его на голосовую почту, но он сразу же начинает звонить снова.

Кензо смотрит на меня и хмурится.

Когда он звонит в третий раз, я отвечаю: — Надеюсь, это важно.

— Эбигейл пропала. Ее муж Тони мертв.

— Что? — я сажусь прямо, переключаясь на громкую связь.

— Полицейские уехали отсюда около часа назад. Они ни хрена мне не сказали, поэтому я попросил кого-нибудь раскопать то, о чем копы умолчали, и вот что я знаю. Пять дней назад злоумышленник вломился в дом и выстрелил Тони в лоб в стиле казни, пока тот спал. Там была чертова тонна крови, но не вся она принадлежала Тони. Кое-что из этого принадлежит Эбби.

— Могла ли она это сделать? Никто из нас не разговаривал с ней годами, и последнее, что я слышал, что они с мужем в основном жили раздельно. Я понятия не имею, на что похожи их отношения.

— Это приходило мне в голову, но ходят слухи, что у Эбби агорафобия. Она годами не выходила из дома. Кроме того, одна из камер возле ворот засняла женщину с длинными светлыми волосами до того, как они были отключены, а Эбигейл все еще очень похожа на брюнетку, судя по ее последним постам в социальных сетях.

— Недовольный любовник или отвергнутая женщина. Не такое уж неслыханное явление, — говорю я ему, но волосы у меня на затылке встают дыбом.

— Возможно, но на кровати рядом с Тони лежала газета. Она была открыта на страницах светской хроники, где есть фотография тебя с женой в Вегасе.

Я сжимаю телефон так сильно, что слышу, как он трескается.

— У Айви выцарапаны глаза... — все остальное, что он говорит, я не слышу, теряется для меня из-за белого шума, наполняющего мои уши.

— Отвези нас домой сейчас же, — рывкаю я Кензо.

— Это она, не так ли? — голос моего отца кричит на меня, заставляя меня снова сосредоточиться. Он звучит взбешенным, но в то же время оправданным, как будто хочет рассмеяться и сказать мне, что я тебе это говорил.

— Тебе тоже лучше быть начеку, старик, потому что мы с Айви теперь не будем ее единственной целью, не так ли?

— Возможно, но... — на том конце провода раздается выстрел, прежде чем раздается крик, который я помню с давних пор.

— Нет, оставь его в покое. Слезь с меня! — голос Эбигейл срывается на хныканье, прежде чем линия обрывается.

— Блядь! Блядь, блядь!

— Атлас, держи себя в руках. Мы знаем, что Эбигейл, по крайней мере, жива, и она не говорила, что он мертв, она сказала: «Оставь его в покое». Похоже она пытается сказать нам, что он все еще жив.

— Мне не следовало убивать Джима. Я оставил его беззащитным.

— У него много людей, чтобы прикрыть его. Это не твоя вина, — говорит он мне, уперев ногу в пол, пока мы лавируем в потоке машин.

Я не отвечаю, мои мысли об Айви.

Я снимаю телефон с громкой связи и набираю ее номер, мое сердце бешено колотится, пока не отвечает ее мягкий голос.

— Атлас?

— Иди в мой кабинет и запишись там. Комната устроена как комната страха. Как только ты закроешь дверь, она не откроется снаружи.

— Атлас, ты меня пугаешь.

— Я все объясню, когда доберусь туда, но сейчас уходи, Айви. Не покидай эту комнату ни для кого, кроме меня.

— Ладно, блядь. Я уйду, но когда ты вернешься домой, я надеру тебе задницу за то, что ты так напугал меня, — дерзит она, заставляя меня улыбнуться, несмотря ни на что.

— Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю, — тихо говорит она мне, прежде чем я вешаю трубку.

С ней все будет в порядке. Все остальное неприемлемо.

Звоня Марку, начальнику службы безопасности в отсутствие Кензо, я делюсь тем, что знаю. Он уверяет меня, что все у него под контролем, поэтому я вешаю трубку и набираю номер отца. Но никто не отвечает. Не то чтобы я этого ожидал.

Я все равно продолжаю пытаться, на всякий случай, но я знаю, что это пустая трата моего времени.

Вешая трубку, я бью кулаком по приборной панели и рычу. Это моя вина. Если бы я нашел ее раньше... Я позволил себе так увлечься Айви, и теперь все это могло оказаться напрасным. Я все равно могу ее потерять.

Телефон звенит в моей руке, заставляя меня подпрыгнуть. Я отвечаю, не глядя, чтобы посмотреть, кто это, и слышу маниакальный смех, от которого меня пробирает до костей.

— Ты действительно думал, что я забуду, что ты со мной сделал? — Приглушенный голос звучит холодно и роботизированно, прежде чем звонок обрывается.

Я отправляю сообщение Гранту, моему технарю, и пересылаю номер ему, а также номер моего отца, спрашивая, может ли он отследить их. Я пытаюсь связаться с кем-нибудь из команды моего отца, но никто не отвечает.

— Либо эта сумасшедшая сука уничтожила службу безопасности моего отца, либо у нее есть какой-то глушитель, блокирующий сигналы сотового, потому что я ни с кем не могу связаться.

— В любом случае, ты забываешь, что если она с твоим отцом, то она никогда не доберется до твоей девушки раньше нас. Айви в безопасности, и это даст нам время расставить ловушку, в которую попадет Эмма.

Это то, что мы делаем, планируем смерть призрака, который преследует меня годами.

Я в шоке смотрю на палочку, не в силах осознать правду. Но пять тестов на беременность не могут быть ошибочными, не так ли?

Я заказала их целую кучу. Какой-то тоненький голосок в моей голове посеял семя сомнения, но я ни на секунду не верила, что действительно могу быть беременна.

Наивно предполагала, что имплантат будет эффективен на 100 %, потому что какой, черт возьми, смысл в нем в противном случае? Мои предположения позволили легко списать другие симптомы, такие как прекращение месячных и болезненность груди, на распространенные побочные эффекты, о которых упоминала врач, когда вводила его. Но после того, как меня тошнило каждое утро в течение последних двух недель, я должна была, по крайней мере, исключить это.

— Я в такой заднице, — стону я, падая в кресло и желая, чтобы маленькие розовые линии исчезли.

Мой телефон звонит на прикроватном столике, заставляя меня подпрыгнуть.

Подняв его, я вижу, что это Атлас. Я делаю глубокий вдох, чтобы ничего не выдать по телефону. Когда я скажу ему, это должно быть лицом к лицу. Мы не говорили о том, чтобы завести детей, и учитывая собственные склонности Атласа, я беспокоюсь, как он их примет.

Я кладу руку на живот, понимая, что уже чувствую себя защитницей маленького самородка.

— Атлас? — отвечаю я, радуясь, что мой голос звучит ровно.

— Иди в мой кабинет и запрись там. Комната устроена как комната страха. Как только ты закроешь дверь, она не откроется снаружи.

— Атлас, ты меня пугаешь, — я оглядываю комнату, ожидая, что в любую минуту в окно выпрыгнет ниндзя.

— Я все объясню, когда доберусь туда, но сейчас уходи, Айви. Не покидай эту комнату ни для кого, кроме меня.

— Ладно, блядь. Я уйду, но когда ты вернешься домой, я надеру тебе задницу за то, что ты так напугал меня, — дерзко говорю я, чтобы скрыть свое беспокойство, зная, что у него помутится рассудок, если я запаникую. Возможно, я не знаю, что происходит, но ему нужно сохранять голову ясной. Я не могу потерять его, не сейчас.

— Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю, — тихо отвечаю я, пока мои беспорядочные мысли приходят в порядок. Все, с чем я сталкивалась, каждое принятое мной решение, я тысячу раз подвергала сомнению и пыталась применить ко всему логике и разум.

Но в том, что касается Атласа и меня, нет никакой логики и разумности. Мы бросаем вызов логике во всем, что делаем. Мы как огонь и вода, богатый мужчина и бедная девушка, здравомыслящие и чертовски сумасшедшие. Мы не подходим друг другу ни в теории, ни на бумаге, и все же для меня нет другого мужчины на планете, кроме него.

Атлас так искусно вплел себя в ткань того, кто я есть, что было бы невозможно освободиться, не истекая кровью.

Я могу продолжать наказывать его, наказывать нас обоих за тот выбор, который он сделал, или я могу уже нахуй забыть об этом.

Спеша к комоду, я хватаю пистолет из верхнего ящика и направляюсь в кабинет так быстро, как только могу. В доме полная тишина, отчего все кажется зловещим, словно тени ждут, когда монстр выйдет на свободу и принесет с собой хаос.

Мне жаль тех, кто думает, что они могут победить в поединке с моим мужем, потому что они скоро обнаружат, как и я — он не знает, как проигрывать.

Как только я закрываю за собой дверь, я делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться.

Даже без присутствия Атласа в этой комнате пахнет им, даря мне уют. Я сажусь в его огромное кресло и жду. Через десять минут, которые кажутся десятью часами, я понимаю, что мне нужно что-то сделать, чтобы мой мозг не придумывал ужасные сценарии наихудшего развития событий, вроде того, что Атлас лежит мертвый где-нибудь в канаве.

Мне нужно сделать курсовую работу, но возвращаться в спальню за ноутбуком было бы сейчас до смешного глупо. Я не знаю паролей к компьютеру Атласа, поэтому я роюсь в его ящиках в поисках блокнота и бумаги, полагая, что буду придерживаться старой школы.

— Джекпот, — я вытаскиваю блокнот из нижнего ящика, не осознавая, что прихватила и бумаги лежащие под ним, пока они не падают на пол.

— Черт, — я присаживаюсь на корточки, поднимаю пожелтевшую папку и кладу ее на стол, одновременно хватая бумаги, которые, должно быть, были внутри, не обращая особого внимания, пока две фотографии не заставляют меня потрясено и прерывисто вздохнуть.

Я падаю на задницу, не в силах оторвать глаз от кровавой бойни на первом фото. Тела разбросаны по земле, кровь покрывает белые льняные скатерти и красивую розовую сервировку стола под большим белым тентом с развевающимися на ветру розовыми лентами.

Свадьба и массовые похороны в одном флаконе. Мой желудок переворачивается, и я хватаю мусорную корзину, пока меня не стошнило.

Когда мой желудок успокаивается, я вытираю рот тыльной стороной ладони и переключаю внимание на следующую фотографию. Моя рука дрожит, когда я вижу ту же сцену с предыдущей фотографии, но на этой маленькая девочка, одетая в белое, покрытая с головы до ног кровью, стоит с затравленным выражением в глазах.

Я не знаю, как долго я сижу, уставившись на фотографию, прежде чем начинает звонить мой мобильный.

Взгляд на экран показывает, что это Атлас. Закрывая глаза, я желаю, чтобы хоть раз Вселенная перестала издеваться надо мной и дала мне покой.

Я нажимаю кнопку "Принять": — Открой дверь, Айви. Я снаружи.

Не говоря ни слова, вешая трубку, на автопилоте подхожу к двери и оказываюсь в его объятиях. Он крепко сжимает меня, пока я стою в шоке, пытаюсь сформулировать слова, но все, что я вижу, — это кровь.

Словно я нахожусь прямо там. Я практически чувствую этот запах и ощущаю его на своей коже.

— Айви?

Атлас немного отстраняется и с беспокойством смотрит на меня.

— Ты в порядке. Я не позволю, чтобы с тобой что-нибудь случилось. Ты ведь знаешь это, верно?

Я не могу ему ответить. Вместо этого я подхожу к фотографиям, которые оставила у него на столе, и поднимаю фотографию маленькой девочки.

— Кто она? — я не узнаю звука собственного голоса. Все, о чем я могу думать, это о той маленькой девочке и ребенке, растущем внутри меня, горе, объединяющее их.

— Айви.

Он делает шаг ко мне, но я качаю головой.

— Отвечай на гребаный вопрос, Атлас.

Еще на шаг ближе.

— Ты хочешь правду или ложь?

Слезы текут по моему лицу, но я позволяю им упасть.

— Скажи мне правду. Больше никакой лжи.

— Двенадцать лет назад я, мой отец и группа наших людей застрелили всех на свадьбе. Уолши всегда были в некотором роде нашими врагами, но мы старались не пугаться друг у друга под ногами.

— Но что-то изменилось.

— Мы узнали, что Дилан Уолш изнасиловал мою пятнадцатилетнюю сестру и она забеременела.

Я шиплю, его слова ощущаются как удар в живот. Он никогда не говорил мне, что у него есть сестра.

— Она умерла?

— Я уверен, что после того дня ей бы этого хотелось, — говорит он мне, глядя на фотографию.

— Она лгала обо всем. Двести семнадцать человек погибли в тот день, потому что моя младшая сестра солгала. Она была беременна, но отцом ребенка был парень — чистильщик бассейна, и ее мать придумала план, чтобы сказать, что это Дилан. Я понятия не имею, почему.

— Она солгала? — шепчу я, ужас слишком велик, чтобы его вынести.

— Мой отец застрелил мать и любовника Эбигейл у нее на глазах, а когда родился ее ребенок, его забрали и отдали на усыновление. В день, когда ей исполнилось шестнадцать, ее выдали замуж за мужчину, которого выбрал мой отец. С тех пор я ее не видел.

— Девочка, — я указываю на окровавленную маленькую девочку, смотрящую на меня в ответ, и поворачиваюсь к Атласу, чтобы увидеть, как его глаза становятся жестче.

— Последняя выжившая и единственная наследница. Мы потратили годы, охотясь за ней, готовясь к тому дню, когда она захочет отомстить, — он качает головой, гнев искажает его черты. Мой желудок угрожает взбунтоваться еще раз.

— Она была моей навязчивой идеей в течение двенадцати лет. Моей работой было выследить ее и убить. Я позволил этому поглотить меня, пока не появился ты.

— Значит, все эти невинные люди погибли из-за одной гребаной лжи, и вместо того, чтобы извлечь ценный урок, ты продолжаешь гоняться за маленькой девочкой, которая потеряла все?

— Ты не понимаешь, как все устроено в моем мире. Это око за око. К тому времени,

когда мы осознали правду, ущерб был нанесен. То, что мы сделали... это был пиздец, но оставить ее в живых, было сродни тому, чтобы вложить ей в руку пистолет и нарисовать мишень на наших спинах, — он делает еще один шаг ближе, будто приближается к раненому животному.

— Я потеряла своих родителей и помню, как чувствовала себя такой разбитой. Но та маленькая девочка, черт возьми, она, должно быть, была выпотрошена. Каждый член ее семьи был убит у нее на глазах. И этого было недостаточно, за ней все это время охотились те самые люди, которые сделали это с ней, — теперь я кричу, хватаясь за стол и фиксируя ноги, чтобы они не подогнулись.

— Наследники умеют мстить. Эта жизнь стирает границы морали. Здесь нет черного и белого, только кроваво-красное. И когда на карту поставлено состояние Уолшей...

— Ты действительно в это веришь? Она была всего лишь маленькой девочкой. Может быть, если бы ты просто оставил ее в покое, она сделала бы то же самое.

— Господи, Айви, это не какой-то гребаный фильм. Ты не получишь ничего взамен. Я не могу изменить то, что мы сделали. Но я чертовски уверен, что могу остановить повторение истории, потому что именно это и произойдет. Я потеряю свою семью в качестве наказания. Я знаю это, потому что это именно то, что я бы сделал! — он рычит на меня.

— Я изменила весь свой мир ради тебя. Я делала вещи и принимала их ради тебя, которые заставляют меня ненавидеть себя, но я делала это, потому что люблю тебя. Я, блядь, не могу дышать без тебя, Атлас. Разве ты не понимаешь? Нет ничего, чего бы я не сделала для тебя. Но не это. Не она, — я указываю на фотографию маленькой девочки и чувствую, как что-то внутри меня обрывается.

— У меня нет выбора. Она придет за нами. Пока она рядом, ты всегда будешь в опасности, моя семья всегда будет в опасности. Пока она не умрет, мира не будет.

Я прижимаю руку к животу, пытаюсь сдержать свою боль еще немного.

— Всегда есть выбор. Если ты хочешь будущего со мной, тогда она остается в твоём прошлом. Я не шучу, Атлас. Либо она станет свободной, либо я.

— Я тебя не отпущу! — он кричит, придвигаясь ближе. Я обхожу стол, прежде чем он успевает схватить меня, сохраняя дистанцию между нами.

— Ты не можешь заставить меня остаться, — шепчу я, вкладывая смысл в каждое слово. Сейчас нужно думать не только о себе.

— Ну же. Мы оба знаем, что это неправда, — он злобно смеется.

Я качаю головой, слезы бесконечно текут по моему лицу.

Чувствуя, как моя решимость возвращается на место, я расправляю плечи.

— Я была готова простить так много. Я раздвинула ноги для мужчины, который запятнал свои простыни моей невинностью. Я сделала это, зная, что у тебя на руках кровь. Я позволила тебе запятнать мою душу в надежде, что каким-то образом мой акт раскаяния сможет спасти твою, но ты не хочешь, чтобы тебя спасли, не так ли? Ты меня не любишь. Ты хочешь трахнуть меня. Ты хочешь владеть мной, но ты меня не любишь. Ты, блядь, не знаешь, что такое любовь. Ты говоришь об обладании и похоти, но как насчет сочувствия и раскаяния? Ты не способен ни на то, ни на другое, — я качаю головой, когда он отходит в сторону от стола. — Не надо. Больше ни одного гребаного шага.

— Одна ложь разрушила все, но только потому, что ты позволила этому случиться.

— Одна эта ложь привела все это в движение. Это стоило той маленькой девочке всего,

и прямо сейчас это будет стоять тебе меня.

— Она больше не маленькая девочка. Она чертовски взрослая женщина, которая заставляла меня оглядываться через плечо полжизни. Я больше не могу так жить. Не теперь, когда есть ты. Ты должна понять, Айви, другого выхода из этого нет. И да поможет мне бог, если бы она стояла сейчас здесь, передо мной, я бы убил ее еще до того, как она открыла рот. Как ты сказала, я не почувствую ни капли сочувствия или раскаяния, и ничто из того, что ты скажешь, не сможет меня остановить.

— И правда освободит тебя, — шепчу я сквозь слезы, вытаскивая его пистолет из-за спины своих леггинсов и стреляя.

Секунду я только и делаю, что наблюдаю, как он спотыкается, прежде чем поспешно обойти стол. Когда он падает на пол, я опускаюсь на колени прямо рядом с ним.

Я смотрю, как кровь расплзается по его рубашке, и у меня такое чувство, будто мои внутренности истекают кровью вместе с его.

— Раньше мне снились сны. Ужасные темные сны, наполненные кровью и запахом стрельбы. Когда я просыпалась, я ничего не помнила, но моя кожа все еще покрывалась мурашками, и я ощущала вкус страха на языке. Детский разум — хрупкая вещь. Подобная травма — она может проявляться сотней способов. Но иногда эти воспоминания остаются запертыми, пока кто-нибудь не откроет эту дверь.

Я дотрагиваюсь до линии роста волос, где остался слабый след от ожога после того, как пуля задела мою голову.

— Офицер полиции забрал меня и спрятал, сменил мое имя, подстриг волосы, прежде чем перевезти в Штаты. Люди, которые стали моими родителями, удочерили меня, когда мне было семь лет. Они никогда не знали моей истории, только то, что она была плохой. Они снова сменили мое имя, назвав меня в честь моей новой бабушки. Я не произнесла ни единого слова в течение трех лет, и к тому времени воспоминания поблекли. Все было надежно спрятано за закрытой дверью, и эта когда-то сломленная маленькая девочка создала свой собственный маленький пузырек счастья.

Его глаза невероятно расширяются, когда до него доходят мои слова.

— Я не помнила. Я и до сих пор не помню, по большей части. Но эта фотография что-то спровоцировала. Помню ее. Она безжизненно смотрела на меня из зеркала, словно сама была не более чем призраком.

Теперь я рыдаю, обнаружив, что мне так трудно дышать.

— Я люблю тебя. Ты разрушил весь мой мир, и я все еще чертовски люблю тебя. Наверное, я действительно сумасшедшая. Но сейчас это не имеет значения. Ничто не имеет значения, потому что я люблю нашего ребенка больше, — его лицо бледнеет, когда он тянется к моему животу, но его рука опускается прежде, чем он успеваеет коснуться меня.

— Твое желание убить меня, убить последнего представителя запятнанного рода Уолшей, включает в себя и твоего ребенка, и я никогда не позволю этому случиться. Ты и так уже достаточно отнял у меня.

Прижимаюсь своим лбом к его, наши слезы смешиваются.

— Ты просто не мог позволить призракам покоиться с миром, не так ли? Я люблю тебя даже сейчас, но у действий есть последствия, Атлас. Ты научил меня этому.

Я запечатлеваю поцелуй на его губах, оставляю свой телефон и пистолет на полу и поднимаюсь на ноги, прежде чем сделать единственное, что могу.

Я убегаяю.

Со стоном я прихожу в себя, удивляясь, какого хрена я лежу на полу в кабинете, пока все не наваливается на меня.

С ревом я перекатываюсь на колени и, пошатываясь, поднимаюсь на ноги. Я вытаскиваю свой мобильный из кармана.

— Босс? — Марк отвечает после первого гудка. — Вы в порядке?

— Где Айви? — я шиплю сквозь стиснутые зубы.

— В вашей комнате с Кензо. Сэр, откройте дверь, чтобы мы могли вас осмотреть. Айви сказала, что в вас стреляли, но она не смогла до вас добраться. Мы уже двадцать гребаных минут пытаемся попасть внутрь.

Я, пошатываясь, подхожу к двери и открываю ее, запоздало вспоминая, что комната звукоизолирована.

Когда Марк и трое других охранников врываются внутрь, я протискиваюсь мимо них в свою комнату, и распахиваю дверь.

— Где она, черт возьми? — я рычу, когда нахожу комнату пустой.

— Она сказала, что Кензо запер ее, пока не прибудет дополнительная помощь. Она умоляла нас вытащить вас, пока вы не умерли. — Марк растерянно оглядывает комнату, прежде чем сосредоточиться на моей рубашке.

— Нам нужно отвезти вас в больницу, сэр, — он пытается дотронуться до меня, но я отталкиваю его.

— Все в порядке. Это всего лишь мое плечо.

Достав свой телефон, я звоню Кензо.

Он отвечает: — С Айви все в порядке? — он говорит снова, прежде чем я успеваю что-либо сказать. — В доме никого нет. Мобильный телефон твоего отца все еще был внутри, явные следы борьбы, и все четверо охранников мертвы. Она, должно быть, уже на пути к тебе, но я буду только через пятнадцать минут, — кричит он, перекрикивая шум вертолета, в котором находится.

— Это не она. У кого бы ни были Эбигейл и мой отец, это не Эмма Уолш. Мы проверили семью Селин? Она сказала, что у нее никого не было, но мы знаем, какой она была чертовой лгуньей. Или как насчет Льюиса, ебаного чистильщика бассейна? — я чертыхаюсь, когда Марк рычит рядом со мной и разрывает мою рубашку, чтобы обработать

рану.

— О чем, черт возьми, ты говоришь, Атлас? Конечно, это Эмма, — рывкает Кензо.

— Айви — это Эмма. Это не она, поверь мне. Она и близко не подходила ни к моей сестре, ни к моему отцу, и у меня есть пуля в плече, чтобы доказать это.

— Какого хрена? Черт. Я уже в пути. Просто не делай ничего безумного, пока я не приеду. — он вешает трубку.

Я опускаю руку, и Марк пользуется этим, выливая на мою рану что-то, по ощущениям напоминающее долбаную кислоту, прежде чем залатать ее марлей.

— Пуля прошла навывлет. Тебе повезло.

— Удача тут ни при чем. Если бы она хотела моей смерти, она бы целилась мне в сердце или в голову.

— Я облажался, — признается Марк. — Протокол предписывает Кензо защищать Айви, пока мы защищаем тебя, но я никогда не проверял ее дважды.

— Ты закончил? Мне нужно найти ее, — сейчас я не могу иметь дело ни с чем, кроме Айви.

— Пока все в порядке.

Я поворачиваюсь и выхожу из комнаты, набирая номер Гранта.

— Эй, босс. Я не могу засечь сигнал, он разносится повсюду, а сотовый вашего отца говорит, что он все еще у него дома.

— Отследил Айви.

— Блядь! — он ругается. Я слышу, как щелкают клавиши ноутбука. — Нашел. Район склада на Шестой улице. Сейчас скину вам координаты.

— Отправь их и Кензо тоже. Пусть Пит заберет его с вертолетной площадки.

— Понял.

Я бегу к машине и забираюсь внутрь, игнорируя Марка, зовущего меня по имени, я сосредоточен на поисках своей жены.

Я мчусь по указанным мне координатам, прокручивает в голове все, что рассказала Айви, и, когда карма решила сделать меня своей сукой.

Годы, гребаные годы, потраченные впустую на поиски этой чертовой женщины, только для того, чтобы вмешалась судьба.

Как все это вообще возможно?

Я вспоминаю тот день, когда ее заявление попало на мой стол. Ее красивое лицо смотрело на меня, ее гладкая кожа и яркая улыбка находили отклик во мне, но именно ее глаза держали меня в заложниках. В них было что-то такое знакомое: — Блядь! — я ударяю рукой по рулю.

Подъезжая по указанному адресу, мне удается успокоиться настолько, чтобы обратить внимание на то, что меня окружает. Здесь все мертво. Сам район безлюден, потому что большая его часть находится в стадии строительства, благодаря проекту реконструкции, осуществляемому по всему городу.

Айви никогда бы не пришла сюда. Она бы не убежала от меня только для того, чтобы еще раз подвергнуть себя опасности.

Я достаю пистолет и крадусь вокруг здания. Я не вижу, чтобы кто-нибудь охранял его или патрулировал, поэтому я пробираюсь внутрь так тихо, как только могу.

Хныканье впереди привлекает мое внимание. Я иду на звук. Это приводит меня в большое пустое помещение, которое, вероятно, когда-то было частью заводского склада,

судя по большим металлическим стеллажам, которые тянутся вдоль и поперек помещения.

Прямо там, в центре, Айви, привязанная к стулу с заклеенным скотчем ртом. Мой отец сидит рядом с ней, его тело обмякло, он без сознания. Эбигейл рядом с ним, смотрит на меня широко раскрытыми от страха глазами. Ее длинные темные волосы развеваются вокруг нее, когда она качает головой и пытается мне что-то сказать, несмотря на заклеенный скотчем рот.

Я быстро осматриваю комнату, чтобы убедиться, что здесь больше никого нет, затем спешу к Айви и опускаюсь перед ней на колени.

Она хнычет, когда видит меня, ее страдание словно тисками сжимает мое сердце.

Я убираю скотч с ее рта так нежно, как только могу, прежде чем обхватить ладонью ее щеку.

Она начинает плакать, когда я целую ее в губы, прежде чем встать и подойти к ней сзади. Вынимая нож из кобуры, я разрезаю ленту и направляюсь освободить отца, в то время как Айви, пошатываясь, поднимается на ноги.

— Что случилось? — я тихо спрашиваю ее.

— Кто-то ударил меня по затылку, — отвечает она, протягивая руку, чтобы коснуться места, ее пальцы становятся влажными от крови.

Я иду к ней, но останавливаюсь как вкопанный, когда звук взводимого курка эхом разносится по комнате.

Я в шоке смотрю, как Эбигейл держит пистолет направленным на Айви. Свободной рукой она снимает скотч со рта и ухмыляется.

— Извини за это. Иногда я не могу рассчитать свои силы.

Когда она смотрит на меня, ее улыбка становится мерзкой.

— Сюрприз!

— Эбигейл? Какого хрена?

Я делаю еще один шаг к Айви, но Эбигейл качает головой.

— Пуф, паф, старший брат. Сделай еще шаг, и я снесу ее хорошенькую головку.

— Ты не хочешь этого, — говорю я, пытаюсь урезонить ее, но дикий блеск в ее глазах говорит мне, что с безумцем не поспоришь. Интересно, чувствует ли Айви то же самое, когда имеет дело со мной.

— О, я хочу, Атлас. Я действительно чертовски хочу. Удивительно, что может сделать один светлый парик и история об агорафобии. Вы потратили годы, гоняясь за призраком, настолько убежденные, что она вернется, чтобы отомстить, что вы все забыли, что она была не единственным человеком, чья жизнь была разрушена в тот день. Ты действительно думал, что я просто забуду? Ты хоть представляешь, что это со мной сделало?

Я закрываю глаза, представляя сломленную Эбигейл на больничной койке в тот день, когда у нее забрали сына. Да, я точно знаю, что мы с ней сделали.

— Тогда убей меня, Эбигейл. Ты права. Я это заслужил.

Айви хнычет, но Эбигейл качает головой.

— Нет, Атлас. Это слишком просто. Ты отнял у меня все, что было мне дорого. И теперь я собираюсь отплатить тебе тем же. Признаю, это заняло некоторое время, потому что тебе на все наплевать. Так что представь мое удивление, когда я узнала, что ты женился. И подумать только, ты даже не пригласил меня.

— Мне жаль.

— Это не так, но тебе будет жаль.

— Я знаю, каково это — потерять всех, кто тебе дорог. — Айви говорит мягко, делая шаг ближе ко мне.

— Ты ничего не знаешь. Твой муж — дьявол, а его отец еще хуже. Они убийцы.

— Знаю. Но если ты сделаешь это, то ты тоже станешь такой, — говорит ей Айви.

— Мне все равно. Они этого заслуживают.

— А как насчет меня? Заслуживаю ли я этого? — спрашивает Айви, склонив голову. Ее голос тих и спокоен, но я вижу, как дрожат ее руки.

— Сопутствующий ущерб. Ничего личного.

— О, это чертовски личное. Мне до смерти надоело быть сопутствующим ущербом. Что? Ты думаешь, что загнана в угол из-за скорби? Это не так. Это ты все начала. Твоя ложь лишила меня семьи. И теперь ты хочешь поплакать о том, как все несправедливо?

Глаза Эбигейл расширяются, и она издает шокированный звук.

— Эмма?

— Когда-то давно я ей была. Ты убила ее. Теперь я Айви, — Айви снова подходит ко мне ближе.

Эбигейл начинает плакать, внезапно становясь похожей на ту девочку, которой она была много лет назад.

— Я не хотела. Я не знала, что произойдет, но моя мама...

— Одна ложь, и все вышло из-под твоего контроля. Но теперь ты принимаешь решения, Эбигейл. Собираешься ли ты теперь забрать у меня еще больше?

Она не отвечает, но ее взгляд перебегает с Айви на меня.

— Он плохой человек.

— Я знаю.

— Он уничтожит тебя.

— Это я тоже знаю, и я все еще люблю его. Так же, как и ты.

— Ты бросил меня, — шепчет Эбигейл, и я понимаю, что она обращается ко мне.

— Я знаю, но я никогда не бросал твоего сына. Лиам Андерсон был усыновлен учительницей и бухгалтером, которые не могли иметь детей. Лиам счастлив, умен и любим. Он опережает своих одноклассников, ненавидит горох, любит строить...

Мой голос затихает, когда обе женщины в шоке смотрят на меня. Эбби заливается слезами, опуская пистолет.

Мои плечи немного расслабляются, я не подозреваю, что мой отец проснулся, пока он не бросается к Эбби.

Ее пистолет выстреливает как раз перед тем, как он вырывает его у нее из рук и направляет ей в голову, стреляя прежде, чем я прицеливаюсь в него.

— Хватит! — кричу я, заставляя его замереть.

Мертвые глаза Эбби смотрят в никуда с пола, куда она упала, кровь растекается вокруг нее подобно смертельному ореолу. Я надеюсь, что теперь, по крайней мере, она сможет обрести покой.

Мой отец отрывает взгляд от тела Эбби, чтобы посмотреть на Айви, злая ухмылка расплывается на его лице: — Наследница Уолшей...

Прежде чем он успевает сказать или сделать что-либо еще, я выпускаю две пули ему в грудь, зная, что Айви никогда не будет знать ни минуты покоя, если он выживет.

— Чертов идиот, — шиплю я, чувствуя потерю последних уз, которые связывали нас вместе. — Это закончится здесь. Сегодня.

Поворачиваясь к Айви, я открываю рот, но ничего не произношу, когда вижу, что ее розовая футболка спереди испачкана малиновым, ее кожа бледная, когда она хватается за живот, одинокая слеза скатывается по ее щеке.

Должно быть, шальная пуля Эбигейл попала в нее.

— Нет! — я реву, бросаясь к ней как раз вовремя, чтобы подхватить ее, когда она падает на пол.

Она поднимает на меня полные боли глаза, как раз в тот момент, когда Кензо и Пит вбегают в комнату с пистолетами наготове.

— С тобой все будет хорошо, Айви. Прибыла кавалерия. Мы тебя подлатаем, и ты будешь в порядке. Вот увидишь, — бормочу я, чувствуя, как она ускользает от меня. — Мне нужно так много всего исправить, так много способов, которыми я хочу доказать тебе, что ты была права, любя меня. Я должен многое наверстать, поэтому мне нужно, чтобы ты боролась, хорошо? Обещай мне, что не покинешь, — я задыхаюсь, чувствуя, как мое сердце разрывается на части.

— Ты хочешь услышать правду или ложь?

Я не могу сдержать крик боли от ее вопроса, потому что я так чертовски боюсь ее ответа.

— Всегда говори правду, — умоляю я, сжимая ее крепче.

— Я не покину тебя. Я обещаю.

Но она делает это еще до того, как мы добираемся до больницы.

— Извините, сэр, но на данный момент мы не знаем, когда она проснется и проснется ли вообще.

— Убирайся.

— Сэр?

— Либо ты уходишь, либо я переломаю тебе обе ноги и сам вышвырну тебя.

Он поворачивается и спешит прочь, но я больше не обращаю на него внимания. Я провожу рукой по волосам Айви и кладу голову на кровать рядом с ней.

— Ты обещала, — шепчу я, отказываясь отпустить ее на случай, если она ускользнет.

— Я думаю, что будет лучше, если мы переведем ее в специализированное учреждение, по крайней мере, до рождения ребенка. Там нам следует вернуться к разговору о...

Моя рука на его горле не дает остальным словам слететь с его губ.

— Если ты еще раз упомянешь об отключении аппарата или донорстве ее органов, я вскрою тебя и пожертвую твои за тебя. Убирайся нахуй. Я сам все устрою.

— Мистер Монро, — выдыхает он, когда я отпускаю его.

— Я что, блядь, заикался?

Он убегает как раз в тот момент, когда Кензо входит в комнату.

— Как она? — спрашивает он, вручая мне сумку, которую я попросил его забрать.

— Без изменений. Мне нужно, чтобы ты поговорил с доктором и договорился, чтобы мы могли отвезти ее домой.

Его плечи опускаются, но он кивает.

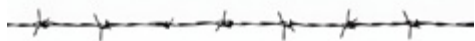
— Как ребенок?

— Хорошо. Сильный.

— Маленький боец, как его мама, — Кензо сжимает мое плечо, прежде чем уйти, чтобы сделать необходимые приготовления.

Я достаю из пакета пушистые радужные носки и подхожу к краю кровати, надевая по одному на каждую ногу, зная, что она ненавидит мерзнуть.

— Пожалуйста, проснись, сладкая. Я не знаю, как это сделать без тебя.

Ее живот вздымается и движется под моими пальцами, когда наш ребенок реагирует на мой голос. Делая паузу, когда звонит мой мобильный, я вставляю закладку между страницами и отвечаю.

— Дело сделано. Все, что осталось, законно. К тому же, когда Айви проснется, ей причитается наследство, если она, конечно, захочет на него претендовать. Вы, ребята, готовы к обычной жизни.

— Спасибо тебе, Кензо. Я... я просто не могу подвергать ее такой опасности. Я не могу рисковать...

— Знаю, Атлас. Не нужно ничего объяснять.

— Честно говоря, на седьмом месяце мы должны быть готовы ко всему. Обстоятельства, связанные с этой беременностью, далеки от нормальных. Очевидно, что нам придется принимать роды с помощью кесарева сечения, которое должно произойти в больнице. Но за ней будет самый лучший уход.

— Я знаю, док. Просто скажи мне, что ее сердце справится. Стресс, связанный с этой беременностью сказывается, и она сейчас такая хрупкая.

— Мистер Монро, ваша жена далеко не хрупкая. Вам не мешало бы помнить об этом, — она фыркает, прежде чем развернуться и умчаться прочь, заставляя меня улыбнуться.

Все здесь питают слабость к моей Айви. Даже без сознания ей удастся без особых усилий расположить к себе людей.

Поцеловав ее округлившийся живот, прежде чем встать, я наклоняюсь и прикасаюсь своими губами к ее. Потягиваясь, я подхожу к окну и смотрю вниз на цветущие пурпурные ирисы — те самые, которые я послал, чтобы принудить Айви стать моей женой. Хотел бы я знать тогда то, что знаю сейчас. Если бы я мог вернуть все назад, я бы это сделал. Она лежит на той кровати в коме уже семь гребаных месяцев, потому что я не мог просто отпустить ее.

Прижимаясь головой к стеклу, я провожу кончиками пальцев по заплетенному локону

волос Айви, обернутому вокруг моего запястья, и закрываю глаза. Я возношу молитву тому, кто, возможно, нас слышит.

— Пожалуйста, не забирай ее у меня. Я буду держаться подальше, присматривать за ней издалека и никогда больше не переступлю порога ее дома, если ты просто оставишь ее в живых. Теперь я понимаю. Я люблю ее достаточно сильно, чтобы отпустить.

— И я люблю тебя достаточно сильно, чтобы остаться.

Я резко оборачиваюсь и вижу уставшие глаза, смотрящие на меня в ответ.

— Ты вернулась.

— Я обещала, не так ли?

— Она такая красивая. — Благодаря эпидуральной анестезии я сейчас не чувствую боли, но я измотана, что смешно для того, кто провел семь месяцев во сне.

— Какая мать, такая и дочь, — шепчет Атлас. Я смотрю на него, а он смотрит на нашу маленькую девочку у меня на руках. Это были тяжелые несколько месяцев. Очнуться от комы не так просто, как открыть глаза и вскочить с постели.

Я проснулась в относительно ясном сознании, которое продолжалось несколько минут, прежде чем накатило облако замешательства. Честно говоря, первый месяц бодрствования все еще немного туманный. У меня была диагностирована целая куча проблем, с ПТСР было труднее всего справиться.

К счастью, мой муж чертовски богат. Он не жалел средств, когда дело касалось моего ухода. У меня было все: от физиотерапевтов, которые помогли мне снова ходить, до терапевтов, которые помогли мне разобраться с беспорядком в моей голове, и даже диетологов, которые помогли мне вернуть часть из тридцати фунтов, которые я сбросила. Атлас продумал все. Думаю, именно поэтому, несмотря на все трудности, я доносила нашего ребенка до срока, хотя у меня все еще не хватало сил родить естественным путем. Мое выздоровление займёт время, и я не ожидала чуда. Я уже получила больше, чем большинство других. Во-первых, чтобы дочь пережила мое ранение в живот, а во-вторых, чтобы проснуться и увидеть, как она растет.

— Ей нужно имя.

— Хм...А как насчет Айрис? — бормочет Атлас.

Я слегка усмехаюсь: — В честь цветка, с которым ты преследовал меня.

— Я не преследовал тебя. Скорее, я профессионально преследовал тебя.

Мой смех толкает малышку, которая издает огорченный вопль, прежде чем я прижимаю ее к груди.

Атлас проводит пальцами по ее щеке, совершенно очарованный ею. Мы все делали неправильно. Наша история должна была закончиться судебным запретом и наручниками. Так и должно было быть, но то, что я была хорошей девочкой и поступала правильно, в итоге принесло мне только боль и страдание.

Судьбоносные события того дня изменили все между нами. Любовь Атласа ко мне настолько абсолютна, что этот человек даже не позволил мне спокойно умереть.

Он впустил немного света в свой мир, а я впустил немного тьмы в свой, и каким-то образом, в тени, мы подходим друг другу.

— Это Айрис, — шепчу я и смотрю, как мой муж улыбается мне, и, боже милостивый, эта улыбка каждый раз убивает меня, что напоминает мне...

— Пока мы здесь, мне нужно разобраться с противозачаточными имплантатами. Очевидно, что у тебя суперсперма, и имплантат, возможно, с таким же успехом мог быть чертовым тик-так, учитывая, насколько он был эффективен.

Он напрягается рядом со мной, заставляя меня оторвать взгляд от Айрис.

— Атлас... — я произношу его имя как предупреждение.

— На самом деле это был не противозачаточный имплантат, который доктор поместил в тебя. Это маячок.

— Маячок? Маячок! Ты с ума сошел? Нет, знаешь что? Не отвечай на этот вопрос. Мы оба знаем, что это так. Ты сказал, что она достала его, пока я спала. Это правда?

— Нет, — отвечает он безучастно.

— Ты знаешь, я через многое прошла в последнее время. Я почти уверена, что отделалась бы признанием в невменяемости. Мне это понадобится, потому что я убью тебя во сне, если ты не заставишь их вытащить его прямо сейчас.

Он ухмыляется. Тупой, психотический мудака ухмыляется мне.

— Такая кровожадная, — поддразнивает он, прежде чем его улыбка спадает, и он показывает мне проблеск человека, который отказался позволить мне покинуть его. — Я бы никогда не нашел тебя на том складе. Я чуть не потерял тебя и Айрис. Если бы не этот маячок, ты могла истечь кровью на полу склада в одиночестве, — его голос звучит измученно, заставляя меня остановиться.

— Мы еще не говорили о...

— Мне жаль. Боже, ты никогда не узнаешь, как мне на самом деле жаль. Ты должна ненавидеть меня, черт возьми, я ненавижу себя.

Я вздыхаю и смотрю на нашу дочь, которая счастлива теперь, когда ее кормят, прежде чем поднять взгляд на Атласа.

— Я была им не нужна, ни когда была жива моя мать, ни когда она умерла. Они приняли меня только для вида. Они никогда не давали мне забыть, что я чужая. В день свадьбы я танцевала со своим отцом, чтобы фотограф мог запечатлеть постановочный момент, когда вокруг нас раздались звуки выстрелов. Пуля попала ему в грудь, заставив меня закричать. Это был первый раз, когда я помню, чтобы он смотрел на меня с чем-то иным, кроме отвращения. Его глаза, единственное, что он мне подарил, были полны раскаяния и сожаления. Он толкнул меня на землю и приказал спрятаться под столом, длинные скатерти полностью скрывали меня, пока меня не окружила тишина. Когда я выбралась наружу, все были мертвы.

Я поправляю Айрис, когда она хнычет, прежде чем продолжить.

— Забавно то, что кровавая бойня того дня быстро выветрилась у меня из головы. Наверное, это было слишком для меня, чтобы понять и переварить, но выражение глаз моего отца преследовало меня долгие годы после этого. Особенно потому, что я каждый день видела те же самые глаза, смотрящие на меня из зеркала.

— Это твои глаза преследовали меня.

Я хмурюсь, на мгновение сбита с толку.

— Когда твоя анкета легла на мой стол и я увидел фотографию, что-то меня зацепило. Мне потребовалось некоторое время, чтобы понять, что это были твои глаза. Я узнал их. Это были глаза девушки, чью жизнь я разрушил.

— А еще это глаза женщины, которую ты спас.

И это правда, потому что только явный отказ Атласа отпустить, удерживал меня здесь.

— Уходи. Я даже не могу... Атлас Монро, иди и убей кого-нибудь, пока я не убила тебя.

Кензо входит в комнату, Пит следует за ним. Пит забирает Айрис из моих рук и начинает ворковать с ней.

— Твоя женщина только что велела тебе кого-то убить? — Кензо фыркает, падая на диван рядом со мной.

Атлас ворчит, ему все еще не нравится другой мужчина, находящийся так близко ко мне, кем бы он ни был. Но он делает исключение для Кензо и Пита, которые защищают меня почти так же, как и он сам.

— Похоже, моя жена недовольна тем, что я отказался от менее приятных аспектов своей жизни.

— Ты вьешься надо мной, как насадка, Атлас. Ранее ты последовал за мной в ванную. Я в порядке. Я выздоравливаю, и если мне понадобится помощь, я обещаю, что попрошу. Но ты сходишь с ума, и меня это бесит.

Кензо начинает смеяться, заслужив от меня свирепый взгляд.

— Похоже, ты больше похожа на Атласа, чем мы предполагали.

— Я тебя порежу, — предупреждаю я его, заставляя всех троих засранцев в моей жизни хихикать. — Послушай, Атлас, я знаю, что ты сделал для меня. Я понимаю, что ты хочешь защитить меня, но это не тот мужчина, в которого я влюбилась. Хочу ли я, чтобы ты иногда приглушал свое безумие? Абсолютно, блядь, верно, но я никогда не просила тебя меняться.

Он качает головой, глядя на меня, и его губы подергиваются, прежде чем он вздыхает: — Я все подписал, так что это спорный вопрос в любом случае.

— Может, ты мог бы пойти и ограбить каких-нибудь пожилых леди или что-то в этом роде.

Он запрокидывает голову и смеется, и сейчас я почти испытываю мини-оргазм.

— На самом деле, ты этого не делал. Я просто временно перевел все на свое имя, пока ты не вытащил голову из задницы, — говорит ему Кензо.

Теперь моя очередь смеяться. Я поднимаю кулак, по которому он ударяет своим, и мы оба поворачиваемся, чтобы посмотреть на реакцию Атласа.

— Ты хочешь вернуть меня прежнего? — он настороженно наблюдает за мной, зная, что отношения между нами до того, как я пострадала, были на рекордно низком уровне, благодаря его действиям. Ну, это и то, что я стреляла в него.

— Я хочу вернуть тебя настоящего. Однажды ты сказал мне, что мужчина, в которого я влюбилась, не существует, и что вместо этого ты заставишь меня влюбиться в монстра. Я влюбилась, и теперь ты забрал его у меня. Это... — я обвожу рукой его обтянутое джинсами и футболкой тело, — не ты. Я хочу вернуть своего монстра.

— Пит, Кензо, присмотрите за моей дочерью, — он рывком ставит меня на ноги и перекидывает через плечо.

— Мне нужно трахнуть свою жену.

КОНЕЦ

Перевод группы:

t.me/ecstasybooks